

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Москва, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сендай, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Востоковедение»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
С. А. Комиссаров канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Н. В. Вампель-Сухадолник д-р истории, профессор (Университет Любляны, Словения)
Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, профессор (Институт археологии, Пекин, Китайская Народная Республика)
Вэй Цзянь д-р исторических наук, профессор (Китайский народный университет, Пекин, Китайская Народная Республика)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Кан Инук д-р истории, профессор (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
А. И. Кобзев д-р филос. наук, профессор (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)
О. П. Кобзева д-р ист. наук, профессор (Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека; Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика Узбекистан)
Ли Хонджон д-р истории, профессор (Национальный университет Мокпо, Республика Корея)
А. А. Маслов д-р ист. наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия)
А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия)
Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
П. Э. Подалко д-р истории, профессор (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
А. А. Родионов канд. филол. наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
Кунитакэ Садакацу д-р филологии, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института культурного наследия Нара (Нара, Япония)
А. Г. Сторожук д-р филол. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, профессор (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
Такакура Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, профессор (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США)
Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Stanislav O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), St. Petersburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Oriental Studies”

Executive Editors

- Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Sergey A. Komissarov Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- Andrey V. Varenov Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- Wang Wei Member of the Chinese Academy of Sciences, Corresponding Member of the German Archaeological Institute, Doctor of Sciences (Literature), Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
- Wei Jian Doctor of Sciences (History), Professor (Renmin University of China, Beijing, China)
- Nataliya L. Zhukovskaya Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Kang Inuk Doctor of Sciences (History), Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
- Artem I. Kobzev Doctor of Sciences (Philosophy), Professor (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Olga P. Kobzeva Doctor of Sciences (History), Professor (National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek; University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan)
- Lee Heonjong Doctor of Sciences (History), Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
- Aleksey A. Maslov Doctor of Sciences (History), Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation)
- Aleksandr N. Mescheryakov Doctor of Sciences (History), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)
- Germann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- Petr E. Podalko Doctor of Sciences (History), Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
- Alexey A. Rodionov Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- Kunitake Sadakatsu PhD, Doctor of Sciences (Philology), Senior Researcher (Nara National Research Institute for Cultural Properties, Nara, Japan)
- Alexander G. Storozhuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- Natasha V. Suhadolnik Doctor of Sciences (History), Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
- Zhaken K. Taymagambetov Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakhstan Higher School, Doctor of Sciences (History), Professor (Kazakhstan National Museum, Astana, Republic of Kazakhstan)
- Takakura Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
- Lothar von Falkenhausen Doctor of Sciences (History), Professor (University of California, Los Angeles, USA)
- Evgeniya L. Frolova Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2026. Том 25, № 4: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Культура Китая

- Войтишек Е. Э., Яо Сун, Василенко Т. Е.* Оздоровительный потенциал китайской традиционной культуры: художественные, ментальные и религиозные практики 9
- Дубкова О. В.* Ценность «民主 / демократия» в китайском поликодовом рекламном тексте 23
- Юэ Цян.* Транскультурация правового дискурса: перевод понятия «жэньгэцюань» в контексте диалога России и Китая 36
- Чжан Сяолин.* Новые тенденции обучения чайной культуре в китайских университетах: модель межкультурного нравственного воспитания иностранных студентов 48

История и источниковедение Китая

- Хаймурзина М. А.* Конфуцианская система образования в чжурчжэньском государстве Цзинь как фактор трансформации религиозного ландшафта северо-востока Китая 61
- Чан Чонг Зыонг.* Междисциплинарное исследование пагоды-фонаря Куангтьеу династии Ли во Вьетнаме и настенные росписи гротов Могао в Дуньхуане (на англ. яз.) 70
- Нгуен Тхи Тху Тхюи.* Обмены посольствами между Чосоном и минским Китаем (на англ. яз.) 79
- Завидовская Е. А.* Картографический материал как источник по истории юга провинции Юньнань 91

Археология Китая

- Варенов А. В.* Кошки и кошачьи хищники в ритуальных бронзах культуры Саньсиндуй 104
- Гирченко Е. А.* Население пограничного региона Цзюйянь в эпоху Западной Хань по данным эпиграфических источников 119

<i>Комиссаров С. А., Соловьев А. И.</i> Высокогорные маршруты Великого шелкового пути: новые данные по могильникам Жэшуй, провинция Цинхай, Китай	133
<i>Кудинова М. А.</i> Изучение культуры кумоси в археологии Китая	146
<i>Шавкунов В. Э.</i> О расселении первых мохэских племен по сведениям исторических хроник	159
Информация для авторов	168

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies

CONTENTS

Culture of China

- Voytishek E. E., Yao Song, Vasilenko T. E.* The Healing Potential of Chinese Traditional Culture: Artistic, Mental and Religious Practices 9
- Dubkova O. V.* The Value of “民主 / Democracy” in Chinese Polycode Advertising Text 23
- Yue Qiang.* Transculturation of Legal Discourse: Translating “人格权 *rén gé quán*” in the Context of Russian-Chinese Dialogue 36
- Zhang Xiaoling.* A New Trend in Tea Culture Education in Chinese Universities: A Model of Intercultural Moral Education of Foreign Students 48

History and Source Studies of China

- Khaymurzina M. A.* The Confucian Education System in the Jurchen Jin State as a Factor in the Transformation of the Religious Landscape of Northeast China 61
- Tran Trong Duong.* Multidisciplinary Study on Quang Chieu Lantern Pagoda of Ly Dynasty in Vietnam and Wall Paintings of Mogao Grottoes in Dunhuang 70
- Nguyen Thi Thu Thuy.* Envoy Exchanges between Joseon Korea and Ming China 79
- Zavidovskaya E. A.* Maps as a Historical Source of the Southern Yunnan Borderland 91

Archaeology of China

- Varenov A. V.* Cats and Feline Predators in Sanxingdui Culture Ritual Bronzes 104
- Girchenko E. A.* The Population of the Juyan Frontier Region during the Western Han Dynasty Based on Epigraphic Sources 119

<i>Komissarov S. A., Solovyev A. I.</i> High-Altitude Routes of the Great Silk Road: New Data on the Reshui Burial Grounds, Qinghai Province, China	133
<i>Kudinova M. A.</i> Study of Kumoxi Culture in Chinese Archaeology	146
<i>Shavkunov V. E.</i> Location of the First Mokhe Tribes According to Historical Chronicles	159
Instructions to Contributors	168

Научная статья

УДК 794.1+294.321+327

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-9-22

Оздоровительный потенциал китайской традиционной культуры: художественные, ментальные и религиозные практики

Елена Эдмундовна Войтишек¹

Яо Сун²

Татьяна Егоровна Василенко³

¹⁻³ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ e.voitishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

² s.iao@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5357-0264>

³ t.e.vasilenko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1986-5680>

Аннотация

Фокус исследования работы направлен на выявление оздоровительного потенциала и глубокой взаимосвязи различных видов традиционной культуры и искусства Китая. В системе выстраивания гармоничных отношений человека и общества это имеет большое значение, поскольку такой подход предлагает конкретные методы выработки адаптационных возможностей организма в условиях стрессов и постоянно меняющихся жизненных обстоятельств. Усилия, требующие вовлеченного участия в этих занятиях, высвобождают энергетические ресурсы индивидуума для решения других задач, переключая восприятие мира в другие регистры и выводя сознание на новый уровень осмысления действительности. Тесная связь между разными аспектами китайского искусства, скрепленными идейными концепциями конфуцианства, даосизма и буддизма, подчеркивает уникальный философско-мировоззренческий потенциал культуры Китая, выражающийся в единстве духа и формы, естественности и простоты, во взаимосвязи содержания и символики. При таком подходе многие аспекты традиционной китайской культуры можно рассматривать в качестве тонкого инструмента гармонизации тела и духа, позволяющего человеку жить в согласии с природными циклами и самим собой.

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность»

Ключевые слова

Китай, традиционная культура, музыка, каллиграфия, *цигун*, чай, благовония, буддийская медицина, ритуальные практики, сознание

Для цитирования

Войтишек Е. Э., Яо Сун, Василенко Т. Е. Оздоровительный потенциал китайской традиционной культуры: художественные, ментальные и религиозные практики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 9–22. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-9-22

The Healing Potential of Chinese Traditional Culture: Artistic, Mental and Religious Practices

Elena E. Voytishek¹, Yao Song², Tatiana E. Vasilenko³

¹⁻³ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ e.voytishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

² s.iao@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5357-0264>

³ t.e.vasilenko@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1986-5680>

Abstract

This study focuses on identifying the healing potential and profound interconnectedness of various forms of traditional Chinese culture and art. This is particularly important in the context of fostering harmonious relationships between individuals and society, as this approach offers specific methods for enhancing the body's adaptive capacity under stress and in the face of constantly changing life circumstances. Engaging in these activities liberates the individual's energy resources for other pursuits, shifting one's perception of the world and elevating consciousness to a new level of understanding reality. The comprehensive analysis reveals that many forms of traditional Chinese culture – such as music, calligraphy, qigong (the art of managing *qi* energy), tea ceremonies, and incense burning, and others – can serve as fundamental regulators of the psychophysical state of both individuals and society. The close connection among various aspects of Chinese art, grounded in the ideological concepts of Confucianism, Taoism, and Buddhism, underscores the unique philosophical and ideological potential of Chinese culture. This is expressed through the unity of spirit and form, naturalness and simplicity, and the interplay of content and symbolism. Through this lens, many elements of traditional Chinese culture can be viewed as subtle tools for harmonizing body and spirit, enabling individuals to live in harmony with the cycles of nature and themselves.

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Education and Science no. FSUS-2024-0028 “Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations between Russia and the Countries of East Asia: History and Modernity”

Keywords

China, traditional medicine, music, calligraphy, qigong, tea, incense, Buddhist medicine, ritual practices, consciousness.

For citation

Voytishek E. E., Yao Song, Vasilenko T. E. The Healing Potential of Chinese Traditional Culture: Artistic, Mental and Religious Practices. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-9-22

Изучение историко-культурных традиций Китая требует пристального внимания к анализу механизмов взаимодействия различных аспектов и сфер традиционной культуры в современном обществе. К ним относятся оздоровительные возможности практически любого вида культуры и искусства традиционного Китая. В научном мире уже давно не вызывает сомнений тезис о том, что традиционная медицина Востока является не только древней авторитетной системой врачевания, но и прежде всего очень важной частью культуры огромного региона. Такое понимание места медицины в культуре Китая и в целом в Азии задает фокус исследований, который направлен на выявление глубокой взаимосвязи различных видов традиционной культуры Китая с их огромным оздоровительным потенциалом в системе выстраивания гармоничных отношений человека и общества.

Занятия каллиграфией, живописью, музицирование, стихосложение и литературное творчество, психофизиологические гимнастики и боевые искусства (*цигун, тайцзи, ушу*), традиционные игры и развлечения, личный опыт в проведении чайных ритуалов, составление ароматических и цветочных композиций в искусстве благовоний и аранжировке цветов, участие в шахматных и шашечных баталиях – всё это имеет большое значение в выработке адаптационных возможностей организма в условиях стрессов и постоянно меняющихся жизненных обстоятельств. Усилия, требующие вовлеченного участия в этих занятиях, высвобождают мощные энергетические ресурсы индивидуума для решения других задач, переключая вос-

приятие мира в другие регистры и выводя сознание на новый уровень осмысления действительности.

Занятия этими видами процессуальных искусств, когда требуется точность и координация в движениях, предельная концентрация сознания, становятся мощным инструментом арт-терапии, что способствует совершенствованию практики осознанности и медитации, благотворно воздействует на физическое и психоэмоциональное состояние человека. Вероятно, эти механизмы взаимодействия различных видов искусства с оздоровительными техниками были нащупаны китайской философской мыслью и традиционной эстетикой еще в глубокой древности, когда были сформулированы важнейшие качества «благородного мужа» *цзюнь-цзы*.

Согласно конфуцианским представлениям, «человеку высоких достоинств» предписывалось владение шестью искусствами и умениями *六藝 лю и* (включающими этикет *禮 ли*, музыку *樂 юэ*, стрельбу из лука *射 шэ*, управление колесницей *御 юй*, каллиграфию *書 шу* и математику *數 шу*)¹. Аккумулированный более чем за тысячелетие опыт совершенствования техник владения различными искусствами в их применении к нуждам социума и потребностям индивидуального психофизического здоровья нашел оформление в эпоху Сун (960–1279), когда были сформулированы основные эстетические концепции «человека культуры» (*文人 вэньжэнь*)². В китайской художественной эстетике того же времени была выработана концепция *琴棋書畫 цинь ци шу хуа*, подразумевающая владение различными искусствами и формами интеллектуального досуга³.

Созданные сообществом интеллектуалов и литераторов такие процессуальные художественные практики являлись необходимым условием социализации «культурного» человека на Дальнем Востоке, залогом его успешной чиновничьей карьеры и во многом гармоничного психофизического состояния. Благодаря деятельности интеллектуалов за многие сотни лет в Китае и других странах конфуцианской цивилизации было придумано большое количество видов элитарного досуга комплексного и синкретичного характера. Взаимодействуя и переплетаясь друг с другом, они способствовали созданию прочной основы средневековой культуры, породив множество синтетических видов искусства, востребованных и по настоящее время. Традиционные искусства Китая, как и в целом стран Восточной Азии, предлагают чрезвычайно многообразные способы поддержания физического и ментального здоровья, способствуя не только благополучию и улучшению качества жизни конкретного человека, но и сохранению социальной активности людей на долгие годы.

Так, музыка, будучи частью традиционных мировоззренческих и философско-религиозных систем Китая, с давних времен выступала в качестве одного из важнейших регуляторов

¹ Понятие «шесть искусств» (*六藝 лю и*) впервые зафиксировано в памятнике «Чжоуские ритуалы» (*周禮·保氏 Чжоу ли*, раздел *Бао ши*), входящем в конфуцианское собрание «Тринадцатикнижие». Именно там встречается совет «через [изучение] пяти канонов последовательно [овладевать] шестью искусствами» (*通五經貫六藝 тун у цзин гуань лю и*). Под «пятью канонами» подразумевается, как правило, собрание ранних письменных сочинений: «И цзин» (*易經*), «Шу цзин» (*書經*), «Ши цзин» (*詩經*), «Ли цзи» (*禮記*), «Чунь цю» (*春秋*). См. информационный портал китайской электронной энциклопедии Байкэ байдун. URL: <https://baike.baidu.com/item/六艺/238715> (дата обращения 08.01.2026).

² В российском Китаеведении утвердилось двойное понимание этого термина: в узком и широком смыслах. В узком смысле под термином *вэньжэнь* понимается творческое окружение художника Су Ши эпохи Северная Сун (960–1127), а в широком смысле этим термином обозначаются непрофессиональные литераторы и художники, занимающиеся творчеством во время, свободное от чиновничьих дел.

³ Имелись в виду следующие искусства: игра на древней цитре (*古琴 гу цинь*), облавные шашки и шахматы *棋 ци*, литературное творчество и каллиграфия *書 шу*, занятия живописью *畫 хуа*. Тогда же в среде китайских интеллектуалов сформировалось понятие *文人四艺 вэньжэнь сии* (букв. «четыре искусства “человека культуры”»), которое объединяло следующие таланты и умения: воскурение благовоний *焚香 фэньсян*, приготовление чая *烹茶 пэнча*, живопись *掛畫 гуахуа* и аранжировку цветов *插花 чахуа*. Подробнее об упомянутых эстетических концепциях и деятельности «людей культуры» в Китае см. [Войтишек, 2023, с. 201–232].

взаимоотношений в обществе. Китайские философы и медики выявили наличие особой связи музыкальных звуков с концепцией *инь-ян*, с пятью первоэлементами (五行 *у син*) и акупунктурными зонами на теле человека. Через теоретические наработки и необходимые ритуальные практики они установили, что музыка имеет положительное влияние на здоровье человека, и стали использовать ее терапевтические свойства в качестве целебного средства от различных болезней ⁴.

В этом отношении примечательна этимология знаков 樂 («музыка» *юэ* / «радость» *лэ*) и 藥 («медицина» *яо*) ⁵, которые в традиционном написании очень похожи и различаются лишь одним элементом «травы», присутствующим в иероглифе «медицина». Иероглиф 樂 состоит из ключей «белый», «дерево» и «шелк», которые в древности имели отношение, вероятно, к знаменитой цитре *цин* (букв. «шелковая струна, натянутая на деревянной доске»). Анализ двух китайских иероглифов со значениями «музыка» и «медицина» показывает, насколько большое значение еще в древности придавалось музыке для лечения психического и физического здоровья человека. В настоящее время музыкотерапия как психотерапевтический метод коррекции физического и эмоционального состояния человека представляет большой интерес в контексте развития различных областей китайской культуры, включая традиционную медицину.

Китайские врачи издавна используют концепцию *у син* в медицине, соотнося пять первоэлементов со звуками пентатоники и пятью органами ⁶. Современные исследования в области интеграции китайских представлений о целительных свойствах музыки с европейской музыкальной культурой предлагают при лечении заболеваний использовать инструменты, характерные для обеих культурных традиций, где есть место и барабанам, и флейтам, и саксофону с гитарой, и скрипке с виолончелью (см. [Шушарджан, 1994, с. 98, 101]). Поскольку музыка неразрывно связана с физическим и эмоциональным здоровьем, музыкальные звуки являются средством, с помощью которого можно воздействовать на психофизическое состояние человека. В соответствии с этим врачеватели подбирают определенную мелодию для лечения пациентов так же, как отбирают травы и снадобья ⁷.

Традиция музыкальной терапии в Китае не ограничивается использованием пяти звуков пентатоники в их отношении к пяти основным органам – существует множество ее направлений, которые китайские специалисты используют в своих практиках. Особое значение приобрели методы вокалотерапии, за счет чего лечение человека происходит благодаря пропеванию различных слогов по особой методике. Речь идет о таком направлении духовно-

⁴ Представления о лечении музыкальными звуками зародились не только в Китае – похожие идеи о важности музыкотерапии существовали еще тысячелетия назад в нескольких древнейших цивилизациях независимо друг от друга. Но только в Китае под длительным воздействием оздоровительных и лечебных методик, определяющего значения исторической и философской литературы эти представления выросли до самостоятельного направления в традиционной медицине и «искусстве управления энергией *ци*» (气功 *цигун*).

⁵ В современном упрощенном виде оба иероглифа в графике, принятой в КНР, потеряли эту очевидную связь: знак «музыка» *юэ* / «радость» *лэ* записывается как 乐, а знак «медицина», «лекарство» *яо* выглядит как 药.

⁶ Так, в соответствии с этими представлениями, звук 角 *цзюэ* соответствует дереву (木 *му*) и печени, звук 徵 *чжи* – огню (火 *хо*) и сердцу, звук 宮 *гун* – земле (土 *ту*) и селезенке, звук 商 *шан* – металлу (金 *цин*) и легким, звук 羽 *юй* – воде (水 *шуй*) и почкам. Эта концепция уже изложена в древнейшем сочинении «Трактат Желтого императора о внутреннем» (黃帝內經 *Хуан-ди нэй-цзин*), основополагающем тексте традиционной китайской медицины, формирование которого как целостного сочинения относят к III в. до н. э. См. Хуан-ди нэй цзин. Портал Синология.ру. URL: https://www.synologia.ru/a/Хуан-ди_нэй_цзин (дата обращения 14.11.2025).

⁷ Принципы музыкотерапии основаны на резонансе, происходящем от вибраций: если вибрации от звуков музыки совпадают с вибрациями человеческого тела (кровенное давление, пульс, частота сердечных сокращений и др.), то терапевтический эффект возможен. Согласно методам музыкальной терапии, определенные мелодии принято слушать в строго рекомендованное время. При этом желательно, чтобы каждая мелодия была исполнена на определенном инструменте. Китайские врачи рекомендуют прослушивать музыку в течение 15–20 минут в день, по возможности в состоянии покоя, чтобы очистить разум, избавиться от суетных мыслей. Это своего рода медитация, в результате которой оздоравливается не только тело, но и дух. Чтобы добиться наилучшего эффекта, прослушивание мелодии для конкретного органа целесообразно в часы его максимальной активности.

целительных практик, как «звуковой *цигун*» (吐音功 *туинь гун*)⁸, где важными составляющими являются контроль дыхания и специальные движения, с помощью чего организм набирает кислород, активизирует энергию *ци* и насыщает ею соответствующие внутренние органы.

В даосских практиках также упоминаются особые целительные звуки (嘘 *сюй*, 四 *сы*, 呵 *кэ*, 吹 *чуй*, 呼 *ху*, 唏 *си*), связанные с главными органами в организме человека и звуками пентатоники. Согласно традиционным методикам, эти звуки можно пропевать в разных техниках – как в статическом положении, так и при выполнении специальных движений. Мастера, занимающиеся гимнастикой *цигун*⁹, и специалисты традиционной китайской медицины широко практикуют различные методы пропевания звуков, обращая внимание на интенсивность и высоту тона при звукоизвлечении. Примечательно, что терапевтический эффект возможен даже при внутреннем пропевании – «про себя»¹⁰.

Таким образом, во время лечения заболеваний с помощью методов «звукового цигуна» звуковые волны, создаваемые путем выдоха звуков, передаются внутренним органам через меридианы и коллатерали, регулируют соотношение сил *инь-ян*, улучшают работу внутренних органов и укрепляют иммунитет. Китайские специалисты в области традиционной медицины уделяют большое внимание использованию сезонной музыки в качестве важного терапевтического средства. Каждый сезон календарного цикла характеризуется определенными процессами в живой природе и физиологии человека, в связи с чем мелодия для сезона подбирается в соответствии с тем, что именно необходимо отрегулировать и скорректировать. Музыка определенного сезона (или даже 24 сезонов, на которые разбивается год) должна исполняться с определенной нотой (ладом) в качестве тоники.

Так, весна (лад 角 *цзюэ*) соотносится с первоэлементом Дерево и с печенью, которая весной наиболее активна. Весенняя музыка должна обладать успокаивающей и плавной мелодией, чтобы «умиротворять» печень и рассеивать депрессию, тревогу и раздражительность. С другой стороны, весенняя музыка должна способствовать росту и развитию, чтобы соответствовать характеру сезона. Это жизнерадостные мелодии, позволяющие человеку почувствовать себя как будто на лоне природы.

Лето (лад 徵 *чжи*) соответствует первоэлементу Огонь, управляет ростом, соотносится с сердцем. Сердце в традиции китайской медицины связано с духом, с совокупностью психических процессов. Летняя мелодия должна быть живой и жизнерадостной, чтобы способствовать питанию сердца и успокоению ума, устранению сердцебиения и бессонницы. Мело-

⁸ Этот терапевтический метод был разработан китайским специалистом Го Линь (郭林, 1909–1984) как ее собственный метод, основанный на использовании древнего искусства *цигун* и дыхательных практик. Сейчас он известен в Китае как «новый метод цигуна Го Линь» (郭林新气功 *Го Линь синь цигун*).

⁹ *Цигун* (气功) – это психофизиологическая гимнастика, построенная на комплексе восточных философских, мировоззренческих, религиозных концепций и прикладных технологий согласования двигательной активности, дыхания и состояния сознания. Система методик призвана наполнить организм «чистой *ци*» и отладить правильную ее циркуляцию. Это сложный комплекс медитативных практик и духовного самовоспитания [Ли Лисян, Твердохлебов, 2017, с. 11–12].

¹⁰ К примеру, для лечения сердца необходимо пропевать 征 *чжэн* 1-м тоном, 整 *чжэн* 3-м тоном; для легких – 商 *шан* 1-м тоном, 响 *шан* 3-м тоном; при лечении печени пропевают 桌 *чжо* 1-м тоном, 郭 *го* 1-м тоном, 桌 *чжо* 3-м тоном, 果 *го* 3-м тоном; при лечении селезенки – 宫 *гун* 1-м тоном, 巩 *гун* 1-м тоном; при лечении почек – 愚 *юй* 1-м тоном, 雨 *юй* 3-м тоном; при лечении желудка – 东 *дун* 1-м тоном, 懂 *дун* 3-м тоном. При этом 1-й тон означает высокий ровный звук, 3-й тон – низкий. Для самоуспокоения и релаксации рекомендуется тихо пропевать звук 松 *сун* ровным тоном. Сила звука зависит от индивидуальных особенностей человека. Однако в целом пропевание звуков сначала происходит с низкой интенсивностью, затем постепенно нарастает. Для лечения различных органов необходимо пропевание с различной интенсивностью. Так, для лечения сердца и легких нужна умеренная сила звукоизвлечения, для лечения селезенки, печени и почек требуется высокая интенсивность (из личных бесед Е. Э. Войтишек и Т. Е. Василенко с мастером Ли Лисяном (李立祥教授), профессором Тяньцзиньского университета традиционной китайской медицины).

дии лада *чжи* обладают быстрым ритмом, ясностью, воодушевлением, они дают человеку ощущение легкости, оживленности и подвижности.

Длинное лето (长夏 *чан ся*, лад 宫 *гун*) – это отдельный сезон, соответствующий 6-му месяцу по лунному календарю, в китайских реалиях он характеризуется жарой и высокой влажностью. Соотносится с первоэлементом Земля и с селезенкой, под которой подразумевается пищеварительная функция. Музыка этого сезона простая и ровная по тональности, характер мелодий задумчивый и торжественный.

Осень (лад 商 *шан*) соответствует Металлу и легким, регулирующим процессы дыхания. Осень в Китае является сухим сезоном, поэтому осенняя мелодия должна способствовать увлажнению легких и прекращению кашля, регулированию чувства грусти и меланхолии. Мелодии лада *шан* – мощные, торжественно-печальные, мужественные, звонкие и ритмичные, такие же звучные и мощные, как звуки ударов по металлу.

Зима (лад 羽 *юй*) соотносится с Водой, соответствует почкам. Почка – это самый глубоко залегающий орган в человеческом теле, они ответственны за накопление эссенции *цзин*, за репродуктивную функцию, водный обмен, состояние зубов и костей. Зима – это время затишья, сосредоточения на внутреннем. Зимняя музыка должна быть глубокой, продолжительной, способствующей сохранению и накоплению энергии внутри тела. Мелодии лада *юй* по характеру сумрачные, горестные. Они похожи на плывущее облако, подобны текущей воде, дают человеку чувство чистоты и простоты (цит. по: [Шиюн чжунъи яншэн, 2018, с. 62–63]).

Не только музыка в китайском искусстве обладает ярко выраженным терапевтическим эффектом, но и такие виды процессуальных искусств, как каллиграфия, психофизическая гимнастика *цигун* и боевые техники типа *ушу*, которые неслучайно часто называют «телесной каллиграфией». Каллиграфию можно считать специфическим видом графического искусства, творчески интерпретирующим нормативные знаки китайской письменности. Помимо смысловой, фонетической и эстетической нагрузки каллиграфическая надпись отражает идею гармонии и единства мироздания, баланса *инь-ян*. Каллиграфия обладает разработанной системой обращения с кистью, фиксированным количеством графических элементов, правилами построения композиции как отдельного иероглифа, так и иероглифического текста по принципу взаимообусловленности и взаимодополнения, равновесия пустого и полного. На протяжении веков каллиграфия являлась «стилеобразующей сферой художественной практики» [Духовная культура Китая, 2010, с. 171].

Не случайно ее пластика стала главной типологической особенностью китайской эстетики, проявляющейся в различных видах искусства, включая *ушу*, танец, гимнастику *тайцзицюань* и др. Каллиграфическая надпись обладает собственной энергией *ци* (что отличает ее от совершенных с технической стороны произведений, созданных роботами) и в полной мере проявляет личность и силу *ци* своего создателя. В этом смысле процесс создания каллиграфической работы очень близок к традиционным психофизическим практикам, одной из которых является *цигун*. Не секрет, что в современном мире, отличающемся агрессивной информационной насыщенностью при недостаточной физической активности, «синдром застоя *ци*» провоцирует возникновение многих опасных заболеваний [Ли Лисян, Твердохлебов, 2017, с. 4].

В этом случае оказываются крайне полезны разнообразные психофизические практики, среди которых *цигун* и каллиграфия являются наиболее эффективными. При этом за счет регулировки положения физического тела, дыхания и сознания достигается баланс сил *инь-ян*, гармонизируются поток *ци* и ток крови, укрепляются внутренние органы, гармонизируется психическая деятельность индивида, его дух и тело становятся более здоровыми. Во время практики *цигун* человек входит в особое состояние покоя, расслабленности и сосредоточенности, которое восстанавливает его физические и психические ресурсы, способствует укреплению истинной *ци*, объединяет внешнее и внутреннее. Это терапевтический метод, исходящий из идеи единства тела и духа, человека и природы. Несмотря на то, что вариантов

практики *цигун* существует множество, все они объединены идеей контроля над сознанием, дыханием и движением (через усилия за соблюдением корректного положения физического тела в статике или в динамике).

Ключевой момент в практике *цигун* – работа с сознанием, поддержание человека в устойчивом, спокойном, радостном состоянии, избавление от повседневного стресса, тревоги и неудовлетворенности. Для этого существуют различные техники, из которых наиболее популярным и известным является метод концентрации¹¹. Обретаемое при занятиях *цигун* состояние сосредоточенности, спокойствия, вовлеченности, избавления от суетных мыслей можно распространить и на другие виды деятельности. Одним из ярких примеров техники «*цигун* в искусстве» в Китае является каллиграфия. Центральное место в обоих видах искусства занимает работа с жизненной энергией *ци*, где движение рождается от намерения. Намерение ведет *ци*, а *ци* ведет тело для совершения или движения, или мазка кистью. Кисть становится продолжением руки, а рука – продолжением намерения.

Процесс создания каллиграфической работы соответствует критериям практики *цигун*, так как в нем есть сосредоточенность сознания, регулировка дыхания, контроль за физическими движениями. Занятия каллиграфией требуют от мастера основательной подготовки: прежде всего физической силы, позволяющей удерживать кисть необходимое время в нужном положении, хорошего владения своим телом, которое обеспечивает руке необходимый баланс нажима на кисть. Помимо этого, отработка движений кисти во время каллиграфии и удержание руки на весу во время письма требует силы и подвижности пальцев рук и запястья, поэтому каллиграфия оказывает выраженное закаляющее действие на руки, запястья и пальцы¹².

Занятия каллиграфией требуют от практикующего также чувства меры, позволяющего начинать и заканчивать движение строго тогда, когда это необходимо, силы духа, которая дает возможность не торопиться, интеллекта и большого умения. В этом смысле занятия каллиграфией близки к практикам *цигун* и *тайцзи* тем, что сочетают в себе сосредоточенность, регулировку дыхания, баланс активности и покоя, мягкость и твердость, пустоту и полноту, сильное и слабое усилие, быстрое и медленное движение кистью. За счет этих особенностей усиливается движение *ци* и крови, улучшается проходимость каналов и коллатералей, достигается общий гармонизирующий эффект [Шиюн чжунъян яншэн, 2018, с. 67].

Можно отметить еще одну общую черту в практиках *цигун* и каллиграфии. Это наличие предварительной подготовки: регулировка дыхания, растирание туши как психофизическая «разминка», концентрация на действии, начало движения кистью не от руки, а от поясницы, когда к движению подключается всё тело. По мнению В. Г. Белозеровой, при анализе китайских стилей и почерков важно учитывать «принципы телесности в искусстве каллиграфии», поскольку каллиграфическая пластика представляет собой не что иное, как «воплощение совершенного движения, которое осуществляет человеческое тело взаимодействием всех своих суставов и мышц». При таком подходе каждый почерк знаменует собой «установочную психосоматическую программу, проявляющую определенное духовное состояние» [Белозерова,

¹¹ Объектом концентрации может быть как область или точка внутри тела человека, так и внешний объект. Так, внутренней областью концентрации могут быть зона нижнего *дантьянь* («киноварное поле», область в глубине тела за пупком и перед почками), на пупке, на акупунктурных точках и пр. Можно считать также объектом внутренней концентрации дыхание, наблюдение за вдохами и выдохами. Объектами внешней концентрации могут служить элементы пейзажа или пейзаж в целом, изображение объекта, значимого для практикующего (буддийские картины *танка*, образ святого, портрет учителя и пр.). Каллиграфический свиток тоже может быть объектом для медитации, если она выполнена гармонично, черты в знаках уравновешены между собой и находятся в гармонических отношениях друг с другом.

¹² Особенно это показано людям, восстанавливающимся после инсульта. Если правой рукой не получается пользоваться (нет сил держать кисть), то для восстановления активности необходимо писать иероглифы левой рукой. С учетом того, что каллиграфия выполняется не только рукой, но и всем телом, фактически соблюдается принцип *тайцзицюань*, который гласит: «когда начинается движение, в него включается всё тело» (一动全身都动 и дун цюань шэнь доу дун). Это единое мощное, экономное и гармоничное движение, выраженное на бумаге. Оно наполнено внутренней энергией *ци*, сознанием и силой (一意气力 и *ци ли*).

2007, с. 35] и оказывающую терапевтический эффект на практикующего¹³. Таким образом, *цигун* и каллиграфия – это два пути, ведущие к одной цели: гармонизации человека с самим собой и со вселенной. При этом *цигун* проявляет внутреннюю энергию *ци* через движения тела, каллиграфия – через движение кисти.

Что касается чая, то уже в древнекитайских текстах он описывается прежде всего как лекарственное средство и источник бодрости. В тот период чай был доступен лишь представителям высших слоев общества и использовался преимущественно в медицинских целях [Духовная культура Китая, 2010, с. 312]¹⁴. Эта первичная терапевтическая функция чая позволяет установить структурную аналогию с древнейшим синкретизмом музыки и медицины. Как и понятие «музыка» (樂 *юэ*), которое было этимологически близко к понятию «медицина» (藥 *яо*), чай изначально рассматривался как ритуальный или целебный инструмент, что свидетельствует об общей закономерности развития китайских культурных категорий: они часто начинали свой путь как средства гармонизации физического или социального порядка, прежде чем стать самостоятельными эстетическими категориями [Крюков, 1997, с. 89].

В продолжение этого наблюдения можно выявить устойчивый параллелизм: если традиционная китайская медицина использует музыкальные тоны и вибрации для воздействия на внутренние органы и регулирования *инь-ян*, то чай использует свой уникальный химический состав (алкалоиды) и ритуальную эстетику (церемонии недеяния *у-вэй* и парадоксальные диалоги-коаны) для мобилизации и гармонизации внутренней энергии *ци*. Чай, будучи частью традиционных мировоззренческих систем, с древних времен рассматривался в Китае как универсальное средство, способствующее поддержанию здоровья и гармонизации внутреннего состояния человека. Его целебные свойства (снятие усталости, укрепление воли и зрения) были высоко оценены¹⁵. Являясь бесценным атрибутом китайской культуры на материальном уровне, он используется и для достижения тонких состояний сознания, необходимых для творческого и духовного совершенствования¹⁶.

Говоря о фундаментальных методах управления внутренним состоянием человека, выработанных за тысячелетия в китайской культуре, необходимо отметить тесную связь чая с благовониями. В традиционной китайской культуре чай (茶 *ча*) и благовония (香 *сян*) испокон веков воспринимаются как неразрывная пара, составляющая основу утонченного досуга ученых-интеллектуалов и аристократии. Их союз основан на общих философских и эстетических принципах. Оба ритуала, т. е. чаепитие и слушание благовоний (которое ценилось выше, чем простое «обоняние»), требуют от человека внутреннего сосредоточения, очищения сознания от суеты и настроя на восприятие тонких оттенков вкуса и аромата. Этот процесс, своего рода медитативная практика, способствовал самопознанию, творческому вдохновению и духовному общению в кругу друзей.

¹³ Так, стиль 楷書 *кай-шу* (уставное письмо) устраняет беспокойство, раздражение и гиперактивность. Стиль 隶書 *ли-шу* (протоустав) отличается серьезностью, сдержанностью и изяществом, он умиротворяет, гармонизирует *ци* и ток крови. Этот стиль имеет определенное лечебно-профилактическое действие при головных болях и бессоннице. Каллиграфические стили 行書 *син-шу* (полуустав) и 草書 *цао-шу* (скоропись) воодушевляют сердце. Их энергетика живая, соединяющая в себе мягкое и жесткое, полноту и пустоту. Эти виды письма приводят в движение дух, возбуждают настроение, освобождают чувства, удваивают смелость. Эти стили оказывают лечебно-восстановительное действие на пожилых, а также на людей, ослабленных болезнью или находящихся в подавленном эмоциональном состоянии [Шион чжунъи яншэн, 2018, с. 66].

¹⁴ Наряду с чайными листьями (лат. *Camellia sinensis*) в эпоху Хань в лекарственных целях использовали такие растения и плоды, как аконит, дафна, мать-и-мачеха, бетель, пион, коричник, чертополох, дудник, аир, перец, кизил и др. [Цю Цзипин, 2020, с. 133–134].

¹⁵ Сфера действия органических соединений в чае важна и широка: они регулируют иммунную функцию, стимулируют пищеварение, поддерживают нервную систему, сердечную деятельность и баланс жирового обмена, снижают кровяное давление, замедляют процессы старения, обладают бактерицидным и противовирусным действием, используются в качестве профилактики онкологических заболеваний [Чай..., 2007, с. 125–129].

¹⁶ О видах и свойствах китайского чая, методах его заваривания и дегустации см. [Чэнь Цзунмао и др., с. 2009].

В эпоху Сун (X–XIII вв.), когда искусство чая достигло невероятной изощренности, практически ни одна художественно-эстетическая акция, в том числе сочинение стихов, музицирование на цине, занятия каллиграфией или живописью, не обходилась без одновременного употребления изысканного чая и слушания аромата (как правило, сжигания редкой ароматической древесины – аквилярии или сандала). Аромат благовоний создавал особое сакральное пространство, отгонял злых духов и помогал участникам церемонии достичь состояния «покоя и безмятежности» (宁静 *нинцзин*), необходимого для полного раскрытия вкуса чая.

Философское единство чая и благовоний также проистекает из их общей связи с природой и концепцией «вкушения», дегустации (品茶 *пинь*). И чай, и благовония оцениваются по сложной системе критериев, требующим от ценителя развитого вкуса и обширных знаний. Тонкий аромат бездымного благовония подготавливает обонятельные рецепторы, очищает носоглотку и позволяет полнее ощутить букет и послевкусие чая (回甘 *хуэйгань*). В практике «благовоние – чай как единое целое» (香茶一体 *сян-ча ити*) для одного мероприятия подбираются сорта чая и благовоний, которые гармонично сочетаются друг с другом, создавая единый, многогранный образ. Эта связь выходит за рамки простого ритуала и становится высоким искусством, воплощающим китайский идеал гармонии человека с природой и вселенной.

При этом благовония представляют собой и вполне самостоятельную область культуры. Народы Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока с древности развивали методы использования ароматических субстанций для санитарно-гигиенических целей, лечебных и ритуальных нужд. В Китае благовония и лекарственные травы широко применяли вместе с акупунктурой и массажем; для обеззараживания помещения возжигали полынь, широко известную своими антисептическими свойствами; в храмовых ритуалах использовали душистые смолы, семена сосны и кипариса; в кулинарии повсеместно применяли специи, гвоздику, мускатный орех, камфару и др.

Накопленный за многие века опыт использования эфирных масел, смол, бальзамов впоследствии лег в основу науки об ароматах – ароматерапии¹⁷. Ароматерапия может являться как вспомогательной, так и самостоятельной медицинской дисциплиной и применяться наравне с гомеопатией, фитотерапией и другими методами. Ароматерапия в современном понимании – это профилактический, оздоровительный и естественный способ поддержания хорошей психоэмоциональной и физической формы. С учетом развития методов традиционной китайской медицины, их взаимодействия с передовыми западными технологиями предметная область ароматерапии постоянно расширяется и претерпевает различные изменения (подробнее см. [Войтишек, 2023]). Подавляющее число видов лекарственного аромасырья китайской медицины содержит натуральные компоненты – растения, древесину, минералы, продукты животного происхождения. Использование сырья из самых лучших мест, соблюдение методики его сбора и правил хранения – главные факторы в китайской медицине, влияющие не терапевтический эффект.

При анализе вклада разных видов китайского традиционного искусства в развитие оздоровительных и медицинских практик невозможно игнорировать влияние даосско-буддийского религиозного института. Это относится как к комплексу идеологических, философских и религиозных представлений, так и к характеру и содержанию разнообразных ритуальных практик. Как правило, все ритуальные и медицинские практики в храмах направлены на работу с сознанием, хотя подразумевают физические, психологические и духовные аспекты. Поскольку методы их воздействия исходят из понимания здоровья как состояния гармонии между телом и духом (где немаловажное значение имеет также влияние окружающей среды),

¹⁷ Термин «ароматерапия» обязан своим появлением французскому химику Р.-М. Гаттефоссе (1881–1950). В историческом плане ароматерапия, как и другие методы нетрадиционного лечения, переживала разные периоды своего развития – от полнейшего упадка до взлетов необычайной популярности. Современная наука возвращает рациональное зерно многовековых знаний о маслах, смолах, бальзамах и ароматах, раскрывая все новые сведения об особенностях их биологической активности.

то в даосско-буддийском комплексе целительных средств придают большое значение медитации, очищению сознания, использованию натуральных душистых трав и специй.

Все рассмотренные выше виды традиционной культуры имеют ритуально-религиозную проекцию в китайском социуме и выполняют множество важных функций. Так, в последние десятилетия необыкновенной популярностью в музыкальной терапии пользуются «поющие чаши» (唱歌碗 *чангэ вань*), которые на самом деле представляют собой ритуальные чаши для медитации (修行钵 *сюсин бо*)¹⁸. Эти чаши примерно с VII в. широко использовались в традиционной тибетской ритуальной музыке, привлекая слушателей своим глубоким, полифоничным звучанием и необыкновенными приемами звукоизвлечения с помощью разнообразных стиков и колотушек. Прототипами таких чаш, во всей вероятности, служили ритуальные колокола и гонги из бронзы или разнообразных сплавов, распространенные в северных районах Индии, Непале и Китае.

В связи с ростом внимания с середины XX в. к Тибету, чья культура ассоциируется с духовным поиском и мудростью, буддийские чаши стали пользоваться большой популярностью – прежде всего в силу своих терапевтических свойств. В настоящее время в мире приобретают значительную популярность «звуковые массажи» с помощью поющих чаш. При этом мастера используют индийские представления о чакрах как энергетических центрах организма, проводя такие сеансы как индивидуально, так и в группах¹⁹. Иногда чаши наполняют водой и цветочными лепестками для эстетики – в этом случае звуковые вибрации и колебания, возникающие при ударе или воздействии стиком, также обладают терапевтическим эффектом.

При терапии «поющими чашами» нередко зажигают благовония, что способствует еще большему лечебному эффекту. Грамотно подобранные ароматы в сочетании со звуковыми вибрациями обладают целебными свойствами, направленными на расслабление и медитацию. Популяризация данного метода привела не только к возникновению нового вида музыкальной терапии, но также и к развитию целого направления процессуального искусства. «Поющие чаши» используются в комплексе с другими приемами арт-терапии, что показывает их большой потенциал в качестве духовных практик. Подобно «поющим чашам», сопутствующим расслаблению и медитации, чай в китайской религиозной культуре связывается с достижением глубокого медитативного состояния – недаром даосские и буддийские монахи видели в чае незаменимый инструмент для своих духовных практик.

Даосизм, который стремится к продлению земной жизни и обретению бессмертия, видит в чае олицетворение принципа «недеяния» (无为 *у-вэй*), естественного течения жизни. Даосы предпочитают простоту заваривания, что позволяет чаю раскрыться самому, подобно цветку. Особую ценность представляли «дикие» чаи, выращенные без вмешательства человека, которые, как считалось, впитывали жизненную силу *ци* гор и туманов. Даосские алхимики включали чай в рецепты эликсира бессмертия, а автор «Канона чая» Лу Юй называл его «соком земли», способным очищать тело и дух. Влияние даосизма проявляется в современных чайных практиках, где медленное прогревание чайника словно призывает ощутить связь с природой.

Монахи были первыми носителями чайной культуры, рассматривали чаепитие как целенаправленное действие и создавали вокруг него эстетические церемонии. В чань-буддийских

¹⁸ Они известны также как «буддийские звуковые чаши» (佛音钵 *фонь бо*) или «молитвенные чаши» (转经碗 *чжуаньцзин вань* – букв. «чаши, используемые при чтении буддийских сутр»). Это один из многочисленных ритуальных атрибутов тибетского буддизма, в связи с чем в литературе встречаются и такие названия, как «тибетские поющие чаши» (西藏唱钵 *Сицзан чанбо*), «гималайские чаши» (喜马拉雅碗 *Сималая вань* или 喜马拉雅钵 *Сималая бо*). Владение этой чашей символизирует ортодоксальный статус в традиции чань-буддизма.

¹⁹ Во время массажа чаши ставятся на разные чакры и постепенно передвигаются снизу вверх по телу пациента. Терапевтический эффект достигается, если «поющая чаша» резонирует.

монастырях чай стал незаменимым помощником для сохранения «пробужденности»²⁰. Чань-буддисты утверждали, что «чай и чань имеют один вкус». Чайные ритуалы (например, вопрос мастера ученику о вкусе чая) зачастую превращались в специфические загадки для ума, парадоксальные диалоги – коаны (公案 кит. *гуньань*, яп. *ко:ан*), разрушающие привычное восприятие, вызывающие трансформации сознания и требующие полной концентрации на настоящем моменте. В связи с этим в буддийской литературе Китая существует большое количество притч и повествований в разных жанрах, посвященных чаю, его роли в жизни и культуре. Этому способствовали опыты совмещения чая и каллиграфических практик, которые в итоге соединяли напиток (источник внутренней ясности и прозрения) с эстетическим актом (выражением духа-*шэнь* 神), создавая целостный духовный опыт.

Одним из популярных научных направлений, получившим наибольшее развитие в последние годы, является сфера буддийской медицины, которая понимается как область медицинское знания, основанная на философии и практике буддизма. Делая упор на работу с сознанием, буддийская медицина обращает внимание на поиск причины заболеваний, часто называя их страданиями на физическом и ментальном уровне, что обычно увязывается с «кармическим воздаянием», с негативным опытом или эмоциями. Представители буддийской медицины, монахи и ламы, направляют свои усилия на лечение симптомов и причин болезни, работая прежде всего с сознанием пациента, его волей и психоэмоциональным состоянием²¹.

Среди высокоэффективных методов, практикуемых буддийскими целителями при лечении депрессивных расстройств, можно отметить прослушивание сутр, спокойных мелодий с пропеванием мантр и заклинаний, самостоятельную декламацию священных писаний²². Совершенствованию современной рецептурной базы помогают исследования ученых, которые обращаются к изучению буддийских медицинских рецептов из Дуньхуана²³. В целом, буддизм учит последователей «пустоте четырех привязанностей» (непостоянству бренной жизни), умению не противостоять миру, а принимать его таким, какой он есть, обретая через это душевное равновесие. Это убеждение воспитывается через определенные практики – чтение сутр и сидячие медитации (坐禅 *цзочань*)²⁴, которые успокаивают ум, укрепляют волю, устраняют посторонние мысли. В конечном счете при психоэмоциональных расстройствах это оказывает терапевтический эффект.

Таким образом, комплексный анализ показывает, что многие виды традиционной китайской культуры, включая музыку, каллиграфию, *цигун* как «телесную каллиграфию» и искусство управления энергией *ци*, чайную церемонию, возжигание благовоний и другие практики,

²⁰ Алкалоиды, содержащиеся в чае, оказывают мягкое стимулирующее воздействие, что критически важно для монахов во время многочасовых медитаций. Этот процесс направлен на мобилизацию и регуляцию внутренней *ци* для достижения просветления. Такая функция чая близка методам «звукового цигуна», где специальные звуки и дыхание используются для того, чтобы «мобилизовать *ци* тела и достичь терапевтической цели», а глубокий вдох после звуков регулирует *ци* и ток крови. Если «звуковой цигун» использует вибрации голоса для регуляции *ци*, то чай, благодаря своему химическому составу и ритуалу, является внешним средством для достижения и поддержания внутреннего медитативного состояния [Маслов, 2005, с. 192–195].

²¹ Не случайно исследователи обращают внимание на коренное отличие методов китайской медицины от приемов буддийского врачевания. Так, Ши Юнью полагает, что «Будда Шакьямуни не зря проповедовал Дхарму 49 лет, чтобы научить людей, как очистить собственный ум и освободиться от беспокоящих мыслей и эмоций... Традиционная китайская медицина – это лечение с опорой на внешнее (усилия врача), тогда как буддийское учение – это очищение сознания через собственные усилия» [Ши Юнью, 2014, с. 21–22].

²² См. [Ши Чуаньгэнь, 2010].

²³ См. [Ли Инцунь, 2011]. Автор анализирует 16 видов лекарств высшего качества из собрания «Дуньхуанских рукописей», рецепты которых составлены на основе буддийских доктрин для коррекции психических заболеваний, не поддающихся лечению обычными средствами. Исследователь приводит выдержки из собрания рукописей Дуньхуана о лечебном воздействии буддийских мантр при трудных родах, психических заболеваниях, отравлениях, очистительных процедурах.

²⁴ Другой термин – 坐香 *цзо сянь* (букв. «сидеть с благовониями», «ароматное сидение»), что связано с временем медитации, соответствующим времени прогорания одной ароматической палочки.

могут выступать в качестве фундаментального регулятора состояния человека и общества. Эти явления начинались с терапевтической функции (музыка – как акустическое проявление космического порядка, каллиграфия – как визуализированный ментальный код, чай и благовония – как лекарственное средство), а затем трансформировались в самостоятельные эстетические системы.

Тесная связь между разными аспектами китайского искусства, скрепленными идейными концепциями конфуцианства, даосизма и буддизма, подчеркивает уникальный философско-мировоззренческий потенциал культуры Китая, выражающийся в единстве духа и формы, естественности и простоты, во взаимосвязи содержания и символики. В этом состоит главный принцип «полезности» занятий процессуальными искусствами – через очищение сознания и медитативные практики они благоприятно воздействуют на психофизическое состояние человека, высвобождая ресурсы для решения других жизненных задач. Можно сказать, терапевтический эффект того или иного вида культуры и искусства зависит от степени медитативности его художественных практик. При таком подходе многие аспекты традиционной китайской культуры можно рассматривать в качестве тонкого инструмента гармонизации тела и духа, позволяющего человеку жить в согласии с природными циклами и самим собой.

Список литературы

- Белозерова В. Г.** Искусство китайской каллиграфии. М.: РГГУ, 2007. 481 с.
- Войтишек Е. Э.** Путь аромата. Ароматическая культура Китая. М.: ИВ РАН, 2023. 316 с.
- Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2010. Т. 6 (дополнительный): Искусство. 1130 с.
- Крюков В. М.** Ритуальная коммуникация в Древнем Китае. М.: ИВ РАН, 1997. 198 с.
- Ли Лисян, Твердохлебов А. В.** Путеводитель по медицинскому цигуну. Новосибирск: Ли Вест, 2017. 137 с.
- Маслов А. А.** Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. М.: Алетейя, 2005. 376 с.
- Цю Ципин.** «Канон чая» в иллюстрациях / Пер. с кит. Ф. Д. Сергеевой. М.: Шанс, 2020. 207 с.
- Чай – символ китайской культуры: Пер. с кит. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 207 с.
- Шушарджан С. В.** Здоровье по нотам. М.: Восток – Запад, 1994. 167 с.
- Ли Инцунь.** Дуньхуан фоцзяо ифан дэ яньцзю цзячжи таньси [李应存. 敦煌佛教医方的研究价值探析]. Анализ научной ценности буддийских медицинских рецептов из Дуньхуана // Сб. трудов научной конференции «Культурное наследие китайской медицины города Циньян и Комиссия по истории медицинской литературы Всекитайской ассоциации китайской медицины». Циньян: Циньянши жэньминь чжэнфу, 2011. № 7. С. 231–237. (на кит. яз.)
- Чэнь Цзунмао, Юй Юнмин, Лян Гобяо, Чжоу Чжисю.** Пинь ча туцзянь [陈宗懋等著. 品茶图鉴]. Иллюстрированный справочник по дегустации чая. Хэфэй: Хуаншань шушэ, 2009. 278 с. (на кит. яз.)
- Шиюнь чжуньи яншэн [主编李立祥. 实用中医养生]. Практика возвращения жизненности в традиционной китайской медицине / Под ред. Ли Лисяна. Тяньцзинь: Идай илу гоцзи цзяюй чжунсинь чубаньшэ, 2018. 374 с. (на кит. яз.)
- Ши Чуаньгэнь.** Дяньчжэнь цзехэ цы цзин иньюэ ляофа чжиляо июй чжэн дэ линьчуан яньцзю [释传根. 电针结合慈经音乐疗法治疗抑郁症的临床研究]. Клиническое исследование лечения депрессии с помощью электроакупунктуры в сочетании с музыкотерапией и «Сутры о доброте» (Метта-сутра): Магистерская диссертация. Нанькин, 2010. 99 с. (на кит. яз.)

Ши Юнью. Чжунъи юй фочзяо синьли чжи чжэнхэ таньси [释永有。中医与佛教心理之整合探析]. Исследование интеграции традиционной китайской медицины и буддийской психологии // Сборник трудов 4-го форума по традиционной китайской медицине, психологии и медицине сна. Тайбэй: Шицзе чжунъи яо сюэхуэй лянхэхуэй чжунъи синьлисюэ чжуанье вэйюань хуэй, шицзе чжунъи яо сюэхуэй лянхэхуэй шуймянь исюэ чжуанье вэйюаньхуэй, 2014. № 2. С. 21–22. (на кит. яз.)

References

- Belozeroва V. G.** The Art of Chinese Calligraphy. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2007, 481 p. (in Russ.)
- Tea – A Symbol of Chinese Culture. Transl. from Chinese. Moscow, Nauka, Vost. lit., 2017, 207 p. (in Russ.)
- Chen Zongmao, Yu Yongming, Liang Guobiao, Zhou Zhixiu.** Pin cha tujian [陈宗懋等著。品茶图鉴]. An illustrated guide to tea tasting. Hefei, Huangshan Shushe, 2009, 278 p. (in Chin.)
- Kryukov V. M.** Ritual communication in Ancient China. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1997, 198 p. (in Russ.)
- Li Lixiang, Tverdokhlebov A. V.** Guide to Medical Qigong. Novosibirsk, Li West Publ., 2017, 137 p. (in Russ.)
- Li Yingcun.** Dunhuang fojiao yifang de yanjiu jiazhi tanxi [李应存。敦煌佛教医方的研究价值探析]. Analysis of the Scientific Value of Buddhist Medical Prescriptions from Dunhuang. Proceedings of the scientific conference “Cultural heritage of Chinese Medicine of Qingyang city and the Commission on the History of Medical Literature of the China Association of Chinese Medicine”. Qingyang, Qingyang shi renmin zhengfu, 2011, no. 7, pp. 231–237. (in Chin.)
- Maslov A. A.** China: Bells in the Dust. Wanderings of a Magician and an Intellectual. Moscow, Aletheiya, 2005, 376 p. (in Russ.)
- Qiu Jiping.** “The Canon of Tea” in Illustrations. Transl. from Chinese by F. D. Sergeeva. Moscow, Shans Publ., 2020, 207 p.
- Shi Chuangen.** Dianzhen jiehe ci jing yinyue liaofa zhiliao yiyu zheng de linchuan yanjiu [释传根。电针结合慈经音乐治疗抑郁症的临床研究]. A Clinical Study on the Treatment of Depression with Electroacupuncture Combined with Music Therapy and the Metta Sutra: Master’s Thesis. Nanjing, 2010, 99 p. (in Chin.)
- Shi Yongyou.** Zhongyi yu fojiao xinli zhi zhenghe tanxi [释永有。中医与佛教心理之整合探析]. A Study on the Integration of Traditional Chinese Medicine and Buddhist Psychology. Proceedings of the 4th Forum on Traditional Chinese Medicine, Psychology, and Sleep Medicine. Taipei, Shijie zhongyi yao xuehuilian hehui zhongyi xinlixue zhuan ye weiyuanhui, shijie zhongyi yao xuehuilian hehui shuimian yixue zhuan ye weiyuanhui, 2014, no. 2, pp. 21–22. (in Chin.)
- Shusharjan S. V.** Health by notes. Moscow, East – West, 1994, 167 p. (in Russ.)
- Titarenko M. L.** (ed.). Spiritual Culture of China: Encyclopedia. In 5 vols. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2010, vol. 6 (supplementary): Art, 1130 p. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** The Path of Aroma. Incense Culture of China. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023, 316 p., ill. (in Russ.)

Информация об авторах

Елена Эдмундовна Войтишек, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 25931793000
WoS Researcher ID R-3936-2016
RSCI Author ID 140290
SPIN 7927-4952

Яо Сун, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57216856131
WoS Researcher ID HDM-4632-2022
RSCI Author ID 1087558
SPIN 7789-3830

Татьяна Егоровна Василенко

Scopus Author ID 59509316900
WoS Researcher ID PGM-2549-2026
RSCI Author ID 1324785
SPIN 6044-8704

Information about the Authors

Elena E. Voytishek, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 25931793000
WoS Researcher ID R-3936-2016
RSCI Author ID 140290
SPIN 7927-4952

Yao Song, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57216856131
WoS Researcher ID HDM-4632-2022
RSCI Author ID 1087558
SPIN 7789-3830

Tatiana E. Vasilenko

Scopus Author ID 59509316900
WoS Researcher ID PGM-2549-2026
RSCI Author ID 1324785
SPIN 6044-8704

*Статья поступила в редакцию 11.01.2026;
одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 30.01.2026
The article was submitted on 11.01.2026;
approved after reviewing on 16.01.2026; accepted for publication on 30.01.2026*

Научная статья

УДК 81'23: 811.581

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-23-35

Ценность «民主 / демократия» в китайском поликодовом рекламном тексте

Ольга Владимировна Дубкова

Сианьский университет иностранных языков

Сиань, Китай

linuan12@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0072-6322>

Аннотация

На основе анализа китайской и российской научной литературы исследуются особенности китайских поликодовых рекламных текстов, пропагандирующих базовую ценность социализма с китайской спецификой «民主 / демократия». Цель исследования – определить национальную специфику вербальной и невербальной репрезентации ценности «民主 / демократия». Каждый текст рассматривается как комплексное образование, на основе структурного, компонентного и семантического анализа последовательно определяются смыслообразующие элементы, которые включают иероглифический текст, фон, цвет, рисунки и другие элементы. В ходе анализа 69 текстов выявлены ключевые идентификаторы данной ценности, которые позволяют установить ее связи с системой традиционных ценностей китайцев, государственной политикой Китая по демократизации общества, концепциями «народ – хозяин страны», «народ превыше всего» и др.; определены динамические изменения в репрезентации ценности, на первом этапе (2014–2019) связанные с формированием общих аксиологических представлений китайцев, на втором (2020–2025) – с пропагандой новой концепции демократии и активным участием народных масс в государственном управлении на низовом уровне.

Ключевые слова

поликодовый рекламный текст, аксиологическая картина мира китайцев, базовые ценности социализма, «民主 / демократия», ключевые идентификаторы, символы китайской культуры, метафорическое значение

Для цитирования

Дубкова О. В. Ценность «民主 / демократия» в китайском поликодовом рекламном тексте // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 23–35. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-23-35

The Value of “民主 / Democracy” in Chinese Polycode Advertising Text

Olga V. Dubkova

Xi'an International Studies University

Xi'an, China

linuan12@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0072-6322>

Abstract

Based on the analysis of Chinese and Russian scientific literature, the features of Chinese polycode advertising texts representing the basic value of socialism with Chinese characteristics of “democracy” are investigated. The purpose of the study is to determine the national specifics of the verbal and non-verbal representation of the value of “democracy”. Each text is considered as a complex formation. On the basis of structural, component and semantic analysis, se-

© Дубкова О. В., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 23–35
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 23–35

mantic elements are consistently determined, which include hieroglyphic text, background, colour, drawings and other elements. During the analysis of 69 texts, key identifiers of this value were identified, which make it possible to establish links between this value and the system of traditional values of the Chinese, China's state policy of democratizing society, the concepts of "People are the master of the country", "The people are the most important"; dynamic changes in the representation of value have been identified, at the first stage (2014–2019) related to the formation of common axiological concepts of the Chinese, at the second (2020–2025) – with the promotion of a new concept of democracy and the active participation of the masses in public administration at grassroots level.

Keywords

polycode advertising text, the Chinese axiological picture of the world, the basic values of socialism, Democracy, key identifiers, Chinese cultural symbols, metaphorical meaning

For citation

Dubkova O. V. The Value of "民主 / Democracy" in Chinese Polycode Advertising Text. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 23–35. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-23-35

В КНР пропагандируются базовые ценности социализма (БЦС), которые в декабре 2013 г. Канцелярией ЦК КПК определены как соответствующие развитию социализма с китайской спецификой, ценностям традиционной китайской культуры и достижениям мировой цивилизации¹. Для пропаганды данных ценностей используются различные виды социальной рекламы, под которой в Китае понимается «государственная реклама, основанная на пропаганде социализма, воспитании патриотизма, продвижении национальной культуры и отстаивании концепции общественной морали, а также на том, чтобы дать возможность большому числу граждан установить здоровые и цивилизованные нормы поведения» [Ма Юймэй, Чжоу Юньли, 2000, с. 64]. Цель такой рекламы – формирование социалистического мировоззрения, повышение социальной ответственности и уровня цивилизованности всего общества [Ван Вэй, 2024, с. 41].

В настоящее время в Китае и России опубликовано большое количество статей, в которых анализируются китайские базовые ценности, эксплицированные в поликодовом рекламном тексте (ПРТ) [Цюй Юнь, 2022; Янь Ци и др., 2022; У Сюйминь, 2024; Лин Чэн, 2024]. Однако до настоящего времени нами не обнаружено исследований ПРТ, в которых рассматривается репрезентация БЦС «民主 [mínzhǔ] / демократия». Все это в целом определяет актуальность и новизну исследования. Объект исследования – ПРТ с китайской спецификой, предмет – китайские ПРТ базовой ценности «民主 / демократия». Цель исследования – определить национальную специфику китайского поликодового рекламного текста БЦС на примере вербальной и невербальной репрезентации ценности «民主 / демократия».

Методологическую базу исследования образуют (1) исследования ПРТ [Сонин, 2005; Романова, Винокурова, 2022; Новоспасская, Дугалич, 2022]; (2) исследования специфики китайских ПРТ [Цзоу Хуацзин, Новоспасская 2021; Хрипля, Иссерс, 2023; Хрипля, 2023]; (3) исследования концепта «民主 / демократия» в китайской лингвокультуре [Лукин, 2009; Ши Хайцюань, 2012; Хань Чжэнь, Ши Бицю, 2015; Олейников, Кормич, 2018], что, собственно, и определяет методы отбора языкового материала и его исследование, включая метод сплошной выборки из массива ПРТ китайских базовых ценностей. Используются приемы структурного, компонентного и семантического анализа для комплексного описания ПРТ ценности «民主 / демократия», полученные результаты систематизируются для описания и обобщения вербальной информации и «визуальных образов». Материалом для исследования стали 69 поликодовых рекламных текстов, репрезентирующих ценность «民主 / демо-

¹ Чжунцун чжунъян баньгунтин иньфа «Гуаньюй пэйной хэ цзяньсин шэжуйчжуй хэсинь цзячжигуань дэ ичзянь» [中共中央办公厅印发《关于培育和践行社会主义核心价值观的意见》//中国共产党新闻网]. Канцелярия ЦК КПК опубликовала «Мнения о развитии базовых ценностей социализма и применении их на практике» // Чжунго гунчаньдан синьвэнь ван (2013-12-23). (на кит. яз.) URL: <https://cpc.people.com.cn/GB/64162/435107/index.html?date=20131223> (дата обращения 10.12.2025).

кратия», размещенных на китайских интернет-платформах² в период 2015–2025 гг. и имеющих указание на дату публикации и источник.

Анализ каждого ПРТ представляет собой последовательное описание фона, композиции, структуры, ключевых слов и рисунков, которые рассматриваются как единый текст, имеющий вербальное и невербальное содержание.

Социальная реклама, являясь важной частью государственной политики по пропаганде и агитации граждан страны, направлена на формирование более стабильного и гармоничного общества через внедрение в сознание индивидов системы ценностей, способствующих социальному развитию (подробнее см.: [Wells et al., 2006]). Современная китайская социальная реклама направлена на формирование «нового человека», отвечающего задачам социально-политического развития Китая, используется как средство внедрения в народное сознание социалистической системы ценностей, морально-нравственных норм, связывая их с китайской традиционной системой ценностей, одновременно выполняя коммуникативную, информационную, просветительскую и другие функции и влияя «на изменение отношения населения к акцентированным проблемам и социальным ценностям» [Цюй Юнь, 2022, с. 171–172]. Такая реклама актуализирует морально-нравственные ценности и актуальные социальные проблемы, позволяет «сформировать личную уверенность в китайской культуре и достичь социальной гармонии и стабильности» [Ши Бицю, 2025, с. 7].

Система ценностей образует аксиологическую картину мира, которая, с одной стороны, регламентирует нормы и правила поведения человека в конкретном обществе, с другой – позволяет достичь социального консенсуса, предупреждая возникновение различных нарушений поведения и мировоззрения, которые могут разрушить ядерную зону национальной культуры. Формирование системы ценностей – динамический процесс, осуществляемый на национальном уровне под влиянием социально-политических факторов, связанных с историей, экономикой и культурой, на индивидуальном уровне – под воздействием социальной среды. Ценности в обыденной жизни позволяют организовать бытие человека, его деятельность во всех сферах общества, формируя ценностный фрагмент картины мира индивида [Пищальникова и др., 2020, с. 5–20].

Китайская социальная реклама БЦС рассматривается как поликодовый рекламный текст, который соединяет в едином графическом пространстве семиотически гетерогенные составляющие – «вербальный текст, изображение, а также знаки иной природы» [Сонин, 2005, с. 115]. Такой подход позволяет комплексно анализировать вербальные и невербальные средства, используемые для пропаганды и агитации, установить психологически актуальное содержание текста и определить национально специфические способы объединения гетерогенных по своей природе понятий в единый поликодовый текст [Цюй Юнь, 2021, с. 205]. Вербальные средства обозначают тему ПРТ и ключевые понятия, указывают на автора текста и его локализацию. Обычно ключевое слово выделяется графически, занимает центральное положение в поле плаката, для него используются более крупный шрифт, контрастные цвета, различные стили каллиграфии.

К невербальным средствам относятся структура и композиция ПРТ, фон, цвет, каллиграфия, рисунки и их положение, дополнительные элементы, включающие мелкие детали, орнаменты, рамки, дополнительные черты и др. Как отмечают Лин Чэн, Цай Цзяфэн и др., в китайском ПРТ «продолжает применяться культурное наследие, которое обладает специфической эстетикой, присущей исключительно для Поднебесной» [Лин Чэн, Цай Цзяфэн, 2025, с. 295]. Невербальные средства играют важную смыслообразующую роль, конкретизи-

² Минь чжу хайбао [民主海报//澎湃新闻]. Плакат «Демократия». Пэнпай синьвэнь. (на кит. яз.) URL: <https://www.thepaper.cn/> (дата обращения 08.01.2026).

Миньчжу хайбао [民主海报//红动中国 红动网]. Плакат «Демократия». Хундун Чжунго. Хундун ван. (на кит. яз.) URL: <https://baijiaobao.baidu.com/> (дата обращения 10.01.2026).

Шэхуэйчжун хэсинь цзячжигуань гуату [社会主义核心价值观挂图//百图汇]. Настенные плакаты базовых ценностей социализма. Бай ту хуэй. (на кит. яз.) URL: <https://pic.5tu.cn/> (дата обращения 30.12.2025).

руя абстрактные понятия, определяющие тему ПРТ. Центральное место в смысловом поле ПРТ занимают «идентификаторы», под которыми мы понимаем национально маркированные символы, используемые в китайских ПРТ, например Великая Китайская стена, ворота Тяньаньмынь, каменный лев, столб Хуабяо, Дом народных собраний, Памятник народным героям на площади Тяньаньмэнь и т. д., которые позволяют представителям китайской нации безошибочно установить связь с историей и культурой Китая, но не всегда понятны носителям другой лингвокультуры [Лин Чэн, Цай Цзяфэн, 2025, с. 294–295].

Как показывает анализ ПРТ, среди национально специфических невербальных идентификаторов используются государственные символы (включая национальные реликвии), символы городов, архитектурные ансамбли и элементы архитектуры, природные, урбанизированные и сельские пейзажи, тотемные и мифологические животные, элементы флоры и фауны, национальные костюмы и орнаменты, изделия народного творчества, произведения искусства, изображения исторических деятелей, представителей народа и т. д. Кроме того, в данную систему включаются и общечеловеческие символы (земной шар, белый голубь, рукопожатие и т. д.), используются тексты на иностранном языке (обычно английском). Как отмечают Цяо Лэй, Ван Чжицян, Лю Шэнхуа и др., в пропаганде БЦС важную роль играет китайское искусство (каллиграфия, живопись, скульптура, вышивка, анимация и др.), которое пользуется большой популярностью у народных масс и эффективно для распространения абстрактных аксиологических понятий, делает их простыми и доступными [Цяо Лэй, Ван Чжицян, 2018; Лю Шэнхуа, 2022]. Все это в целом позволяет посредством ПРТ как части социальной рекламы формировать единую аксиологическую систему ценностей китайцев, связанную с традиционной китайской культурой и БЦС.

Как показывает анализ научной литературы, в китайской лингвокультуре понятие «民主 / демократия» постоянно развивается, что оказывает влияние на общие представления о демократии и ее роли в социальной практике [Ши Бицю, 2025]. Данные представления отражаются в комплексе вербальных и невербальных идентификаторов, определяющих нормы и правила поведения человека. Все китайские ПРТ ценности «民主 / демократия» можно разделить на два периода: первый относится к 2014–2019 гг., когда формируется система образов «демократии с китайской спецификой», определяется ее место в системе ценностей китайцев и связи с другими БЦС, второй – к 2020–2025 гг., когда формируется новая концепция демократии³, предполагающая активное участие народа в политической жизни страны на всех этапах.

На первом этапе основная цель пропаганды – представить концепцию «демократия» как БЦС. Общий стиль ПРТ соответствует традиции китайской пропаганды, содержит элементы традиционной китайской культуры, государственные символы КНР, демонстрируя связи демократии с другими ценностями китайцев и национальными традициями. Например, ПРТ выполнен в красно-желтой гамме, традиционно используемой в китайской культуре для обозначения важных и торжественных событий, где красный символически обозначает радость и благоденствие, желтый – благородство (см. рисунок, 1)⁴.

Данный ПРТ условно разделен традиционным орнаментом на две неравные части. В верхней части на фоне силуэта Великой Китайской стены и восходящего солнца изображены три ребенка в традиционной ханьской одежде, используемой для различных церемоний и ритуалов. Изображения детей соответствуют национальной традиции новогодних картинок

³ Цюаньго чэн жэньминь миньчжу: шэжуэй чжэнчжи гайнянь, шэжуэйчжуи миньчжу чжэнчжи дэ бэньчжи шу-син [全过程人民民主: 社会政治概念、社会主义民主政治的本质属性//百度百科]. Народная демократия на всем процессе: социально-политическая концепция, неотъемлемые атрибуты политики демократии социализма // Байду байкэ. (на кит. яз.) URL: <https://baike.baidu.com/item/全过程人民民主/58776561> (дата обращения 20.11.2025).

⁴ Шэжуэйчжуи хэсинь цзячжигуань – миньчжу [社会主义核心价值观—民主 (2014-8-15) // 百图汇]. Базовые ценности социализма. Бай ту вань. (на кит. яз.) URL: <https://www.5tu.cn/thread-1234523-1-1.html> (дата обращения 04.12.2025).

«Байцзыту»⁵. В костюмах детей используются красный, желтый, синий и фиолетовый цвета, что не только отражает особенности традиционной культуры ханьцев, но и подчеркивает невинность и непосредственность. Ребенок слева символизирует стремление к лучшему, в центре – красоту и благословение, справа – открытость и невинность. У всех детей разные жесты и позы, но они, перекликаясь, передают атмосферу единства и дружбы. Изображение детей является основным визуальным элементом, передавая общую концепцию БЦС.

Слева от детей красным цветом крупным шрифтом стилем *лишу* написаны два иероглифа: 民主 / демократия; рядом изображение столба Хуабяо – символа государственной власти в Китае, вокруг столба свободно развевающаяся красная лента – знак власти и силы, который можно также интерпретировать как символ КПК. Над детьми в правом верхнем углу красным цветом написано девять иероглифов: «社会主义核心价值观 / базовые ценности социализма», указывающих на основную тему ПРТ. В нижней части под линией орнамента на красном фоне – три ряда иероглифов белого цвета. Эти 24 иероглифа перечисляют БЦС. Рядом слева вертикальная надпись в стиле *лишу*: «我学习我践行 / Я учусь, я использую на практике», также вертикально мелким шрифтом указано, что речь идет о БЦС. Традиционные костюмы и символы Китая отражают традиционную китайскую культуру, а изображение детей символизирует будущее и надежду, а также передает идею наследования ключевой аксиологической концепции. Наличие словосочетания БЦС и их перечисление подчеркивает, что ценность демократия является важной их частью и тесно связана с государственным развитием, социальным прогрессом и формированием гражданской этики.

Пропагандистский плакат на тему «Базовые ценности социализма – демократия» (см. рисунок, 2)⁶ объединяет традиционные и современные элементы, чтобы донести концепцию демократии. Плакат выдержан в стиле традиционной китайской живописи (*гохуа*), сочетает традиционные символы с современными концепциями, чтобы показать глубокие основы и практическую ценность социалистической демократии и передать основной смысл лозунга «народ – хозяин страны».

Желто-серый фон выполнен в китайском стиле пейзажной живописи и штриховой каллиграфии, воплощая глубину традиционной культуры. Плакат условно можно разделить на две части. Слева – вербальная часть, которая содержит ключевое слово, тему и пояснения. Ключевое слово «民主 / демократия» расположено в центре, выделено красным шрифтом в стиле *лишу*, слева по вертикали черным шрифтом указана тема плаката «Базовые ценности социализма». Рядом более мелким шрифтом черного цвета дается разъяснение основной темы: «Демократия – это прекрасное требование человеческого общества, и демократия, к которой мы стремимся, это народная демократия, которая предполагает жизнь при социализме и политические гарантии создания лучшей жизни для народа». Данное определение обозначает сущность и значение демократии с китайской спецификой. В правой части изображение каменного льва, символизирующее защиту и авторитет власти. Внизу по центру изображены лотос и рыбки (два разноцветных карпа), где лотос символизирует высокую чистоту, карпы – удачу, а бабочки являются дополнительным элементом, воплощающим традиционную китайскую идею гармонии и жизненной энергии. Вверху над текстом – свиток с красной розой и красной лентой, символизирующий наследие древней китайской цивилизации. Красные печати, расположенные сверху и снизу текста, усиливают ощущение торжественности.

⁵ Байцзыту (百子图) – (букв.) рисунок / изображение ста детей; китайское традиционное народное искусство рисунка или вышивки, в котором отражаются традиционные представления китайцев: чем больше детей, тем счастливее жизнь, богаче семья и больше успеха в жизни. Слово «сто» здесь символизирует бесконечность и выражает добрые пожелания. Считается, что искусство зародилось в династии Тан. В настоящее время данные образы используются в анимации, дизайне, пропаганде и других сферах, являясь маркерами традиционной китайской культуры.

⁶ Шэхуэйчжун хэсинь цзячжигуань – миньчжу [社会主义核心价值观—民主 (2019-01-27) 德庆文明网]. Базовые ценности социализма – демократия. Дэцин вэньмин ван. (на кит. яз.) URL: <https://dq.wenming.gd.cn/jxshzyjg/mz/2019-01-27/8817.html> (дата обращения 13.12.2025).

Китайские агитационные плакаты:

1–3 – базовые ценности социализма – демократия (1 – 2014 г.; 2 – 2019 г.; 3 – 2024 г.);
4 – социальная реклама «Базовых ценностей социализма» (2020 г.)

Chinese propaganda posters:

1–3 – the basic value of socialism is democracy (1 – 2014; 2 – 2019; 3 – 2024);
4 – “the basic value of socialism” public service advertisement (2020)

В первый период ПРТ имеют общую тему «Базовые ценности социализма», содержат традиционные элементы китайской культуры, а также современные символы государственной власти, которые включают вербальную и невербальную информацию в культурное поле получателей информации, помогают им усвоить БЦС, подчеркивают важность понимания и практики и согласуются с общей концепцией пропаганды ценностей. Используются цвет и композиция, характерные для традиционной китайской живописи; формируется уникальная система визуальных образов демократии: 人民大会堂 / Дом народных собраний, 人民英雄纪念 / Памятник Народным героям, 传统建筑群 / ансамбли (или элементы) традиционной китайской архитектуры, 石狮子 / каменный лев, 长城 / Великая Китайская стена, 孙中山 / Сунь Ятсен и т. д. В качестве дополнительных элементов используются положительно маркированные символы традиционной китайской культуры: 蓝天 / голубое небо, 粉云 / розовые облака, 山脉 / горная гряда, 白鸽 / белый голубь, 莲花 / лотос (цветы и листья), 竹子 / бамбук, 鱼 / рыба, 蝴蝶 / бабочка и др. Анализ материала показывает, что целью таких текстов является пропаганда демократии как базовой ценности, внедрение идентификаторов демократии в сознание народных масс и создание системы общих аксиологических представлений, связанных с демократией как неотъемлемой частью БЦС государственного уровня, и передают основной смысл лозунга «народ – хозяин страны».

ПРТ второго периода акцентируют внимание на участии в выборах народных масс и их включенности в демократическое управление, а также на едином руководстве КПК и связи партии и народа. Например, ПРТ на тему «Демократия» сочетает принципы реализма и символизма (см. рисунок, 3)⁷. Общий стиль торжественный и вдохновляющий. Подробно представим вербальные и невербальные элементы данного плаката. В фоне ПРТ преобладают теплый оранжевый (жизненная сила, оптимизм) и красный (воля к жизни, мужество) цвета, центральная часть плаката символизирует солнце, вверху – пятиконечная звезда (воспроизведен элемент декора потолка в зале заседаний ВСНП, т. е. государственная власть), внизу – красное полотнище (революционные традиции), что создает образ позитивной социальной атмосферы. Структура плаката «тематический текст – сюжетная картинка – слоган» образует триаду «концепция – практика – мобилизация». Визуальный акцент сделан на сочетании ключевого слова «демократия» и сцены голосования, что усиливает основное содержание концепции «народ – хозяин страны».

В центре анализируемого ПРТ красным цветом каллиграфическая надпись из двух иероглифов крупным шрифтом «民主 / демократия», справа более мелким шрифтом указано: «Базовые ценности социализма». Вверху слева – четыре иероглифа «文明孙吴 / Цивилизованный Сунью»⁸. Внизу на красном полотнище желтыми иероглифами указано: «共建城市文明 你我共同参与 / (букв.) совместно строим городскую цивилизацию: ты и я вместе участвуем», что подчеркивает необходимость мобилизации общественности для реализации данной ценности. Над красным полотнищем изображена сцена массовых выборов в деревне. В центре рисунка – оранжевая урна для голосования, сверху лист белой бумаги с надписью «бюллетень для голосования». Вокруг урны изображены жители деревни: часть обсуждает выборы, часть держит в руках, заполняет или опускает избирательные бюллетени, кто-то смотрит на урну для голосования. На столах расставлены фарфоровые кувшины и другие артефакты, дополняющие местный колорит, что подчеркивает концепцию «народ – хозяин страны» и демонстрирует широкое участие населения в выборах на низовом уровне. Расположение урны для голосования и динамичная передача «избирательного бюллетеня» наглядно демонстрируют процедурный и нормативный характер выборов.

⁷ Гун цзянь чэнши вэньмин: ни во гунтун цаньюй / шэжуйчжуй хэ инь цзячжигуань – миньчжуй [共建城市文明你我共同参与 | 社会主义核心价值观——民主 (2024-04-18) 通讯网]. Совместно создаем городскую цивилизацию. Ты и я совместно участвуем / Базовые ценности социализма – демократия. Тунсюнь ван. URL: <https://news.qq.com/rain/a/20240418A06VX600> (дата обращения 16.12.2025). (на кит. яз.)

⁸ Сунью – уезд в г. Хэйхэ пров. Хэйлунцзян.

Плакат на тему «Демократия» выполнен на желто-коричневом фоне (см. рисунок, 4)⁹, имитирующем рисовую бумагу для каллиграфии, на котором символически обозначены силуэты гор (сила и величие) и нотные знаки (музыка). Края плаката украшены красной каймой с орнаментом ортогональных элементов. В верхней части плаката по центру крупными иероглифами черного цвета указано ключевое слово «民主 / демократия». Под ним более мелким шрифтом в две строки на фоне нотных знаков слова из известной революционной песни «没有共产党就没有新中国 / Без Коммунистической партии нет Нового Китая», которая была написана китайским поэтом и композитором Цао Хосином (1924–1999) и впервые исполнена в 1943 г. Вверху основного поля слева указание на тему плаката «*Наши ценности*», по центру на китайском и английском языках слова «*Цивилизованный Куньмин*»¹⁰, что определяет региональные особенности данного текста.

В нижней части ПРТ изображены три фигуры, выполненные в стиле хуэйшаньской глиняной игрушки¹¹. Три женщины стоят бок о бок, слегка наклонившись вперед, их поза выражает дружелюбие. Лица имеют общие для данного типа народного искусства черты: естественные гиперболизированные пропорции, яркие костюмы и упрощенные линии, что подчеркивает концепцию народного искусства «не искать сходства, а стремиться к подобию». Все персонажи в ярких традиционных костюмах, создающих впечатление наивности, непосредственности и естественности; детали одежды демонстрируют стремление к лучшей жизни. Фигурка в центре композиции держит в руках листок с текстом песни, которую они исполняют. Образ трех женщин выступает в качестве идентификатора народа, позволяет «видеть большое в малом», привлекая внимание к идее «народ превыше всего» и концепции национального единства, тесно связанной с реализацией «народной демократии на всем процессе».

Во второй период ПРТ не только демонстрируют сцены выборов и народного участия в политической жизни, но и выполняют социальные функции по продвижению демократии на низовом уровне и формированию консенсуса народных масс. Благодаря сочетанию ключевого слова «демократия», сцен выборов и др. наглядно представлена идея демократии, передается концепция «совместного строительства, управления и совместного участия» в строительстве социалистической культуры. ПРТ передают теплую гармоничную атмосферу выборов и работы партийных комитетов и собраний народных представителей на всех уровнях, воплощают принцип народного искусства «видеть большое в малом», идею сопричастности каждого китайца в управлении государством. Таким образом, на данном этапе целью социальной рекламы, представленной ПРТ, является пропаганда выборов на низовом уровне и участие народных масс в социальном управлении.

Сопоставительный анализ ПРТ двух периодов показывает различия в использовании идентификаторов ценности «民主 / демократия». На первом этапе основное внимание уделяется маркерам китайской культуры, включая изображения Великой Китайской стены, Памятника народным героям и т. д., что позволяет установить связь демократии с концепцией «народ – хозяин страны», идеями единства, свободы, справедливости, счастья и др. На втором – основное внимание уделяется пропаганде концепции «демократия на всем процессе», на первое место ставится участие народных масс в государственном управлении на низовом уровне. Для этого в ПРТ представлены «маркеры», показывающие процесс народного голосования, работу партийных и государственных органов. Для демонстрации сцен выборов,

⁹ «Шэхуэйчжун хэсинь цзячжигуань» гуньи гуангао [“社会主义核心价值观”公益广告 (2020-07-14) 昆明市公安局新闻宣传办公室]. Социальная реклама «Базовых ценностей социализма». Куньмин ши гуньяньцзюй синьвэнь сюаньчжуань баньгунши. (на кит. яз.) URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_8268592 (дата обращения 25.12.2025).

¹⁰ Город Куньмин – административный центр пров. Юньнань.

¹¹ Хуэйшаньская глиняная игрушка – вид народного искусства г. Уси пров. Цзянсу, зародился при империи Мин (1368–1644). Особенности – яркие цвета, гиперболизированное изображение головы и лица; лицо обычно белое и полное, символизирует полную луну (достаток и благополучие). В настоящее время входит в список нематериального культурного наследия Китая.

голосования и т. д. используются лубочные картинки, глиняные фигурки, вырезные рисунки из бумаги, театр теней и др. объекты, входящие в список всекитайского и локального нематериального культурного наследия, что позволяет сделать понятной для широких народных масс идею демократии, наглядно показывая, что должен делать каждый человек, чтобы реализовать ценность «демократия» в жизни.

Поликодовый рекламный текст, репрезентирующий БЦС, рассматривается нами как единое графическое пространство, состоящее из вербального текста и различных знаков иной природы. Вербальный текст включает ключевое слово (民主 / демократия), пояснительный текст, общую тему ПРТ, цитаты, комментарии, указания на авторов и локализацию ПРТ. К невербальным элементам относятся композиция, цвет, фон и рисунки, которые являются идентификаторами древней и современной китайской культуры, связывают идеи социализма с китайской спецификой с древними представлениями китайцев о политическом управлении. Фон и композиция ПРТ следует традиции китайской живописи *гохуа*, в которой фон служит для актуализации вербальной и невербальной информации, а композиция состоит из компонентов, метафорически передающих ключевое содержание. Использование различных стилей китайской каллиграфии и выделение контрастным цветом привлекает внимание к базовым аксиологическим понятиям, отражающим тему ПРТ.

Анализ показывает, что используются только положительно маркированные идентификаторы, обозначающие единство китайского народа, наследование традиций, революционную борьбу, перспективы развития и др. Данные идентификаторы как составные элементы ПРТ отражают особенности народной и революционной культуры, интегрируя БЦС в систему норм и правил поведения. Взаимное влияние вербального и невербального текстов в графическом пространстве ПРТ позволяет (1) актуализировать важные смыслы, которые представлены вербально; (2) расширить и углубить представления получателей информации об абстрактном аксиологическом понятии; (3) включить ценность «民主 / демократия» в систему личных представлений о нормах и правилах поведения; (4) реализовать на практике концепцию демократии с китайской спецификой. Таким образом, китайский ПРТ ценности «民主 / демократия», соединяя традиции и инновации китайской культуры, достигает цели своего создания: формирование «нового мышления», отвечающего задачам государственного социально-политического развития. Перспективным является сопоставительный анализ китайских ПРТ, представляющих ценности китайцев.

Список литературы

- Лин Чэн.** Представление основных ценностей китайской национальной культуры в поликодовом рекламном тексте // Восточный калейдоскоп: Материалы докл. и сообщ. IV Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых-востоковедов, Москва, 13 декабря 2023 года. М.: РУДН, 2024. С. 246–254.
- Лин Чэн, Цай Цзяфэн.** Невербальные способы и средства репрезентации этнокультуры в китайской поликодовой коммерческой рекламе // *Litera*. 2025. № 3. С. 291–304. DOI 10.25136/2409-8698.2025.3.73509
- Лукин А. В.** Приход понятия «демократия» в Китай и его первые интерпретации // *Общество и государство в Китае*. 2009. Т. 39, № 1. С. 274–295.
- Новоспаская Н. В., Дугалич Н. М.** Терминсистема теории поликодовых текстов // *Русистика*. 2022. Т. 20, № 3. С. 298–311. DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311
- Олейников И. В., Кормич П. С.** Термин и понятие «демократия» в политической жизни Китая первой трети XX века // *Идеи и идеалы*. 2018. Т. 2, № 2 (36). С. 41–58. DOI 10.17212/2075-0862-2018-2.2-41-58
- Пищальникова В. А., Дубкова О. В., Цун Фэнлин.** Базовые ценности китайцев: проблемы и решения // *Пищальникова В. А., Дубкова О. В., Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования*. М.: Р. Валент, 2020. С. 5–25.

- Романова Т. В., Винокурова А. С.** Психолингвистическая и лингвокогнитивная интерпретация поликодовых текстов // Язык. Текст. Дискурс. 2022. № 19. С. 46–60.
- Сонин А. Г.** Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115–123.
- Хрипля Т. С.** Соотношение визуальных и вербальных компонентов в поликодовых текстах китайской социальной рекламы // Вестник Ом. гос. пед. ун-а. Гуманитарные исследования. 2023. № 4 (41). С. 121–127. DOI 10.36809/2309-9380-2023-41-121-127
- Хрипля Т. С., Иссерс О. С.** Общациональная идея «китайской мечты» в поликодовых текстах социальной рекламы КНР // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 973–990.
- Цзоу Хуацзин, Новоспасская Н. В.** Классификация элементов лингвокультурологической информации в поликодовом тексте печатной рекламы на материале русского и китайского языков // Litera. 2021. № 2. С. 1–10. DOI 10.25136/2409-8698.2021.2.35001
- Цюй Юнь.** Репрезентация моральной ценности «культурность» в социальной рекламе Китая // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 203–213. DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_203
- Цюй Юнь.** Представление основных ценностей современного Китая в поликодовом рекламном тексте // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (857). С. 170–175. DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_170
- Wells W., Burnett J., Moriarty S. E.** Advertising: Principles and Practice. Pearson: Prentice Hall, 2006. 592 p.
- Ван Вэй.** Лунь гунъи гуангао дэ шэхуэй цзячжи [王巍。论公益广告的社会价值//记者摇篮]. О социальной ценности социальной рекламы // Цзичжэ яолань. 2024. № 9. С. 141–143. (на кит. яз.)
- Лю Шэнхуа.** Шицзюэ юйфа шиюй ся миньцзянь ишу дэ шэхуэй чжили гуннэн – и «Ту шо вомэнь дэ цзячжигуань» сицую цзопинь вэй ли [刘胜华。视觉语法视域下民间艺术的社会治理功能——以“图说我们的价值观”戏曲作品为例//东南传播]. Функция социального управления народного искусства с точки зрения визуальной риторики: на примере произведений китайского национального театра в «Иллюстрированных рассказах о наших ценностях» // Дуннань чуаньбо. 2022. № 4. С. 106–109. (на кит. яз.)
- Ма Юймэй, Чжоу Юньли.** Лунь гунъи гуангао дэ шэхуэй цзячжи [马玉梅, 周云利。论公益广告的社会价值//学术交流]. О социальных ценностях в социальной рекламе // Сюэшу цзяолу. 2000. № 2. С. 64–65. (на кит. яз.)
- У Сюйминь.** Гунъи гуангао шэцзи чжун дэ шицзюэ юаньсу бяода цзицяо [吴煦民。公益广告设计中的视觉元素表达技巧//中国民族博览]. Навыки выражения визуальных элементов в дизайне социальной рекламы // Чжунго миньцзу болань. 2024. № 13. С. 214–216. (на кит. яз.)
- Хань Чжэнь, Ши Бицю.** Шэхуэйчжуй хэсинь цзячжигуань: гуаньцзяньцы – миньчжу [韩震, 石碧球。社会主义核心价值观·关键词 民主. 北京: 中国人民大学出版社]. Базовые ценности социализма: ключевые слова – демократия. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2015. 104 с. (на кит. яз.)
- Цяо Лэй, Ван Чжицян.** Гунъи гуагао юй шэхуэйчжуй хэсинь цзячжигуань чуаньбо – и «Ту шо вомэнь дэ цзячжигуань» гунъи гуангао вэй ли [乔磊, 王志强。公益广告与社会主义核心价值观传播——以“图说我们的价值观”公益广告为例//青年记者]. Социальная реклама и распространение базовых ценностей социализма: на примере социальной рекламы «Иллюстрированные рассказы о наших ценностях» // Циннянь цзичжэ. 2018. № 20. С. 31–32. (на кит. яз.)
- Ши Бицю.** Гуанжун юй мэньсян: фуцянь, миньчжу, вэньмин, хэсе [石碧球。光荣与梦想: 富强、民主、文明、和谐, 北京: 北京中国人民大学出版社]. Честь и мечта: процветание, де-

мократия, цивилизация, гармония. Пекин: Бэйцзин жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2025. 333 с. (на кит. яз.)

Ши Хайцюань. Миньчжу гуаньянь цзай Чжунго дэ шэнчэн юй яньбянь [史海泉. 民主观念在中国的生成与演变//太平洋学报]. Зарождение и эволюция концепции *демократия* в Китае // Тайпиньян сюэбао. 2012. № 20 (9). С. 8–14. (на кит. яз.)

Янь Ци, Яо Линь, Ли Вэй Чао. Гунъи гуангао: шэхуэйчжуи хэсинь цзячжигуань дачжунхуа дэ юсюань луцзин [闫琪, 姚琳, 李卫朝. 公益广告:社会主义核心价值观大众化的优选路径.佳木斯大学社会科学学报]. Социальная реклама: предпочтительный путь популяризации базовых ценностей социализма // Цзямусы дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао. 2022. № 40 (6). С. 80–82, 85. (на кит. яз.)

References

Han Zhen, Shi Biqiu. Shehuizhuyi hexin jiazhi guan: guanjianci – minzhu [韩震, 石碧球. 社会主义核心价值观·关键词 民主. 北京: 中国人民大学出版社]. Socialist Core values: Keywords – Democracy. Beijing, Zhongguo Renmin daxue chubanshe, 2015, 104 p. (in Chin.)

Khriplya T. S. Sootnoshenie vizual'nykh i verbalnykh komponentov v polikodovykh tekstakh kitaiskoi sotsialnoi reklamy [Correlation of visual and verbal components in polycode texts of Chinese public service announcements]. *Vestnik of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2023, no. 4, pp. 121–127. (in Russ.) DOI 10.36809/2309-9380-2023-41-121-127

Khriplya T. S., Issers O. S. Obshchenatsionalnaya ideya “kitaiskoi mechty” v polikodovykh tekstakh sotsial'noi reklamy KNR [The national idea of the “Chinese dream” in the polycode texts of public service announcements of the People’s Republic of China]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2023, no. 16 (6), pp. 973–990. (in Russ.)

Ling Cheng, Cai Jiafeng. Neverbal'nye sposoby i sredstva reprezentatsii etnokul'tury v kitaiskoi polikodovoi kommercheskoi reklame [Nonverbal ways and means of representing ethnic culture in Chinese multicode commercial advertising]. *Litera*, 2025, no. 3, pp. 291–304. (in Russ.) DOI 10.25136/2409-8698.2025.3.73509

Ling Cheng. Predstavlenie osnovnykh tsennostei kitaiskoi natsionalnoi kultury v polikodovom reklamnom tekste [Presentation of the main values of Chinese national culture in a polycode advertising text]. In: *Oriental kaleidoscope*. Moscow, RUDN, 2024, pp. 246–254. (in Russ.)

Liu Shenghua. Shijue yufa shiyu xia minjian yishu de shehui zhili gongneng – yi “Tu shuo women de jiazhi guan” xiqu zuopin wei li [刘胜华. 视觉语法视域下民间艺术的社会治理功能——以“图说我们的价值观”戏曲作品为例//东南传播]. The social governance function of folk art under the vision of visual grammar – Taking the opera works of “Illustrated Account of Our Core Values” as an example. *Dongnan chuanbo*, 2022, no. 4, pp. 106–109. (in Chin.)

Lukin A. V. Prikhod ponyatiya “demokratiya” v Kitai i ego pervye interpretatsii [The arrival of the concept of “democracy” in China and its first interpretations]. *Society and the State in China*, 2009, vol. 39, no. 1, pp. 274–295. (in Russ.)

Ma Yumei, Zhou Yunli. Lun gongyi guanggao de shehui jiazhi [马玉梅, 周云利. 论公益广告的社会价值//学术交流]. On the social Value of Public Service Advertising. *Xueshu jiaoliu*, 2000, no. 2, pp. 64–65. (in Chin.)

Novospasskaya N. V., Dugalich N. M. Terminosistema teorii polikodovykh tekstov [Terminological system of the polycode text theory]. *Rusistika*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 298–311. (in Russ.) DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311

Oleynikov I. V., Kormich P. S. Termin i ponyatie “demokratiya” v politicheskoi zhizni Kitaya pervoi treti XX veka [The term and the concept of “democracy” in the political life of China in the first third of the 20th century]. *Ideas and Ideals*, 2018, vol. 2, no. 2 (36), pp. 41–58. (in Russ.) DOI 10.17212/2075-0862-2018-2.2-41-58

- Pishchalnikova V. A., Dubkova O. V., Cong Fengling.** Bazovye tsennosti kitaitsev: problemy i resheniya [Basic Values of the Chinese: Problems and Solutions]. In: Pishchalnikova V. A., Dubkova O. V., Cong Fengling, Yao Zhipeng. *Kartina mira kitaitsev: teoriya i praktika nauchnogo issledovaniya* [The Chinese World Picture: Theory and Practice of Scientific Research]. Moscow, R. Valent, 2020, pp. 5–25. (in Russ.)
- Qiao Lei, Wang Zhiqiang.** Gongyi guanggao yu shehuizhuyi hexin jiazhi guan chuanbo – yi “Tu shuo women de jiazhi guan” gongyi guanggao weili [乔磊, 王志强. 公益广告与社会主义核心价值观传播——以“图说我们的价值观”公益广告为例//青年记者]. *Public service Advertising and the Dissemination of socialist core values – “Illustrated Account of Our Core Values” public service advertising as an example. Qingnian jizhe*, 2018, vol. 20, pp. 31–32. (in Chin.)
- Qu Yun.** Predstavlenie osnovnykh tsennostei sovremennogo Kitaya v polikodovom reklamnom tekste [Representation of the core values of modern China in a polycode advertising text]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, no. 2 (857), pp. 179–175. (in Russ.) DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_170
- Qu Yun.** Representation of the moral value of “civility” in Chinese social advertising. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, no. 9 (851), pp. 203–213. (in Russ.) DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_203
- Romanova T. V., Vinokurova A. S.** Psikholingvisticheskaya i lingvokognitivnaya interpretatsiya polikodovykh tekstov [Psycholinguistic and linguocognitive interpretation of polycode texts]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 2022, no. 19, pp. 46–60. (in Russ.)
- Shi Biqiu.** Guangrong yu mengxiang: fuqiang, minzhu, wenming, hexie [石碧球. 光荣与梦想: 富强、民主、文明、和谐, 北京: 北京人民出版社]. *Glory and Dreams: Prosperity, Democracy, Civilization, and Harmony. Beijing, Beijing renmin daxue chubanshe*, 2025, 333 p. (in Chin.)
- Shi Haiquan.** Minzhu guannian zai Zhongguo de shengcheng yu yanbian [史海泉. 民主观念在中国的生成与演变//太平洋学报]. *The generation and Evolution of Democratic Concepts in China. Taipingyang xuebao*, 2012, no. 20 (9), pp. 8–14. (in Chin.)
- Sonin A. G.** Eksperimental'noe issledovanie polikodovykh tekstov: osnovnye napravleniya [Experimental studies of multimodal text comprehension: main directions]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2005, no. 6, pp. 115–123. (in Russ.)
- Wang Wei.** Lun gongyi guanggao de shehui jiazhi [王巍. 论公益广告的社会价值//记者摇篮]. *On the social Value of Public Service Advertising. Jizhe yaolan*, 2024, no. 9, pp. 141–143. (in Chin.)
- Wells W., Burnett J., Moriarty S. E.** *Advertising: Principles & Practice*. Pearson, Prentice Hall, 2006, 592 p.
- Wu Xumin.** Gongyi guanggao sheji zhong de shijue yuansu biaoda jiqiao [吴煦民. 公益广告设计中的视觉元素表达技巧//中国民族博览]. *Visual element expression skills in public service advertising design. Zhongguo minzu bolan*, 2024, no. 13, pp. 214–216. (in Chin.)
- Yan Qi, Yao Lin, Li Weichao.** Gongyi guanggao: shehuizhuyi hexin jiazhi guan dazhonghua de youxuan lujing [闫琪, 姚琳, 李卫朝. 公益广告: 社会主义核心价值观大众化的优选路径. 佳木斯大学社会科学学报]. *Public Service advertising: the preferred path to popularize the Core Values of socialism. Jiamusi daxue shehui kexue xuebao*, 2022, no. 40 (6), pp. 80–82, 85. (in Chin.)
- Zou Huajing, Novospasskaya N. V.** Klassifikatsiya elementov lingvokul'turologicheskoi informatsii v polikodovom tekste pechatnoi reklamy na materiale russkogo i kitaiskogo yazykov [Classification of the elements of linguoculturological information in the polycode text of print advertising based on the material of Russian and Chinese languages]. *Litera*, 2021, no. 2, pp. 1–10. (in Russ.) DOI 10.25136/2409-8698.2021.2.35001

Информация об авторе

Ольга Владимировна Дубкова, кандидат филологических наук, профессор
RSCI Author ID 315169
SPIN 3317-3967

Information about the Author

Olga V. Dubkova, Candidate of Sciences (Philology), Professor
RSCI Author ID 315169
SPIN 3317-3967

*Статья поступила в редакцию 10.01.2026;
одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 30.01.2026
The article was submitted on 10.01.2026;
approved after reviewing on 28.01.2026; accepted for publication on 30.01.2026*

Научная статья

УДК 342.72/73+811.581.11

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-36-47

Транскультурация правового дискурса: перевод понятия «жэньгэцюань» в контексте диалога России и Китая

Юэ Цян

Шанхайский политико-юридический университет
Шанхай, Китай

yuexiang850510@sina.com, <https://orcid.org/0000-0002-9531-199X>

Аннотация

Анализируется процесс перевода понятия «人格权 жэньгэцюань» из Гражданского кодекса КНР на русский язык в рамках транскультурационного подхода. Выявляется «концептуальный разрыв» в русскоязычном контексте через анализ семантической структуры термина и его инновационной роли в китайской правовой системе. Прослеживается эволюция переводческих решений от адаптивного заимствования «личных неимущественных прав» к креативной реконструкции «прав личности», обобщается комплекс стратегий транскультурации (адаптивное заимствование, креативная реконструкция, межкультурная интерпретация, унификация). Процесс перевода представлен как динамический механизм концептуальной навигации и совместного смыслостроительства, отражающий адаптацию китайской правовой концепции в русском юридическом дискурсе и являющийся микроуровневым проявлением диалога правовых цивилизаций. Работа демонстрирует, что эффективная транскультурация требует стратегического диалога и ведет к созданию гибридных концептуальных продуктов, предлагая практическую модель и методологический ориентир для перевода терминов при международном распространении китайского правового дискурса, что важно для углубления правового и культурного обмена между Китаем и Россией.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках Шанхайского фонда для проекта № 2024EGJ004 «A Corpus-Based Case Study of the Pluralistic Dispute Resolution Mechanism under the Shanghai Cooperation Organization Framework»

Ключевые слова

китайско-российский правовой диалог, права личности, транскультурация правового дискурса, сравнительное правоведение, концептуальный разрыв

Для цитирования

Юэ Цян. Транскультурация правового дискурса: перевод понятия «жэньгэцюань» в контексте диалога России и Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 36–47. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-36-47

© Юэ Цян, 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 36–47

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 36–47

Transculturation of Legal Discourse: Translating “人格权 *rén gé quán*” in the Context of Russian-Chinese Dialogue

Yue Qiang

Shanghai University of Political Science and Law,
Shanghai, China

yueqiang850510@sina.com, <https://orcid.org/0000-0002-9531-199X>

Abstract

This study analyzes the translation process of the concept “人格权 *rén gé quán*” from the Civil Code of China into Russian within a transcultural approach. A “conceptual gap” is identified in the Russian-language context by examining the term’s semantic structure and its innovative role in the Chinese legal system. The evolution of translation solutions – from the adaptive borrowing of “личных неимущественных прав” (personal non-property rights) to the creative reconstruction of “прав личности” (personality rights) – is traced, and a complex of transcultural strategies (adaptive borrowing, creative reconstruction, intercultural interpretation, unification) is synthesized. The translation process is presented as a dynamic mechanism of conceptual navigation and collaborative meaning construction, reflecting the adaptation of the Chinese legal concept within Russian legal discourse and serving as a micro-level manifestation of dialogue between legal civilizations. The study demonstrates that effective transculturation requires strategic dialogue and leads to the creation of hybrid conceptual products, offering a practical model and methodological framework for translating terms in the international dissemination of Chinese legal discourse, which holds significant importance for deepening legal and cultural exchanges between China and Russia.

Funding

Prepared within the framework of the Shanghai Foundation for project no. 2024EGJ004 “A Corpus-Based Case Study of the Pluralistic Dispute Resolution Mechanism under the Shanghai Cooperation Organization Framework”

Keywords

Sino-Russian legal dialogue, personality rights, transculturation of legal discourse, comparative law, conceptual gap

For citation

Yue Qiang. Transculturation of Legal Discourse: Translating “人格权 *rén gé quán*” in the Context of Russian-Chinese Dialogue. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 36–47. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-36-47

Перевод правового дискурса социализма с китайской спецификой на иностранные языки является важной основой для формирования национальной дискурсивной системы, развития международных культурных обменов и распространения концепций глобального управления. В этом процессе точный перевод ключевых юридических терминов, укорененных в китайской практике и сочетающих национальные особенности с международной универсальностью, имеет решающее значение для участия Китая в разработке международных правил и построения системы правового дискурса, ориентированной на зарубежные страны [У Шэньхун, 2022, с. 125]. Принятие Гражданского кодекса (ГК) КНР стало историческим законодательным достижением, привлекшим мировое внимание. Структурное решение о выделении «прав личности» (人格权 *жэньгэцюань*) в отдельный раздел считается ключевой инновацией и отличительной чертой ГК, создавшей новую правовую категорию, не имеющую прямых прецедентов в сравнительном правоведении [Чжан Фалянь, Ху Сяофань, 2023, с. 20].

Это событие вызвало значительный интерес международного, в том числе российского, академического сообщества. В России исследования китайского законодательства сосредоточены в ведущих научных центрах: ИДВ РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения, МГУ, СПбГУ. Работы российских ученых часто затрагивают макроэкономические и политические аспекты, тогда как глубокий анализ новейших кодексов, включая ГК КНР, остается нереализованным. В международной компаративистике уникальная структура ГК КНР, особенно выделение «прав личности», обсуждается такими учеными, как Л. Кнют, Х. Фу, Н. Фостер. Однако в существующих работах (как российских, так и зару-

бежных) акцент делается на институциональном значении или социополитическом контексте, в то время как лингвистико-правовым механизмам трансляции уникальных концептов, эволюции стратегий их перевода и роли этого процесса как формы правового диалога уделяется недостаточно внимания. Переводческие решения часто упоминаются без системного анализа их генезиса и функционального значения.

Настоящее исследование направлено на восполнение этой лакуны, фокусируясь на микроуровне терминологического выбора как на призме диалога правовых культур, а именно на процессе перевода термина «*жэньгэцюань*» на русский язык. Систематическое изучение перевода данного концепта, особенно эволюции переводческих стратегий и их связи с диалогом правовых систем, остается фрагментарным. Существующие работы часто ограничиваются констатацией переводческого факта или предложением отдельных вариантов, не раскрывая системной логики терминологического выбора. Данное исследование призвано восполнить этот пробел, сосредоточив внимание на реконструкции динамического процесса стратегических выборов, отражающего диалог и адаптацию правовых культур.

Концептуальное содержание «*жэньгэцюань*» определяется статьей 990 ГК КНР, однако его уникальность укоренена в богатом семантическом поле китайского языка и особой законодательной философии Китая, ориентированной на системную защиту человеческого достоинства. Это сочетание создает фундаментальную трудность для перевода, порождая необходимость стратегического выбора, выходящего за рамки простой номинации. Логика, эволюция и последствия этого выбора как проявления транскультурации станут предметом рассмотрения в данной работе.

Для точного понимания сложностей перевода «права личности» необходимо прежде всего обратиться к его семантическим истокам в китайском языковом контексте и прояснить ключевое содержание этой правовой концепции. Термин «*人格 Жэньгэ*» в китайском языке характеризуется полисемией, а его многоуровневая семантическая структура формирует глубокую интеллектуальную основу для построения такого юридического понятия, как «*人格权 жэньгэцюань*». Как важное понятие современного китайского языка, значение термина «*人格 Жэньгэ*» характеризуется явной многоуровневостью и исторической изменчивостью. Согласно определению, данному в «Современном словаре китайского языка» (5-е издание), «личность» означает «совокупность характеристик человека, таких как характер, темперамент, способности; моральные качества человека, а также его правосубъектность как носителя прав и обязанностей». Само это определение раскрывает сложную семантику термина.

С точки зрения этимологии термин «личность» восходит к древнегреческому слову, обозначавшему «маску», и позже был заимствован современной психологией для обозначения совокупности внешних проявлений и внутренних устойчивых психологических характеристик индивида¹. В процессе модернизации китайского языка начиная с Нового времени это слово постепенно развило следующие три основных смысловых уровня.

1. Психологический и этический уровень. Означает совокупность психологических характеристик личности, таких как характер, темперамент, способности, и связанных с ними моральных качеств. Например, Цай Юаньпэй высказал мысль о том, что «здоровая личность» должна включать четыре составляющих: моральное, интеллектуальное, физическое и эстетическое воспитание²; Лян Цичао считал «верность и сыновнюю почтительность» «важней-

¹ Сяньдай жэньгэ суцзао дэ личэн юй чжунгоши сяньдайхуа чжун дэ жэньгэ суцзао [现代人格塑造的历程与中国式现代化中的人格塑造]. История формирования современной личности и формирование личности в процессе развития современного китайского литературного языка. (на кит. яз.) URL: https://cssn.cn/zkzg/202503/t20250328_5865130.shtml (дата обращения 15.12.2025).

² В 1920 г. Цай Юаньпэй в работе «Общее образование и профессиональное образование» обобщил принципы нового образования как всестороннее развитие физических, интеллектуальных, моральных и эстетических качеств, определив его цель как «воспитание здоровой личности» и «развитие республиканского духа».

шими элементами личности»³. Эти высказывания указывают на внутреннюю целостность и этическую природу индивида.

2. Социологический и философский уровень. Означает индивида как носителя социальных отношений, обладающего социальными атрибутами. Этот смысловой акцент подчеркивает роль и взаимодействие человека в социальной структуре, его содержание близко к русскому понятию «личность». В современном контексте термин «личность» распространился на психологические характеристики и комплексные способности, необходимые индивиду для адаптации к современному обществу, т. е. «современность» человека⁴.

3. Юридический уровень и уровень теории прав. Означает правосубъектность человека как носителя прав и обязанностей в правовом смысле⁵. Это ключевой этап трансформации понятия «личность» из философской и социологической категории в основополагающую правовую категорию, формирующий юридическую основу термина «права личности». Это определение занимает классическое положение в теории гражданского права континентальной системы права и также отражено в основных китайских правовых учебниках и научных трудах.

Таким образом, три семантических уровня термина «личность» не изолированы друг от друга, а представляют собой прогрессивную структуру: от внутренней индивидуальности (психологической, моральной) к внешней социальности (общественной) и в итоге к абстрактной правовой субъектности. Эта многозначная и сложная семантическая структура совместно обеспечивает смысловую поддержку правовой концепции «人格权 жэньгэцюань», а также составляет глубинные причины трудностей понимания и эквивалентности, возникающих при межъязыковом переводе.

«人格权 жэньгэцюань», установленные ГК Китая, представляют собой системную и инновационную законодательную конструкцию, основанную на третьем из указанных выше значений термина «人格 Жэньгэ» – правосубъектности. Концептуальное содержание данного термина определяется статьей 990 ГК КНР путем «конкретного перечисления с открытым обобщением», которая охватывает такие конкретные права, как право на жизнь, здоровье, имя, репутацию, неприкосновенность частной жизни и др. Однако для адекватного понимания его уникальности в сравнительно-правовом ключе недостаточно простого перечисления. Необходимо прояснить его системное место и охранительную философию в рамках китайского права, а также его соотношение со смежными понятиями.

Прежде всего «人格权 жэньгэцюань» следует отличать от других категорий личных («неимущественных») прав в китайской правовой доктрине. Традиционно выделяются: 1) «人身权 жэньшэньцюань» – права, связанные с физической и биологической целостностью личности (жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность); 2) «身份权 шэньфэньцюань» – права, вытекающие из конкретного семейного или социального статуса (права супругов, родителей, автора); 3) «人格权 жэньгэцюань» – права, обеспечивающие социальное достоинство и ин-

³ «Теория о новом гражданине» – политический трактат, созданный Лян Цичао в начале XX в. Книга, появившаяся на фоне национального кризиса в конце эпохи Цин, ставила своей главной целью содействие модернизации Китая через идеологическое просвещение. В пятом разделе «О заслугах и добродетели» упоминается: «Преданность и сыновняя почтительность – две важнейшие составляющие личности».

⁴ Сяньдай жэньгэ суцзао дэ личэн юй Чжунгоши сяньдайхуа чжун дэ жэньгэ суцзао [现代人格塑造的历程与中国式现代化中的人格塑造]. История формирования современной личности и формирование личности в процессе развития современного китайского литературного языка. (на кит. яз.) URL: https://cssn.cn/zkzg/202503/t20250328_5865130.shtml (дата обращения 15.12.2025).

⁵ Данная формулировка является классическим определением в теории гражданского права континентальной правовой системы, заключенным в гражданских кодексах, учебниках по праву и юридических словарях различных стран, что отражает ключевое содержание правосубъектности как правоспособности. Соответствующее выражение также встречается в главах о «субъектах гражданских правоотношений» или «правоспособности» в учебнике права, подготовленном в Китайском Народном университете [Ван Лимин, Ши Цзяю, 2020].

дивидуальность личности как правового субъекта, ее «лицо» в обществе (имя, репутация, честь, неприкосновенность частной жизни).

В ГК КНР «人格权 жэньгэцюань» используется как обобщающая, интегративная категория, которая вбирает в себя содержание «人格权 жэньшэньцюань» (защита физического существование) и расширяет его, акцентируя защиту социально-духовного бытия личности. Тем самым он преодолевает узкие рамки прежних классификаций. Это построение является не только систематической интеграцией различных конкретных личных интересов, но и глубоким откликом на эволюцию концепции прав и возвышение ценностей в процессе модернизации правовой системы Китая. Инновационность в основном проявляется в следующих трех аспектах.

1. Преодолена традиционная для континентальной системы права ситуация, при которой личностные интересы в основном регулируются нормами о деликтной ответственности или разрозненно упоминаются в различных разделах. «人格权 жэньгэцюань» впервые выделены в самостоятельный раздел, поставленный наравне с разделами о вещных правах, договорах и других имущественных правах. Это не просто техническое новшество, а принципиальная системная позиция. Такое структурное расположение в кодексе ярко демонстрирует приоритетную ценность человеческого достоинства и защиты личности, знаменуя переход прав личности от вспомогательной охраняемой законом выгоды к самостоятельной системе основных прав с собственной логикой развития и защиты. Это создает основу для системной, а не фрагментарной защиты личности.

2. Преодолена прежняя пассивная (реактивная) модель защиты, ориентированная в основном на последующее деликтное возмещение ущерба. ГК КНР позитивно и систематически закрепляет содержание, границы и порядок осуществления конкретных прав личности (например, подробные положения о защите права на неприкосновенность частной жизни и персональных данных, запрете домогательств). Это отражает смену парадигмы с «запрета нарушений» на «активное закрепление и гарантирование прав». Формируется многоуровневый механизм защиты, который сочетает превентивные меры (например, право требовать прекращения действий, создающих угрозу нарушения прав) с компенсационными функциями, что в корне меняет традиционное понимание защиты личных прав в гражданском праве.

3. «人格权 жэньгэцюань» как обобщающая, вышестоящая концепция – не простое перечисление конкретных прав, таких как право на жизнь, здоровье, репутацию, а носитель множества функций. Она выполняет роль: 1) провозглашения ценностей – утверждает достоинство личности как основополагающую ценность гражданско-правового порядка; 2) системной интеграции – объединяет разнородные охраняемые законом личностные интересы (от физической целостности до цифровой неприкосновенности) в органически взаимосвязанное нормативное целое; 3) сохранения открытости – оставляет концептуальное пространство для судебного и доктринального признания новых видов личных прав, которые могут появиться в будущем (принцип «открытого перечисления»).

Таким образом, «人格权 жэньгэцюань» в китайском праве представляют собой сложное правовое творение, укорененное в национальной семантической традиции и объединяющее субъективную этическую правосубъектность, системную законодательную конструкцию и инновационную превентивно-охранительную философию. Фундаментальная задача их перевода на русский язык заключается в том, как точно и полно передать этот уникальный концептуальный и нормативный комплекс, интегрирующий глубинные смыслы, ценностные идеи, системную логику и современные законодательные техники, выходящие за рамки привычных для континентального права схем (рис. 1, табл. 1).

При столкновении с таким концептом китайского права, как «права личности», имеющим национальную специфику, процесс его перевода на русский язык прошел путь от поиска существующих аналогов до активного создания новых терминов, что отражает углубление его

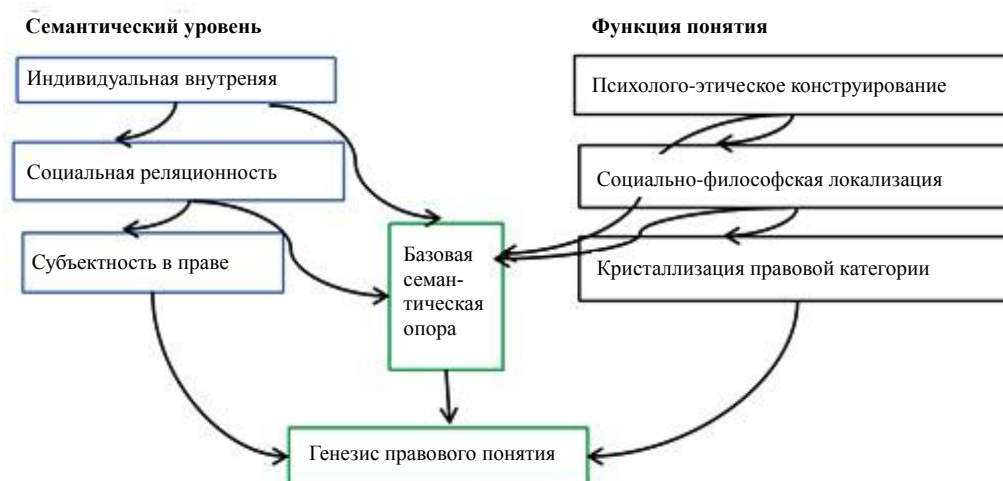

Рис. 1. Эволюционная модель семантической структуры китайского понятия «жэньгэ»

Fig. 1. The Evolution Model of Semantic Structure for the Chinese Concept of “Renge” (Personality / Personhood)

Таблица 1

Структурные инновационные характеристики
законодательного регулирования «жэньгэцюань»
в Гражданском кодексе Китая

Table 1

Structural Innovations in the “Personality Rights” Legislation
of China’s Civil Code

Инновационный аспект	Ключевая характеристика	Значение в сравнительно-правовом аспекте
Институционализация системы	Переход от зависимых норм к самостоятельной главе о правах	Прорыв за рамки традиционной структуры континентальной правовой системы
Активизация защиты	Переход от последующего восстановления прав к превентивному закреплению прав и системной защите	Формирование парадигмы активного гарантирования прав
Интеграция концепции	Восхождение от конкретного перечисления к открытой обобщающей категории	Достижение единства ценностей, норм и системы

познания. На начальном этапе перевода, основываясь на частичном совпадении содержания понятий, переводчики обычно переводили «права личности» как существующий в российской правовой системе термин «личные неимущественные права». Эта стратегия относится к адаптивному переводу, целью которого является ознакомление с новым правовым содержанием через уже знакомые русскоязычной аудитории концепты, чтобы снизить порог понимания. В российской правовой традиции «личные неимущественные права» представляют собой широкую, но относительно разрозненную категорию, включающую главным образом личные права, связанные с авторским правом, право на жизнь и здоровье, право на репута-

цию и т. д. Их ключевой правовой характеристикой является неотделимость от личности субъекта и отсутствие прямого экономического содержания.

Однако такой подход перевода имеет очевидные ограничения: «личные неимущественные права» в российском праве не существуют как самостоятельный раздел, параллельный разделу о вещных правах, как это имеет место в ГК Китая. Их положение в систематике кодекса, степень интеграции и системность норм значительно уступают разделу о правах личности в китайском законодательстве. В контексте российской правовой науки этот термин используется главным образом как антоним понятия «имущественные права», а его определение акцентирует отрицательный признак «неимущественности». В противоположность этому, ключевое содержание китайского понятия «права личности» заключается в позитивном признании и всесторонней защите «человеческого достоинства» и «личных интересов», а выделение их в отдельный раздел отражает системную, превентивную концепцию защиты прав.

Традиционные границы понятия «личные неимущественные права» в российском праве не полностью охватывают некоторые современные элементы, обладающие ярко выраженной эпохальной спецификой и присутствующие в разделе о правах личности ГК Китая, например системную защиту прав на персональные данные. Это приводит к пробелам в охвате содержания данным вариантом перевода. С выходом в 2020 г. авторитетного русского перевода Гражданского кодекса Китайской Народной Республики академические круги и связанные с ними СМИ постепенно перешли к использованию нового термина «права личности» в качестве эквивалента китайскому «*жэньгэцюань*». Этот переход знаменует собой смещение переводческой стратегии от преимущественной адаптации в сторону адекватной передачи своеобразия, являясь по сути креативной реконструкцией, основанной на концептуальном соответствии.

«Права личности» образованы сочетанием общеупотребительного слова «права» с существительным «личность». В русском языке, хотя «личность» является частотным словом, словосочетание «права личности» не представляет собой устоявшегося юридического термина; наиболее близким распространенным выражением является «права человека». Выбор слова «личность» как раз позволяет эффективно соотнести его с китайским понятием «人格 *жэньгэ*» на уровне правосубъектности (третье значение, описанное выше). Этот термин обозначает индивида как субъекта социальных отношений, обладающего правовым статусом, и его содержание выходит за рамки чисто биологического значения слова «человек». Таким образом, «права личности» в буквальном смысле могут быть поняты как «права, принадлежащие личности (правовому субъекту)» или «личностные права», что ближе отражает субъектность и нормативность, заключенные в китайском законодательном термине «права личности».

Создание этого термина преследует в основном следующие цели: обозначить концептуальные различия, напоминая русскоязычному читателю, что это уникальная институциональная конструкция, происходящая из китайской правовой системы; передать системную целостность, используя новый термин для целостного выражения концептуального содержания китайских «прав личности» как самостоятельной системы прав; избежать системных заблуждений, освободив перевод от специфических правовых традиций и системных ассоциаций, связанных с российским термином «личные неимущественные права» (рис. 2, табл. 2).

В рамках исследования транскulturации правового дискурса процесс перевода понятия «*жэньгэцюань*» на русский язык представляет собой не изолированный акт лингвистического замещения, а комплексный, многоуровневый транскulturационный процесс. Этот процесс наглядно демонстрирует, что для преодоления «концептуального разрыва» между правовыми системами требуется не одна, а взаимосвязанная совокупность стратегий, каждая из которых выполняет специфическую функцию в общей логике концептуальной транскulturации. Анализ данного кейса позволяет вывести за рамки простого перечня приемов и представить системную модель, объединяющую четыре ключевые стратегии транскulturации.

рации правового термина: адаптивное заимствование, креативную реконструкцию, межкультурную интерпретацию и авторитетную унификацию.

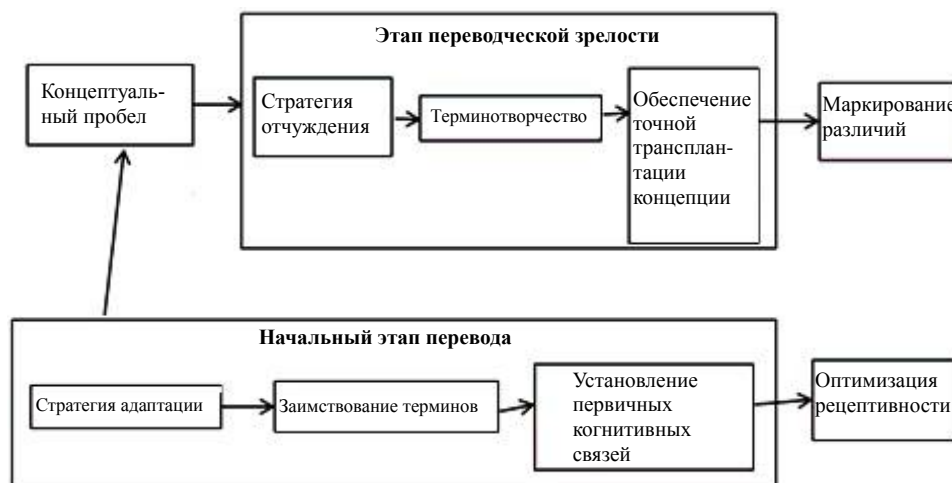

Рис. 2. Механизм динамического перевода стратегий передачи понятия «жэньгэцюань» («права личности») на русский язык
 Fig. 2. The Dynamic Transformation Mechanism of Russian Translation Strategies for “Personality Rights”

Таблица 2

Системная модель стратегий межкультурного перевода юридических терминов

Table 2

A Systemic Model of Strategies for Cross-Cultural Translation of Legal Terminology

Тип стратегии	Функциональное назначение	Способ реализации	Целевой эффект
Адаптивное заимствование	Познавательный мост	Использование близких понятий целевого языка	Снижение порога понимания
Креативная реконструкция	Трансплантация концепта	Создание нового термина или фразы	Точная передача уникальности
Межкультурная интерпретация	Смысловое дополнение	Сопровождение комментариями или сравнительными пояснениями	Полноценная передача концепта
Авторитетная унификация	Нормативное закрепление	Установление термина через авторитетные переводы	Обеспечение эффективности коммуникации

Прежде чем анализировать стратегии преодоления «концептуального разрыва», необходимо четко очертить его исторические и системные границы. Данный раздел призван углубить понимание уникальности «жэньгэцюань», рассмотрев его генезис в контексте модернизации китайского права и детально сопоставив с понятийным аппаратом российской цивилистики, чтобы выявить ту самую «зону перевода», где и разворачивается транскультурный процесс. Институционализация «жэньгэцюань» в отдельный раздел ГК КНР –

закономерный итог длительной эволюции китайской правовой мысли в рамках построения «социалистической правовой системы с китайской спецификой».

Этап заимствования и адаптации (конец XIX – середина XX в.). В процессе модернизации Китай обращался к опыту континентальной и советской правовых систем. Понятия защиты личности (честь, достоинство) упоминались в гражданских законах (например, в «Общих принципах гражданского права» 1986 г.), но не выделялись в системообразующую категорию, рассматриваясь скорее как охраняемые интересы в рамках деликтного права. «В традиционной системе континентального права права личности всегда находились в тени вещных и обязательственных прав, их защита носила фрагментарный и пассивный характер» [Ван Лимин, Ши Цзяю, 2020, с. 45].

Этап теоретического осмысления и доктринального созревания (1980–2010 гг.). С экономическим ростом и социальными изменениями усилился запрос на защиту человеческого достоинства, частной жизни, персональных данных. В юридической науке развернулась дискуссия о необходимости системной и превентивной защиты личности. Китайские ученые обосновывали необходимость собственной, опережающей законодательной конструкции, адекватной условиям социалистического рынка и информационного общества, что стало интеллектуальной основой для реформы [Чжан Синьбао, 2003; Ван Лимин, Ши Цзяю, 2020].

Этап законодательной инновации и ценностного утверждения (принятие ГК КНР в 2020 г.). Выделение раздела о «жэньгэцюань» стало сознательным идеологическим и системным выбором, отражающим политику «верховенства права» и принцип «человек в центре». Официальные комментарии подчеркивают цели данного решения: ценностное провозглашение достоинства личности как основы общества; системная интеграция разрозненных норм в единый механизм; создание инструментов для защиты от новых цифровых угроз. Таким образом, «жэньгэцюань» является концентрированным выражением современной китайской правовой философии, синтезирующей заимствованные элементы с национальными задачами.

Формирование «жэньгэцюань» как уникального концепта создало сущность, глубоко укорененную в культуре и праве, что требует для ее транскulturации выхода за рамки простого перевода. Для наглядного выявления «концептуального разрыва», требующего преодоления в переводе, необходимо детальное сопоставление не только отдельных терминов, но и их места в системах права. Юридический перевод, как отмечает С. Сарцевич, является «актом коммуникации в механизме права», направленным на достижение правового, а не только лингвистического эффекта в целевой культуре [Sarcevic, 1997, p. 13, 72].

Стратегии перевода «жэньгэцюань» выступают как инструменты транскulturации – взаимодополняющие тактики для имплантации инородного правового концепта. Выбор формы «личные неимущественные права» – классическая стратегия адаптивного заимствования. Ее цель – обеспечить начальное понимание через функционально близкие категории принимающего дискурса [Сао, 2007, p. 48–50]. Она выполняет эвристическую и дидактическую функцию, снижая когнитивную нагрузку. Однако ее ограниченность в том, что функциональная близость не устраняет системного и концептуального несоответствия.

Осознание этих ограничений ведет к стратегии креативной реконструкции – конструированию новой языковой формы, как неологизм «права личности». Это выход за рамки поиска готовых эквивалентов для более адекватного вмещения уникального содержания [De Groot, 2006]. Стратегия направлена на повышение концептуальной точности и системной аутентичности. Креативная реконструкция сама по себе недостаточна. Требуется стратегия межкультурной интерпретации через предисловия переводчиков, научные комментарии, сравнительно-правовые сноски, которые разъясняют генезис, контекст и значение концепта⁶. Эта стратегия переводит процесс из плоскости номинации в плоскость объяснения, обеспечивая «пересадку» концептуального и ценностного ядра.

⁶ Harvey M. A Beginner's Course in Legal Translation: The Case of Culture-Bound Terms. Tradulex, 2000.

Наконец, для того чтобы созданный термин и его интерпретация стали эффективным инструментом коммуникации, необходима стратегия авторитетной унификации. Она заключается в закреплении конкретного варианта перевода через его принятие авторитетными источниками: официальными публикациями, ведущими научными переводами, академическими изданиями и научным сообществом [Sarcevic, 2015, p. 228]. Принятие «прав личности» в качестве де-факто стандарта в российском китаеведении и компаративистике – результат действия этой стратегии. Она выполняет нормативную и стабилизирующую функцию, устраняя терминологический хаос и создавая общее семантическое поле для последующего диалога. Согласно теории правового перевода, такая унификация является обязательным условием для достижения правовой определенности в межкультурном контексте [Sarcevic, 1997, p. 13, 72].

Эти четыре стратегии не являются строго последовательными этапами, а часто применяются синергично или циклически. Вместе они образуют динамическую модель транскультурации правового концепта, где тактики адаптации, гибридизации, интерпретации и институционализации взаимодействуют для достижения конечной цели – осмысленной интеграции «чужого» в «свое». Особую значимость в данном кейсе приобретает фигура переводчика. Тот факт, что термин «права личности» был создан и введен в оборот русскоязычными правововедами-переводчиками, а не китайскими специалистами, имеет принципиальное значение [Гражданский кодекс..., 2020; Трошинский, 2021; Основные положения..., 2022].

Это подчеркивает, что эффективная транскультурация не односторонний экспорт, а диалогический процесс, осуществляемый «внутренними агентами» принимающей культуры. Переводчик выступает здесь не пассивным передатчиком, а активным агентом и «инженером» транскультурации, который (1) диагностирует концептуальный разрыв на основе знания обеих систем; (2) проектирует лингвистическое решение («права личности»), оценивая его воспринимаемость и системную совместимость; (3) обосновывает свой выбор через интерпретацию (комментарии, предисловия); (4) легитимирует его через свой профессиональный авторитет, способствуя унификации.

В этом свете деятельность переводчика полностью соответствует логике транскультурации, требующей от ее агента не только двуязычия, но и двукультурной компетенции, а также готовности к концептуальному творчеству на границе систем. Создание термина «права личности» – это акт профессионального суждения и творчества в рамках правовых ограничений, результат которого становится инструментом для дальнейшего диалога между правовыми цивилизациями.

Таким образом, перевод термина «*жэньгэцюань*» служит иллюстрацией того, как через системное применение взаимосвязанных переводческих стратегий осуществляется сложная работа по сближению правовых реальностей. Этот процесс выходит далеко за пределы буквального преобразования, превращаясь в лабораторию по совместной транскультурации правовых смыслов в рамках российско-китайского правового диалога. Проведенное исследование концепта «*жэньгэцюань*» в русском переводе выявило, что данный процесс является сложным транскультурационным механизмом, выходящим за рамки лингвистического соответствия. Анализ показал, что транскультурация правового дискурса представляет собой форму совместного концептуального строительства через стратегический диалог культур.

Подтверждена гипотеза о том, что перевод уникального правового концепта представляет собой динамический процесс концептуальной навигации в рамках транскультурации. Реконструирована логика эволюции переводческих стратегий – от адаптивного заимствования формы «личные неимущественные права» к креативной реконструкции «права личности», обусловленная необходимостью преодоления «концептуального разрыва». Эффективная транскультурация требует системы взаимосвязанных стратегических тактик, выполняющих специфические функции при имплантации нового знания.

На примере данного кейса показано, что юридический перевод как инструмент транскультурации становится лабораторией по производству гибридных правовых смыслов, где клю-

чевую роль играет переводчик как агент транскulturации. Предложена практическая модель транскulturации правовых терминов, сочетающая точное терминотворчество с глубокой межкультурной интерпретацией. Принятие российской юридической общественностью термина «права личности» знаменует успешный акт транскulturации – завершение цикла имплантации гибридного концепта. Это свидетельствует о переходе к диалогической со-творческой логике и открытости правовых культур к конструктивному заимствованию.

Сформулированы практические рекомендации для международного распространения китайского правового знания: 1) выстраивать стратегические партнерства с экспертами – носителями целевых языков для взвешенного терминотворчества; 2) сопровождать перевод законодательных актов комплексным академическим комментарием для смысловой «подкормки» имплантации концептов; 3) развивать сравнительно-правовые исследования, сознательно выстраивающие концептуальные мосты. Частный случай перевода «*жэньгэцюань*» иллюстрирует общий принцип: в эпоху глобального правового плюрализма успешная транскulturация права возможна только на основе диалога, взаимного уважения и готовности к концептуальному творчеству. Именно такой подход позволяет правовым решениям китайского контекста через транскulturацию внести уникальный вклад в развитие общей правовой цивилизации.

Список литературы

- Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / Отв. ред. П. В. Трощинский; рук. проекта, ред. А. Р. Зайнигабдинов. М.: Синосфера, 2020. 446 с.
- Основные положения ГК КНР: сравнительно-правовой анализ: Сб. науч. тр. М.: Статут, 2022. 216 с.
- Трощинский П. В.** Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 2. С. 56–68.
- Caο D.** *Translating Law*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 234 p.
- Groot G.-R. de.** *Legal Translation* // *Elgar Encyclopedia of Comparative Law* / Ed. by J. M. Smits. Cheltenham: Edward Elgar Publ., 2006. P. 423–424.
- Sarcevic S.** *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Kluwer Law International, 1997. 324 p.
- Sarcevic S.** *Challenges to Legal Translators in the 21st Century* // *Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives* / Ed. by S. Sarcevic. Farnham: Ashgate, 2015. 356 p.
- Ван Лимин, Ши Цзяю** (ред.). *Жэньгэцюань лифа дэ чжунго сыкао* [王利明, 石佳友 主编. 人格权立法的中国思考]. Размышления Китая о законодательстве в области прав личности. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2020. 667 с. (на кит. яз.)
- У Шэньхун.** Чжунго тэсэ фалюй шуой иньи: куньцин ю цзячжи сюаньцзэ [吴荻弘. 中国特色法律术语英译: 困境与价值选择//外语与外语教学]. Перевод на английский язык китайских юридических терминов с национальной спецификой: трудности и ценностные ориентиры // *Иностранные языки и их преподавание*. 2022. № 5. С. 125–133, 149–150. (на кит. яз.)
- Чжан Синьбао.** Жэньгэцюань фа дэ нэйбу тиси [张新宝. 人格权法的内部体系//法学论坛]. Внутренняя система права личности // *Форум права*. 2003. № 6. С. 104–107. (на кит. яз.)
- Чжан Фалянь, Ху Сяофань.** Лифа вэньбэнь фаньи сывэй тиси гоуцзянь чутань – и «Миньфа дянь» жэньгэцюань бянь иньи вэй ли [张法连, 胡晓凡. 立法文本翻译思维体系构建初探—以《民法典》人格权编英译为例//上海翻译]. Предварительное исследование построения системы переводческого мышления при переводе законодательных текстов на примере перевода на английский язык Раздела о правах личности Гражданского кодекса КНР // *Шанхайские переводоведческие исследования*. 2023. № 2. С. 20–25. (на кит. яз.)

References

- Cao D.** Translating Law. Clevedon, Multilingual Matters, 2007, 234 p.
- Groot G.-R. de.** Legal Translation. In: Elgar Encyclopedia of Comparative Law. Ed. by J. M. Smits. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2006, pp. 423–424.
- Osnovnye polozheniia GK KNR: sravnitelno-pravovoi analiz [Fundamental Provisions of the Civil Code of the People's Republic of China: A Comparative Legal Analysis]. A Collection of Scholarly Papers. Moscow, Statut Publ., 2022, 216 p. (in Russ.)
- Sarcevic S.** Challenges to Legal Translators in the 21st Century. In: Sarcevic S. (ed.). Language and Culture in EU Law: Multidisciplinary Perspectives. Farnham, Ashgate, 2015, 356 p.
- Sarcevic S.** New Approach to Legal Translation. The Hague, Kluwer Law International, 1997, 324 p.
- Troshchinsky P. V.** Kodifikatsiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Kitaya [Codification of Civil Legislation in China]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2021, no. 2, pp. 56–68. (in Russ.)
- Troshchinsky P. V., Zaynigabdinov A. R.** (eds.). Grazhdanskii kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki [Civil Code of the People's Republic of China]. Moscow, Sinosfera Publ., 2020, 446 p. (in Russ.)
- Wang Liming, Shi Jiayou** (zhubian). Regequan lifa de zhongguo sikao [王利明, 石佳友 主编。人格权立法的中国思考]. A Chinese Perspective on Personality Rights Legislation. Beijing, Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2020, 667 p. (in Chin.)
- Wu Changhong.** Zhongguo tese falv shuyu yingyi: kunjing yu jiazhi xuanze [吴茱弘。中国特色法律术语英译：困境与价值选择//外语与外语教学]. English Translation of Chinese-Specific Legal Terminology: Challenges and Value Choices. *Foreign Languages and Their Teaching*, 2022, no. 5, pp. 125–133, 149–150. (in Chin.)
- Zhang Falian, Hu Xiaofan.** Lifa wenben fanyi siwei tixi goujian chutan—yi <minfadian> renequan bian yingyi weili [张法连, 胡晓凡。立法文本翻译思维体系构建初探—以《民法典》人格权编英译为例//上海翻译]. Preliminary Study on Constructing a Framework for Legal Text Translation: A Case Study Based on the English Translation of the “Personality Rights” Section of China's Civil Code. *Shanghai Journal of Translators*, 2023, no. 2, pp. 20–25. (in Chin.)
- Zhang Xinbao.** Rengenquan fa de neibu tixi [张新宝.人格权法的内部体系//法学论坛]. Inner System of Personal Rights. *Forum of Law*, 2003, no. 6, pp. 104–107. (in Chin.)

Информация об авторе

Юэ Цян, PhD (Юриспруденция, Филология), доцент

Information about the Author

Yue Qiang – PhD (Law, Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 04.01.2026;
одобрена после рецензирования 24.01.2026; принята к публикации 30.01.2026
The article was submitted on 04.01.2026;
approved after reviewing on 24.01.2026; accepted for publication on 30.01.2026

Научная статья

УДК 378.147

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-48-60

Новые тенденции обучения чайной культуре в китайских университетах: модель межкультурного нравственного воспитания иностранных студентов

Чжан Сяолин

Шанхайский политико-юридический университет
Шанхай, Китай

nishuideyu2266@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6125-8246>

Аннотация

Привлечение к обучению в Китае иностранных студентов является важным каналом углубления культурных обменов между странами и фактически представляет собой межкультурное образование. Развитие межкультурных способностей должно занимать важное место в образовательном процессе, в особенности при подготовке кадров. С момента начала проведения политики «реформ и открытости» Китай добился больших успехов в области обучения иностранных студентов. Сталкиваясь с проблемами развития образования в новую эпоху, Китай никогда не останавливался в попытках исследования различных образовательных реформ. Культура – это душа страны и нации. Прекрасная традиционная культура Китая легла в основу реализации культурно-просветительской работы с иностранными студентами. Внедрение межкультурного образования является важной гарантией реализации образовательных целей в процессе обучения иностранных студентов в Китае. В данном исследовании в качестве примера выступает учебный курс для иностранных студентов «Введение в чайную культуру Китая», предложенный Шанхайским политико-юридическим университетом. В статье обобщается и отражается практика «межкультурного нравственного воспитания иностранных студентов» в контексте применения механизма совместного обучения, анализируются нравственно-воспитательный потенциал содержания обучения и практические методы нравственного воспитания. Кроме того, в статье особое внимание уделено анализу потенциальной ценности китайской традиционной культуры для организации нравственного воспитания иностранных студентов в китайских университетах с точки зрения «межкультурности». Были проведены наблюдения над результатами применения модели совместного обучения иностранных студентов с точки зрения межкультурной коммуникации и сделан вывод о богатом потенциале данного курса в реализации нравственного воспитания учеников. В практическом плане проделанная работа позволяет преподавательскому составу пересмотреть тактику и результаты своих практик обучения и улучшить методику организации воспитательного процесса, педагогические подходы и условия, а также координацию воспитательной работы всех звеньев, связанных с реализацией курса.

Ключевые слова

межкультурное образование, иностранные студенты, чайная культура, нравственное воспитание, эстетическое воспитание, совместное обучение, реформа обучения, нравственно-воспитательный потенциал, культурное наследие, Великий чайный путь

Для цитирования

Чжан Сяолин. Новые тенденции обучения чайной культуре в китайских университетах: модель межкультурного нравственного воспитания иностранных студентов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 48–60. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-48-60

© Чжан Сяолин, 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 48–60

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 48–60

A New Trend in Tea Culture Education in Chinese Universities: A Model of Intercultural Moral Education of Foreign Students

Zhang Xiaoling

Shanghai University of Political Science and Law
Shanghai, China

nishuideyu2266@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6125-8246>

Abstract

Attracting foreign students to China is an important channel for deepening cultural exchanges between countries and representing intercultural education. The development of intercultural abilities should occupy an important place in the educational process, especially in the training of personnel. Since the beginning of the policy of “reform and openness”, China has achieved great success in the field of teaching foreign students. Faced with the problems of the development of education in the new era, China never stopped attempting to research various educational reforms. Since culture is the soul of the country and nation, the excellent traditional culture of China formed the basis for the implementation of cultural and educational work with foreign students. The introduction of intercultural education is an important guarantee of the implementation of educational goals in the process of teaching foreign students in China. In this study as an example there is the training course for foreign students “Introduction to China’s tea culture” proposed by Shanghai Political and Legal University. The article summarizes and reflects the practice of “intercultural moral education of foreign students” in the context of applying the mechanism of joint training and educational potential of the content of training and practical methods of moral education. In addition, in the article, special attention is devoted to the analysis of the potential value of the Chinese traditional culture for organizing the moral education of foreign students in Chinese universities in terms of “interculture”. Observations of the application of the model of joint training of foreign students were made in terms of intercultural communication, concluding with the belief of the rich potential of this course. In practical terms, the work done allows teachers to reconsider the tactics and results of their training practices and improve the methodology of organizing the educational process, pedagogical approaches and conditions, as well as the coordination of the educational work of all links related to the implementation of the course.

Keywords

intercultural education, foreign students, tea culture, moral education, aesthetic education, cooperative learning, learning reform, cultural heritage, the Great tea Road

For citation

Zhang Xiaoling. A New Trend in Tea Culture Education in Chinese Universities: A Model of Intercultural Moral Education of Foreign Students. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 48–60. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-48-60

После XVIII Съезда Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин неоднократно упоминал о важности традиционной китайской культуры и идеологической системы ценностей. «Воспитывать образованных людей с высокими нравственными качествами», как отличная традиция образования, является главной задачей образования в Китае. В докладе на XVIII Съезде Коммунистической партии Китая говорится о задаче «воспитания образованных людей с высокими нравственными качествами». Позже, в докладах XIX и XX Съездов Коммунистической партии Китая говорится о необходимости «выполнять основную задачу по воспитанию образованных людей с высокими нравственными качествами». Работа по духовно-нравственному воспитанию активно проводится в средних и высших школах, колледжах, университетах Китая. В последнее время нравственное воспитание и профессиональное образование оказались в равной степени важны. В то же время китайские университеты начали активно изучать вопросы нравственного воспитания иностранных студентов. В сентябре 2018 г. Главным управлением Министерства образования Китайской Народной Республики было опубликовано уведомление о выпуске «Стандартов по обеспечению качества высшего образования для иностранных студентов, приезжающих в Китай (пробное внедрение)»¹.

¹ Цзяоюйбу гуаньюй иньфа «лайхуа люсюэшэн гаодэн цзяоюйчжилянгуйфан (шисин)» дэ тунчжи [教育部关于印发《来华留学生高等教育质量规范（试行）》的通知]. Уведомление Министерства образования о выпуске «Стандартов качества высшего образования для иностранных студентов в Китае (пробное внедрение)».

В документе представлены национальные стандарты обучения иностранцев в Китае, а также установлены четкие цели качества образования, включающие четыре уровня: предметно-профессиональный уровень, понимание Китая, владение языками, а также межкультурная и глобальная компетентность.

В последние годы Шанхайский политико-юридического университет начал реализацию реформы «Воспитывать образованных людей с высокими нравственными качествами» для иностранных студентов. В университете разработаны специальные курсы для иностранных студентов, в том числе «Курс по профилирующим дисциплинам», «Курс китайской культуры»² и «Курс практического обучения». Цель курсов – содействовать распространению традиционной китайской культуры и воспитывать высокоморальных людей через изучение чайной культуры, а также «вырастить» еще больше людей, которые разбираются в чае и понимают суть китайской чайной культуры.

Для изучения исследуемой проблемы был проведен конкретный процесс реализации курса и практики его организации, а также проверены методы всевозможного открытия нравственно-воспитательного потенциала. В работе использовались информация курса, материалы, и итоговый опыт преподавательского состава. Исследование было проведено с использованием аналитических, сравнительных методов.

Чайная культура является неотъемлемой частью китайской культуры и важным носителем распространения китайской культуры за рубежом. Среди бесчисленных культурных форм в Китае наиболее всеобъемлющей, систематичной и конкретной является чайная культура. Она способна помочь людям перейти от поверхностных знаний о традиционной китайской культуре к более глубоким исследованиям, а также понять суть китайской культуры и ценностей.

В отчетном докладе XX Съезда Коммунистической партии Китая говорится: «Образование – это основная политика страны и партии. Ключевыми проблемами образования являются следующие: каких людей нужно подготовить, как и для кого их подготавливать. Это коренные вопросы образования. Основная задача воспитания людей заключается в развитии их моральных качеств»³. В контексте конвергентного управления образованием концепция «воспитывать образованных людей с высокими нравственными качествами» подходит как для китайских, так и для иностранных студентов.

Характеристики чая всесторонне и систематически отражают концепцию китайской культуры, начиная от моральных принципов и заканчивая ее функциями. Чай является воплощением основных китайских культурных ценностей, в том числе концепции «находиться в согласии, имея разные взгляды», а также терпимости и великодушии, литературных и художественных достижений. Благодаря такому богатому культурно-просветительскому содержанию, философским идеям и гуманистическому духу, заложенным в традиционной китайской чайной культуре, содержание учебной программы данного курса отражает богатый духовно-нравственный потенциал.

На курсе работает выдающаяся, стабильная профессиональная команда преподавателей с практическим опытом работы. Шесть преподавателей этой команды имеют ученую степень

(на кит. яз.) URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A20/moe_850/201810/t20181012_351302.html (дата обращения 13.08.2024).

² Группа курсов включает в себя «Обзор Китая», «Обзор китайской чайной культуры», «Традиционные китайские праздники», «Поэзия и каллиграфия», «Китай в китайских иероглифах» и другие спецкурсы, связанные с китайской традиционной культурой и характерными национальными особенностями страны.

³ Си Цзиньпин. Гаоцзю Чжунго тесе шэхуэйчжун вэйда чичжи вэй цюаньмянь цзяншэ шэхуэйчжун сяньдайхуа гоцзя эр туаньцзе фэндоу – цзай Чжунго гунчандан диэршици цюаньго дайбяо дахуэй шандэ баогао [习近平. 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告]. Отчетный доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. (на кит. яз.) URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения 13.08.2024).

доктора наук в области иностранной литературы, китайского языка и литературы, сравнительного образования и истории. Главный преподаватель курса также имеет «Сертификат китайского чайного мастера 4-го уровня» и «Сертификат дегустатора чая 4-го уровня», три преподавателя имеют квалификационные сертификаты по преподаванию китайского языка как иностранного, а один преподаватель является членом Китайской ассоциации каллиграфов и специализируется на преподавании каллиграфии. Помимо этого, в преподавательской команде есть профессиональные преподаватели-практики, занимающиеся активным исследованием модели совместного обучения в первом (лекционные занятия) и во втором (практическое обучение) классах.

Преподаватели объединяют традиционную историю чая с современной наукой о чае, что позволяет простыми словами рассказать студентам об эволюции чайной культуры и перейти от теории к практике, от традиций к будущему. Преподаватели объясняют историю китайского чая с межкультурной точки зрения, тем самым продвигая «народную дипломатию чайной культуры». На протяжении всего обучения команда преподавателей помогает иностранным студентам проникнуться эстетикой и жизненным опытом китайского народа. Проведение разнообразных мероприятий также помогает достичь образовательных целей курса. Основные цели обучения в рамках курса можно разделить на пять аспектов: знания, способности, нравственное воспитание, межкультурные цели и эстетическое воспитание (табл. 1).

Основными методами обучения на курсе являются:

- смешанное обучение онлайн + офлайн;
- интерактивное обучение, основанное на собственном опыте;
- ситуационное обучение;
- кейс-метод обучения;
- коммуникативный метод обучения;
- полифоническая методика;
- специальные методы обучения;
- многоуровневое обучение;
- модель обучения «перевернутый класс»;
- практико-ориентированное обучение и т. д.

Методы и формы оценивания очень гибкие и разнообразные. На курсе отказались от традиционной формы проведения экзамена в закрытом формате в пользу инновационного метода многомерной оценки. Пропорциональное распределение результатов в процентной системе выглядит следующим образом:

- успеваемость в классе – 30 %;
- командная работа и взаимная оценка – 30 %;
- курсовая работа – 20 %;
- оценка за итоговый форум – 20 %;
- за публикацию статей в газетах и периодических изданиях начисляется 5 баллов к общему баллу (наивысший балл 100);
- за завоевание первого и второго призовых мест в соревнованиях начисляется 10 и 5 баллов соответственно (наивысший балл равен 100).

Образование представляет собой системный проект. Совместное обучение требует эффективного взаимодействия между различными учебными заведениями для общего использования ресурсов и аккумуляции энергии в системе с целью подготовки квалифицированных рабочих кадров. Совместное обучение, будучи основным направлением образования будущего, требует объединения нескольких предметов. Команда разработчиков учебной программы отказалась от идеи традиционной системы обучения и активно проводит совместное обучение иностранных студентов, приезжающих в Китай, в рамках управленческой реформы. Образовательная работа в рамках данного курса опирается на практические учебные материалы научно-практического центра для студентов по чайной культуре – Чаннинского чайно-

го научного общества в Шанхае, и проводится преподавателями совместно со специалистами данного центра. Далее в статье разрабатывается схема реализации модели совместного обучения на основе содержания учебной программы и проводимых мероприятий на первом и втором курсах (табл. 2).

Процесс внедрения первого класса: командная работа, сближение и совместное обучение китайских и иностранных студентов.

Таблица 1

Цели обучения
Learning objectives

Table 1

Цель	Результат
Знания	Разбираться в основных понятиях и исторических истоках китайской чайной культуры; понимать историю развития китайской чайной культуры; знать шесть основных видов китайского чая; понимать процессы распространения китайской чайной культуры за рубежом; разбираться в тесной взаимосвязи чайной культурой и политики, экономики, философии, искусства, жизни, обычаев и здоровья
Способности	Уметь различать шесть основных видов китайского чая и основные чайные инструменты; владеть навыками заваривания зеленого и черного чая в стеклянных стаканах
Нравственное воспитание	Взрастить у студентов любовь и бережное отношение к чаю; понимать суть китайской чайной культуры, основанной на «скромности и бережливости, искреннем уважении и вежливости, великодушном и терпимом отношении ко всему сущему, гармонии между человеком и природой, бережном отношении к чаю и любви к людям»; понять основную ценность китайской чайной культуры – концепцию «гармонии»; уважать разнообразие цивилизации человечества
Эстетическое воспитание	Развивать и совершенствовать способность чувствовать красоту: чувствовать красоту китайского чайного искусства, традиционного этикета, природы и гармонии; взрастить у студентов умение замечать красоту: наслаждаться чайной церемонией; чувствовать различные чайные пространства; развивать способность создавать красоту: интегрировать эстетику чайной церемонии в жизнь и стремление к ней
Межкультурные цели	Познакомиться с китайским искусством гостеприимства «предложить гостям стакан горячего чая»; узнать о красочных формах чайной культуры этнических меньшинств Китая и других этнических групп в мире; понять взгляды китайцев на природу, ценности, вселенную и эстетику через изучение чайной культуры

Источник: составлено автором.

Календарно-тематическое планирование

Таблица 2

Calendar and thematic planning

Table 2

№ п/п	Название темы	Количество учебных часов
1	Введение	2
2	Истоки чая и чайной культуры	2
3	История развития чайной культуры	2
4	Практическое обучение	2
5	Чайная культура и философия	2
6	Чайная культура и экономика	2
7	Чайная культура, литература и искусство	2
8	Практическое обучение	2
9	Чайная культура и жизнь	2
10	Чайная культура и обычаи	2
11	Чайная культура и туризм	2
12	Практическое обучение	2
13	Чайная культура и здоровье	2
14	Распространение чайной культуры за рубежом	2
15	Итоговый форум	2

Источник: составлено автором.

Ниже дается краткое описание ключевых пунктов тематического планирования.

Основные понятия о чае и чайной культуре. Чай, фарфор и шелк – три наиболее выдающихся китайских изобретения, которые внесли огромный вклад в развитие мировой материальной культуры. Они оказывали влияние на мировые экономические и культурные модели в разные исторические периоды и в конечном счете коренным образом изменили повседневный образ и качество жизни людей во всем мире⁴. В Китае чай уже давно глубоко интегрирован в жизнь народа. Со времен правления династии Тан на базе традиционной китайской культуры начала оформляться чайная культура, которая, спустя время, стала важным элементом духа китайской нации. Таким образом, можно сказать, что основные элементы гуманизма в китайской культуре относительно хорошо сохранились в чайной культуре.

Истоки чая и чайной культуры. Исторический процесс китайской чайной культуры включает четыре этапа – зарождение, формирование, развитие и рост:

- подготовительный период во время правления династий Цинь и Хань;
- период процветания в ходе правления династий Тан и Сун;
- период от расцвета до упадка при династиях Мин и Цин;
- период возрождения современной чайной культуры.

Развитие китайского чая и чайной культуры – это флюгер национального развития, а осмысление чайной культуры является ключом к пониманию китайской культуры. Данный модуль помогает студентам ознакомиться с общими сведениями о развитии чайной культуры

⁴ Чэн Цянь, Чжун Юйхуа. Жусюань фэйи, 44 сян Чжунго чавэньхуа жаншицизе таньфу [陈茜、钟玉华。入选非遗，44项中国“茶文化”让世界叹服]. Отобранные в качестве нематериального культурного наследия, 44 предмета «чайной культуры» поразили мир. (на кит. яз.) URL: <https://news.sina.com.cn/gov/xlxw/2022-12-05/doc-imqmmthc7102772.shtml> (дата обращения 02.08.2024).

в разные периоды, так как история становления и развития чайной культуры тесно связана с национальной судьбой Китая.

Философия китайской чайной церемонии и ее значение. Модуль «Философия чайной церемонии» направлен на то, чтобы познакомить учащихся с китайской культурой с помощью чашечки чая. В данном модуле учащимся рассказывают о чайной добродетели; чайных экспериментах; значении «скромности и бережливости» чайной церемонии, основанной Лу Юем; содержании, зарождении и развитии чайной церемонии; взаимосвязи чайной культуры и религии и др.

Богатая чайная культура этнических меньшинств. В этом модуле рассказывается о чайной культуре этнических меньшинств Китая:

- традиционный монгольский чай «сутэй цай»;
- тибетский чай со сливочным маслом «часуйма»;
- чай народности Бай «саньдаоча» (церемония «Три чая»);
- чай из листьев масличной камелии народности Яо и Дун;
- байховый чай народности Туцзя;
- бамбуковый чай народности Дай;
- уйгурский чай;
- горький чай народности Ва;
- бамбуковый чай народности Булан;
- «холодный чай под соусом» народности Цзино и др.

Красочная чайная культура этнических меньшинств воплощает в себе богатство и разнообразие китайской чайной культуры и многообразие культур. Таким образом, чайная культура улучшает межкультурное взаимопонимание, способствует культурному обмену, а также призывает учиться друг у друга на основе уважения разнообразия цивилизаций.

Распространение китайской чайной культуры за пределами Китая. В Древнем Китае чай и чайная культура распространились по всему миру сухопутными и морскими путями, сделав чай важной отраслью в мире и впоследствии сформировав богатую и разнообразную мировую чайную культуру. Чай стал любимым напитком людей по всему миру. Распространение китайского чая происходило по различным путям. Так, например, Древний чайный путь проходил по юго-западной части Китая. На восток чай доставляли в основном до Японии и Корейского полуострова, на запад – по Шелковому пути. На севере чай распространялся по Великому чайному пути, проходившему через Монголию в Россию. В данном модуле особое внимание уделяется северному маршруту – Великому чайному пути.

Китайский чай приближается к нематериальному культурному наследию. Китайское правительство всегда придавало большое значение охране культурного наследия. За последние несколько лет Китаю удалось добиться превосходных результатов в области охраны нематериального культурного наследия. 29 ноября 2022 г. «Традиционные методы обработки чая и связанные с ними социальные практики в Китае» были включены в Список нематериального наследия ЮНЕСКО, став 43-м объектом в списке объектов нематериального культурного наследия. Различные проекты и обычаи, связанные с нематериальным культурным наследием чая, демонстрируют историю, развитие и распространение китайской чайной культуры, а также разнообразие китайских чайных техник, церемоний, инструментов и чайного искусства. Все это играет важную роль в популяризации наследия китайской чайной культуры, помогает понять китайскую чайную культуру и способствует ее распространению на международном уровне.

По состоянию на 2023 г. институт, предлагающий студентам данный курс, подписал контракт о прохождении практики более чем с 20 различными учреждениями и организациями. Также в 2022 г. подписан документ, в котором говорится, что Чаннинское чайное общество является основным центром для обучения практике чайной культуры. Помимо этого, университет нанял генерального директора и начальника секретариата на неполный рабочий день, обеспечив им гарантии и практическую платформу для совместного обучения в ходе реали-

зации учебной программы. Кроме того, весь преподавательский состав имеет большой практический опыт работы, а также соответствующие свидетельства о профессиональной квалификации. Все это является необходимым условием и гарантией того, что команда преподавателей учебной программы будет активно проводить занятия во втором классе.

Говоря о конкретных практических занятиях, необходимо отметить, что команда преподавателей вместе со студентами будет посещать различные места, в том числе деревню Лунцзин, расположенную в провинции Ханчжоу, где студенты смогут поучаствовать в сборе чая, а также сельскохозяйственный чайный музей в память о У Цзюэнуне в Шанхае⁵, Национальный музей чая в Ханчжоу и чайный музей в Фудине. Благодаря этим мероприятиям иностранные студенты смогут прочувствовать суть китайской чайной культуры, а также прикоснуться к истории развития китайской чайной культуры и погрузиться в нее. Помимо этого, студенты смогут принять участие в следующих фестивалях: «Фестиваль чая в Фуляне», «Фестиваль сбора белого чая в Фудине», «Китайский международный фестиваль чайной культуры на горе Путо»⁶, чайный фестиваль «Чайная столица Синьян», «Шанхайский международный фестиваль чайной культуры». Красочные фестивали позволят студентам почувствовать глубину китайской чайной культуры. Ежегодно в Шанхае проводится множество конкурсов чайного искусства. Впоследствии команда преподавателей будет поощрять и направлять заинтересованных студентов к участию в различных конкурсах.

Для повышения эффективности обучения, помимо поставленных образовательных целей, команда курса разработала ряд специальных практических учебных мероприятий (табл. 3) и форумов в конце семестра (табл. 4).

Таблица 3

Практическая учебная деятельность

Table 3

Practical educational activities

№ п/п	Главные темы и мероприятия	Примечание
1	Познакомиться с шестью основными видами китайского чая и заварить чашку чая	Совместно с учебно-практической базой по чайной культуре было разработано объяснение основных характеристик и основ заваривания шести основных видов чая
2	Мероприятие, посвященное Национальному дню чаепития (по лунному календарю): Конкурс знаний о китайской чайной культуре	Организовано с целью популяризации знаний о чайной культуре, в том числе организация конкурса знаний и распространение научно-популярной книги о чайной культуре «108 вопросов о чае»
3	Международный День китайского языка (20 апреля) и Всемирный день книг и авторского права (23 апреля)	Организовать чтение «Чайного канона» и посмотреть передачу «Чайный канон» Лу Юя, снятую каналом CCTV в программе «Китай в классике»
4	Мероприятия, приуроченные к Международному дню чая (21 мая)	Совместно с учебно-практической базой по чайной культуре и Клубом чайной церемонии

⁵ У Цзюэнун (1897–1989), также известен как «чайный святой современности», внес большой вклад в развитие китайского чая. В 2005 г. в Шанхае открылся Музей чая в память о господине У Цзюэнуне. В музее хранятся ценные фотографии, рукописи, книги и другие материалы У Цзюэнуна.

⁶ Гора Путо (Путошань) входит в четверку священных гор буддизма в Китае, расположена на северо-востоке провинции Чжэцзян. Культурный фестиваль направлен на популяризацию буддийской и чайной культур, а также на содействие обмену и сотрудничеству в буддийской чайной индустрии.

Окончание табл. 3

№ п/п	Главные темы и мероприятия	Примечание
5	Лекция на территории кампуса, посвященная технике «Распаривания чая (<i>дяньча</i>)» во времена правления династии Сун	Совместно с учебно-практической базой по чайной культуре и Клубом чайной церемонии
6	Проект чайного туризма «Дорога в Китай»	
7	Отборочное мероприятие «Звезда международного чайного искусства Шанхайского университета политических наук и права»	
8	Конкурс конструирования для китайских и иностранных студентов «Самый красивый чайный столик»	
9	Конкурс каллиграфии и чая для иностранных студентов «Кубок Лу Юй»	Совместно с Клубом каллиграфии и Клубом чайной церемонии
10	Конкурс публичных выступлений «Моя история с китайским чаем»	Совместно с Управлением по делам иностранных студентов
11	Чайный поэтический вечер для иностранных студентов	
12	Чаепитие для иностранных студентов, приуроченное к празднованию Китайского Нового года (<i>Чуньцзе</i>)	Совместно с педагогическим коллективом «Китайские традиционные фестивали»

Источник: составлено автором.

Таблица 4

Итоговый форум (семинар)

Table 4

Final forum (seminar)

№ п/п	Предлагаемые темы подфорума	Примечание
1	Мировая география чая: чайная культура в моем родном городе	10-минутное выступление с презентацией (ppt) и мультимедийной демонстрацией. Тема и содержание выступления совпадают с предлагаемыми темами курсовой работы
2	Особенности и функции чайной культуры	
3	Лу Юй и его философия чайной церемонии	
4	Сравнение китайской и зарубежной философии чайной церемонии	
5	История и распространение чайной культуры	

Источник: составлено автором.

Насыщенные практические занятия, будучи полезным дополнением к теоретическим занятиям в классе, играют важную роль в реализации учебных целей этого курса. Кроме того, практические занятия – это главная особенность и заметное достоинство данного курса. Проведение мероприятий по преподаванию и практике чайной культуры может не только обога-

тить практические формы преподавания китайской культуры для иностранных студентов, но и помочь им исследовать красоту традиционной китайской культуры и углубить собственное понимание красоты. Практические учебные мероприятия помогают студентам перейти на новый уровень: от теории к навыкам, от навыков к применению, от применения к инновациям. Кроме того, такие занятия помогают студентам использовать чайную культуру в качестве носителя, постепенно переходя от поверхностного понимания китайской культуры к более глубокому и осмысленному. Приведем примеры практической деятельности.

Чтение классической чайной литературы – это важное практическое занятие. Первой книгой, рекомендуемой к прочтению, является классическое произведение о чайной культуре «Чайный канон». Лу Юй, будучи основоположником науки о чае, внес выдающийся вклад в развитие чайной индустрии и чайной культуры в Китае и во всем мире. Последующие поколения почитали его как «чайного святого». Во время написания произведения автор глубоко погружался в изучение чая. Так, например, во времена правления династии Тан он проводил различные исследования чая в 43 округах и 44 уездах. Ему удалось систематизировать и объединить в одно произведение все имеющиеся и полученные знания о чае [Яо Гокунь, 2019, с. 46]. «Чайный канон» – это символ становления чайной культуры и настоящая энциклопедия чая.

Конкурс конструирования для китайских и иностранных студентов «Самый красивый чайный столик или самая красивая чайная сцена». Стол для китайской чайной церемонии – это форма выражения чайной культуры, а также чайное пространство, сосредоточенное на чае и объединенное восточной эстетикой и гуманными чувствами, место отдыха для души [Чжоу Чжунлинь, Тай Цзюньлинь, 2022, с. 21–22]. Проведение конкурса конструирования чайного столика – это прекрасная возможность для распространения чайной культуры и знакомства еще большего количества людей с данным элементом чайной церемонии. Кроме того, благодаря проведению данного мероприятия участники смогут получить более глубокое представление о стремлении китайской чайной культуры к таким концепциям китайской философии, как «единство неба и человека», «гармония между людьми», «гармония между человеком и вещами», «гармония человека и природы».

Конкурс каллиграфии и чая для иностранных студентов «Кубок Лу Юй». Чай и «Шесть искусств». Сочетание чая и «Шести искусств» сформировало уникальное явление в истории искусства китайской чайной церемонии. Так, например, сочетание чая и поэзии сформировало знаменитую чайную поэзию; сочетание чая и каллиграфии превратилось в чайную каллиграфию; сочетание чая и живописи стало чайной живописью.... Один из преподавателей данного курса является членом Шанхайской ассоциации каллиграфов. Он имеет большой опыт в области каллиграфии. Помимо этого, он также является инструктором университетского клуба каллиграфии и отвечает за планирование ряда конкурсов по каллиграфии. Цель конкурса «Кубок Лу Юй» – побудить иностранных студентов разобраться во взаимосвязи чая и искусства. Написание сочинений и стихотворений на чайную тематику поможет студентам понять взаимосвязь чая и поэзии, чая и каллиграфии. В то же время конкурс поможет студентам погрузиться в изучение культуры китайской каллиграфии и иероглифов. Данный конкурс будет интегрирован в программу «Курса китайской культуры».

Нравственное воспитание – это длительный процесс, затрагивающий весь период подготовки будущих специалистов. Учреждения образования в Китае придают большое значение нравственному воспитанию. Университеты не только разрабатывают и добавляют цели нравственного воспитания к основным целям общего образования, но и активно внедряют идеологические и политические элементы (нравственное воспитание) в учебные программы по профилирующим дисциплинам. Поскольку суть образования заключается в воспитании высокоморального человека, педагогический коллектив активно ведет учебно-исследовательскую деятельность, регулярно проводит коллективную подготовку к урокам, раскрывает потенциал нравственного воспитания в учебной программе и разрабатывает учебную программу по нравственному воспитанию. К настоящему моменту преподавательский состав курса

написал ряд классических учебных кейсов, посвященных различным целям нравственного воспитания, которые рассматриваются с различных точек зрения (табл. 5).

Таблица 5

Различные точки зрения на нравственное воспитание

Table 5

Different points of view on moral education

№ п/п	Ключевой познавательный момент	Цели нравственного воспитания
1	Сущность любителей чая, основа чайной добродетели	Понимать суть китайской чайной культуры, которая основана на скромности и бережливости, искреннем уважении и вежливости, заботе о чае и любви к людям, гармонии между человеком и природой; понимать суть «чайной добродетели», суть «гармонии» как концентрированного воплощения китайской культуры и искусства
2	Характер и сущность «чайного мастера»	Распространять знания о характере, сущности и духе китайских чайных мастеров
3	Суть церемонии «Три чая» (<i>Саньдаоча</i>) народности Бай	Через изучение церемонии троекратного заваривания чая народности Бай («первый чай – горький, второй чай – сладкий, третий чай – с послевкусием») объяснить взгляды народности Бай на жизнь и их жизненную философию
4	Богатая и разнообразная чайная культура китайских меньшинств	Понимать равную и справедливую этническую политику Китая, а также красочные чайные традиции и обычаи этнических меньшинств
5	Красочная мировая чайная культура	Давать информацию не только о китайской культуре, но и о других культурах для того, чтобы учащиеся понимали чайную культуру разных стран и разнообразие цивилизаций, а также уважали культурные традиции других наций
6	Возрождение Великого чайного пути	Разбираться в текущей политике Китая по защите культурного наследия через понимание внешней политики Китая, основанной на принципе «добрососедских отношений с сопредельными странами» и концепции «сообщества единой судьбы человечества»
7	Учреждение и значение Международного дня чая	Понимать стратегию развития китайской чайной промышленности через изучение Международного дня чая с точки зрения международной чайной индустрии, продвижение культурного разнообразия
8	Используя чай в качестве посредника, а туризм в качестве инструмента, содействовать интеграции сельского хозяйства и чайного туризма и возрождению сельских районов Китая	Понимать современную политику Китая, историю борьбы Китая с бедностью; понимать значение, а также знать предысторию и путь реализации стратегии возрождения сельских районов Китая; разбираться в текущем положении дел Китая

Источник: составлено автором.

Приведем примеры реализации нравственного воспитания студентов.

Мероприятия, посвященные празднованию Международного дня чая. С бурным развитием мировой чайной индустрии чайная промышленность стала одной из важных сфер национальной экономики многих стран. Генеральная Ассамблея ООН в декабре 2019 г. провозгласила 21 мая Международным днем чая⁷. Данный шаг свидетельствует о широком признании и отражает особое внимание международного сообщества к ценностям чая. В ходе празднования Международного дня чая будет организована фотовыставка мировой чайной культуры. Преподавательский состав уделит особое внимание не только китайской культуре, но и чайным традициям других стран. Для этого на мероприятие будут приглашены иностранные студенты более чем из 70 стран, обучающиеся в Шэньчжэне. Благодаря демонстрации обычаев национальной чайной культуры других стран студенты научатся уважать культурное многообразие цивилизаций.

Церемония «Три чая» (саньдаоча) народности Бай. Чайная церемония «Три чая» (саньдаоча) – это чайная традиция народности Бай, передаваемая из поколения в поколение. Представители данного этнического меньшинства проживают в Дали-Байском автономном округе провинции Юньнань. В 2014 г. церемония «Три чая» была включена в «Четвертую группу национального нематериального культурного наследия Китая». Изначально данная церемония проводилась старшим поколением для младшего. Троекратное заваривание чая – «первый чай – горький, второй чай – сладкий, третий чай – с послевкусием» – отражает жизненную философию народности Бай. Сейчас чайная церемония проводится на свадьбах, фестивалях и при встрече гостей. Церемония «Три чая» демонстрирует мудрость взглядов народа Бай на жизнь. Тройное заваривание чая подразумевает, что вся наша жизнь подобна чаю: когда чай «горький», следует думать о приближающейся «сладости», а когда он «сладкий», не следует забывать о «послевкусии».

Возрождение Великого чайного пути. История Великого чайного пути берет начало в XVII в. Маршрут начинался с чайного района горы Уишань на юге Китая, далее шел на север, проходил через Азию и Европу и доходил до русского города Кяхта. Данная дорога объединяла множество национальностей, религий и цивилизаций вдоль всего маршрута. На сегодняшний день чай, будучи национальным напитком Китая, твердо укоренился в сердцах и умах людей. Помимо этого, наблюдается активная интеграция чайного туризма, идет работа по защите и восстановлению культурного наследия, связанного с реликвиями чайной культуры, уделяется большое внимание работе по подаче совместной заявки на включение Великого чайного пути в список объектов Всемирного культурного наследия. В ходе учебного курса будут затронуты темы, связанные с распространением чайной культуры за рубежом, а также с возрождением Великого чайного пути. Кроме того, студенты посетят музей Великого чайного пути. Все это поможет студентам глубже разобраться в процессе распространения китайской чайной культуры за рубежом и понять текущую политику Китая в области охраны культурного наследия.

Преподаватели на протяжении всего процесса обучения опираются на богатую традиционную китайскую культуру и черпают вдохновение из истории чая, чайных обычаев, философии, эстетики, искусства, распространения и т. д. Благодаря разнообразной учебной деятельности студенты могут глубже понять сущность китайской культуры, а также такие добродетели китайской нации, как трудолюбие, сдержанность, упорство, терпимость, дружелюбие и гармония. Благодаря непоколебимой вере в национальную культуру преподаватели постоянно изучают новые методики обучения, совершенствуют учебную программу и ее содержание, извлекают скрытый потенциал нравственного воспитания. История китайской

⁷ Линь Юань. Ляньхэго сюаньбу 5 юэ 21 жи вэй гоцзу чажи [林远. 联合国宣布 5 月 21 日为“国际茶日”]. 21 мая объявлен Международным днем чая ООН. 新华网. (на кит. яз.) URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-12/20/c_1125367225.htm (дата обращения 02.06.2024).

чайной культуры помогает продвигать ее на международном уровне, а также помогает иностранным студентам узнать о современном Китае и, наконец, реализовать «учебную дисциплину, культурное, практическое и совместное обучение».

Список литературы

- Яо Гокунь.** Чжунго чавэньхуасюэ [姚国坤。中国茶文化学]. Изучение китайской чайной культуры. Пекин: Чжунго нунъе чубаньшэ, 2019. 746 с. (на кит. яз.)
- Чжоу Чжунлинь, Тай Цзюньлинь.** Чае чжаньчжэн [周重林、太俊林。茶叶战争]. Чайная война. Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ, 2022. 253 с. (на кит. яз.)

References

- Yao Gokun.** Zhongguo chawenhuaхue [姚国坤。中国茶文化学]. Studying Chinese Tea Culture. Beijing, Chinese Agricultural Press, 2019, 726 p. (in Chin.)
- Zhou Zhonglin, Tai Junlin.** Chaye zhanzheng [周重林、太俊林。茶叶战争]. Tea War. Changsha, Hunan People's Publishing House, 2022, 253 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Чжан Сяолин, PhD (Филология), доцент

Information about the Author

Zhang Xiaoling, PhD (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 02.09.2024;
одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted on 02.09.2024;
approved after reviewing on 16.01.2026; accepted for publication on 10.02.2026*

Научная статья

УДК 299.512

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-61-69

Конфуцианская система образования в чжурчжэньском государстве Цзинь как фактор трансформации религиозного ландшафта северо-востока Китая

Марина Ахатовна Хаймурзина

Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия

khaymurzina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2800-3468>

Аннотация

В процессе государственного строительства в Цзинь сложилась такая система просвещения, которая давала возможность разным народам получать образование. Чжурчжэни в созданных для них специализированных учебных заведениях изучали конфуцианские тексты (в переводах на чжурчжэньский язык), а также, подобно китайским реалиям, экзаменовались на получение степени *цзинь-ши*. Успешное освоение конфуцианской классики давало им возможность благополучного продвижения по чиновничьей лестнице. Более того, в соответствии с китайской моделью образовательной системы в рамках учебных заведений чжурчжэни проводили обряды почитания Конфуция, о чем свидетельствуют исторические записи. Конфуцианская система образования, воссозданная в Цзинь по китайским образцам, способствовала распространению культа Конфуция на территории всего государства, вероятно, вплоть до северо-восточных районов.

Ключевые слова

чжурчжэни, государство Цзинь, конфуцианская система образования, культ Конфуция

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ 24-18-00807 «Религиозный ландшафт дальневосточного порубежья России и Китая: история формирования и современное состояние»

Для цитирования

Хаймурзина М. А. Конфуцианская система образования в чжурчжэньском государстве Цзинь как фактор трансформации религиозного ландшафта северо-востока Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 61–69. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-61-69

The Confucian Education System in the Jurchen Jin State as a Factor in the Transformation of the Religious Landscape of Northeast China

Marina A. Khaymurzina

Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

khaymurzina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2800-3468>

Abstract

The formation of the features of the Jurchen enlightenment is closely related to the history of the formation of Jin statehood. In the second half of the 12th century, a specific education system was formed in Jin. It was based on the

© Хаймурзина М. А., 2026

Chinese (Confucian) model and took into account the interests of all peoples in the new state. Different ethnic groups (Khitan, Bohai, Chinese, Jurchens, etc.) had the opportunity to receive an education. At that time, a system of specialized educational institutions for the Jurchens was established. It happened during the reign of Shi-tsung and Zhang-tsung. This was preceded by the appearance of the Jurchen script and teachers of the Jurchen language in the capitals of the Jurchen state. Jurchens studied Confucian classics (translated into Jurchen) in the specialized Jurchen educational institutions. Like the Chinese, Jurchens were eligible for a jin-shi degree, which gave them the opportunity to obtain an official position and move up the career ladder. Moreover, according to the Chinese model of the educational system, Confucius was worshipped in Jurchen educational institutions, as evidenced by historical records. One of these examples is the relevant fragments in the historical essay “Jin shi” (History of Jin), as discovered by the author. The cult of Confucius in the realities of the new non-Chinese state was developed not only because of the state support and performance of the rite of worship of Confucius by the Jin at the highest (state) level, but also because of the restoration of the Chinese (Confucian) education system throughout the state. The Confucian education system, recreated in Jin, contributed to the spread of the cult of Confucius throughout the state, presumably, up to the northeastern regions.

Keywords

Jurchen, the Jin State, the Confucian education system, the cult of Confucius

Acknowledgements

This study was made possible with the financial support of the RNF grant 24-18-00807 “The religious landscape of the Far Eastern borderlands of Russia and China: the history of formation and the current state”

For citation

Khaymurzina M. A. The Confucian Education System in the Jurchen Jin State as a Factor in the Transformation of the Religious Landscape of Northeast China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 61–69. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-61-69

Этнокультурные контакты чжурчжэней способствовали заимствованию конфуцианства как важнейшего духовного достижения ханьцев, в том числе и конфуцианской системы образования¹. В период государственного строительства цзиньцы сформировали дуальный тип просвещения², который отвечал интересам разных народов. Для чжурчжэней были учреждены специализированные учебные заведения, где они знакомились с конфуцианской классикой, сдавали экзамены на знание конфуцианской мудрости и чтили Конфуция [Воробьев, 1983, с. 148–175; Кычанов, 2010, с. 195; Tao Jing-shen, 1974; 1995; Tillman, 1995; Лань Тин, 2019; Сун Дэцзинь, 1986].

Становление и развитие просвещения для чжурчжэней можно датировать началом практики привлечения малочисленных ханьцев для обучения детей царского дома. В домашнем обучении в семьях чжурчжэньской знати изначально применяли традиционные китайские приемы обучения, о чем свидетельствует, например, текст стелы в память чжурчжэньского сановника Ваньянь Сииня 完颜希尹: «Всех внуков учил сызмалу. Собирал их внутри замкнутой изгороди, проделав [в ней] круглое отверстие, в которое можно было просунуть только еду и питье. А учителя обучали их с утра до вечера» [Головачев, 2006, с. 94].

С первых лет существования Цзинь образование стало важным государственным ориентиром. Цзиньцы часто удерживали в плену сунских посланцев, у которых чжурчжэньские дети обучались конфуцианской культуре. Например, известно, что у сунского Чжу Бяня 朱弁 (1085–1144) обучались дети цзиньской аристократии. Чжан Шао 张邵 (годы жизни неизвест-

¹ Конфуцианская система образования – это система учебных заведений и система экзаменов *кэ-цзяюй*, в рамках которых изучали и, соответственно, экзаменовались на знание конфуцианских канонных текстов. В данной системе педагогами выступали именитые конфуцианцы, получившие ранее высокую степень *цзинь-ши*. Кроме того, важным элементом такой образовательной системы было почитание Конфуция (наличие специального помещения в учебном заведении), например, весной-осенью или перед экзаменами, а также наличие школ при конфуцианском храме *мяо сюэ* 庙学 (в регионах) с соответствующей учебной и обрядовой деятельностью [Лань Тин, 2019; Чжун-го цзяюй тунши, 1999]. Тема конфуцианского образования достаточно объемна и многогранна, в данной статье автор особо подчеркивает его содержательную и культовую стороны.

² На новых территориях цзиньцы изначально восстанавливали и контролировали привычную для многих народов (китайцев, киданей, бохайцев) китайскую (конфуцианскую) систему образования и систему экзаменов. Позднее (вторая половина и особенно последние десятилетия XII в.) для чжурчжэней по китайским образцам учреждали специализированные учебные заведения и соответствующие, но облегченные экзамены. Подробнее см. [Воробьев, 1983, с. 218–223; Лань Тин, 2019].

ны) занимался обучением в областном центре Хуйнинфу губернии Верхней столицы Шанцзин лу. А известного сунского литератора Хун Хао 洪皓 (1088–1155) удерживали в Цзинь с 1129 г. в течение 15 лет, большую часть из которых он служил у Сииня, обучая его сыновей. В то время своей жизни Хун Хао на листах бересты писал копии конфуцианских трактатов «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Чжун-юнь», «Да сюэ», поэтому тот этап в его творчестве позднее был назван периодом «Четверокнижья на листах бересты» [Чжунго цзяоюй тунши, 1999, с. 423].

Появление чжурчжэньских школ напрямую связано с появлением чжурчжэньской письменности³ – уже в конце правления Агуды 阿骨打 (1115–1123 годы правления) и во время правления Тай-цзуна 太宗 (1123–1135 годы правления) учреждали чжурчжэньские школы, где обучали чжурчжэньской письменности. Более того, из текста «Истории Цзинь» (*Цзинь ши* 金史) известно о существовании в тот период преподавателей чжурчжэньской письменности в столицах. Например, в Основных записях, касающихся времени правления Тай-цзуна, записано, что в 1125 г. пригласили Елу⁴ в Верхнюю столицу Шанцзин, чтобы там обучать чжурчжэньской письменности [Тото, 1975, с. 53]. У преподавателя Елу обучались будущие высокопоставленные сановники Цзинь. Например, «Нахэ Чуньянь 纳合椿年, чжурчжэньское имя Уе 乌野. В начале, когда появилась чжурчжэньская письменность, в Западной столице Сицзин⁵ учредили школу. Чуньянь и другие дети поступили на обучение, он был самым смекалистым. Позже Уе был выбран для обучения в Верхней столице, там его обучал Елу» [Там же, с. 1872].

Из жизнеописания Хэшиле Лянби 纒石烈良弼, другого высокопоставленного чжурчжэньского сановника, известно, что в годы правления под девизом Тянь-хуй (1123–1137) среди учеников, изучавших чжурчжэньскую письменность, шел отбор, лучших отправляли в Верхнюю столицу. В возрасте четырнадцати лет (в 1133 г.?) Лянби стал преподавателем в Северной столице Бэйцзин⁶, где у него обучалось около двухсот учеников [Там же, с. 1949–1950]. В тот же период на обучение в Верхнюю столицу среди изучавших чжурчжэньское письмо отобрали Цао Ванчжи 曹望之, в возрасте четырнадцати лет он был назначен преподавателем в Западной столице [Там же, с. 2035].

Из фрагментов, приведенных выше, очевидно, что в тот период в Верхней столице, Северной столице и Западной столице были преподаватели чжурчжэньской письменности и соответствующие учебные заведения. Записей в «Истории Цзинь» о существовании в то время преподавателей чжурчжэньской письменности в Восточной столице Дунцзин нами не найдено. Но очевидно, что просвещение было государственной стратегией, поэтому, вероятно, и в Восточной столице, и в более удаленных северо-восточных губерниях Фууй лу и Хулигай лу, примыкающих к Верхней столице и являющихся районами компактного поселения чжурчжэней, были учителя чжурчжэньской письменности [Ван Юйлан, 2016, с. 114].

Развитие просвещения для чжурчжэней и складывание чжурчжэньских учебных заведений в единую систему пришлось на время правлений чжурчжэньских императоров Ши-цзуна 世宗 (1161–1196 годы правления) и Чжан-цзуна 章宗 (1196–1211 годы правления). Ши-цзуна беспокоила система воспитания молодежи, решение проблем он видел частично в принятии китайских образцов. Однажды он обсудил с сановниками Лянби и Шоудао 守道⁷ проблему,

³ Согласно записям стелы, возведенной в честь сановника Сииня, чжурчжэньские письменности появились в 1121 г. [Головачев, 2006, с. 88–89, 95]. Согласно материалам «Истории Цзинь», чжурчжэньское письмо появилось в 1119 г. [Воробьев, 1983, с. 152].

⁴ В данном фрагменте «Истории Цзинь» имя Елу записано иероглифами 耶魯, но правильная запись имени – 叶魯 [Лань Тин, 2019, с. 188].

⁵ Областной центр Датун фу Западной столицы. Это территории, ранее принадлежавшие государству Ляо [Лань Тин, 2019, с. 188; Воробьев, 1983, с. 72].

⁶ Областной центр Дадун фу Северной столицы [Лань Тин, 2019, с. 188].

⁷ Внук Сииня [Головачев, 2006, с. 83].

связанную с тем, что многие чиновники из числа мэн-ань 猛安⁸ и моу-кэ 谋克⁹ были слишком молоды и не обладали достаточным воспитанием, а также не соблюдали нормы уважения старших. В прошлом старейшины в деревнях занимались их обучением, но сейчас некоторые из старейшин, способные наставлять, либо считают, что дело их не касается, и потому не вмешиваются, либо не имеют соответствующей должности и потому им не подчиняются. Император Ши-цзун предложил ввести систему старейшин по образцу китайской (ханьской) системы. Следовало выбрать честных и справедливых людей, способных служить образцом для подражания, и поручить им заниматься воспитанием молодежи [Воробьев, 1983, с. 222; Чжунго цзяюй тунши, 1999, с. 424; Тото, 1975, с. 1953].

С другой стороны, в период правления Ши-цзуна было усилено образование для чжурчжэней на этническом языке. Тогда предприняли работу по переводу на чжурчжэньский язык китайской классики¹⁰, которую позднее использовали в образовании чжурчжэней. Прежде всего, переводили конфуцианские каноны¹¹, исторические сочинения и другую литературу. Так, например, в 1165 г. перевели «Ши цзи» Сыма Цяня, к 1183 г. перевели «И-цзин», «Шан-шу», «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Лао-цзы», «Ян-цзы», «Вэнь Чжун-цзы», «Лю-цзы», «Синь Тан-шу» [Чжунго цзяюй тунши, 1999, с. 430; Лань Тин, 2019, с. 205; Воробьев, 1983, с. 170]. Переведенную конфуцианскую классику изучали в столичных специализированных учебных заведениях *Го цзы сюэ* 国子学 и *Тай сюэ* 太学¹², учрежденных для чжурчжэней во время правления Ши-цзуна [Воробьев, 1983, с. 220]. В сравнении с китайской *Го цзы сюэ* чжурчжэни изучали меньшее количество канонов [Чжунго цзяюй тунши, 1999, с. 430].

1173 г. считается годом официального появления *Го цзы сюэ* для чжурчжэней, но этому предшествовали годы подготовки. В «Истории Цзинь» записано, что «с 1164 г., используя малое чжурчжэньское письмо, переводили канонические книги и вводили их в учебный процесс. В мэн-ань и моу-кэ отобрали в ученики детей из достойных чжурчжэньских семей, во всех губерниях тогда набрали около 3 000 человек» [Тото, 1975, с. 1133]. Это был первый этап истории создания чжурчжэньской *Го цзы сюэ*. На втором этапе, в 1169 г., отобрали 100 лучших учеников и отправили их в столицу (тогда главной столицей была Чжун-ду) для дальнейшего обучения, там их обучал Вокэнь Хада 温迪罕缔达 (годы жизни неизвестны) [Воробьев, 1983, с. 220]. А уже в 1173 г., на третьем этапе, учредили *Го цзы сюэ* для чжурчжэней, во всех областях учредили областные училища, отбирали кандидатов для обучения по программам «сочинение об управлении страной» (*цэ*) и «стихи» (*ши*)¹³, новоявленные чжурчжэньские *цзинь-ши* впоследствии становились преподавателями [Воробьев, 1983, с. 220; Тото, 1975, с. 1140]. Вероятно, в тот период развитие образования для чжурчжэней связано с Вокэнь Хада, который преподавал в столице. В 1172 г. ему было приказано обучать учеников стихосложению *ши* и писать сочинения об управлении страной *цэ*, а в 1173 г. был учрежден экзамен на получение *цзинь-ши* чжурчжэнями [Тото, 1975, с. 2321].

⁸ Военно-административная единица поселения чжурчжэней, способная выставить тысячу воинов (тысячники) [Кычанов, 2010, с. 188].

⁹ Военно-административная единица поселения чжурчжэней, способная выставить сто воинов (сотники). От 7 до 10 моу-кэ образовывали мэн-ань [Кычанов, 2010, с. 188].

¹⁰ При Ши-цзуне была создана структура по переводу конфуцианских канонов – *Ицзин со* (译经所) [Лань Тин, 2019, с. 204].

¹¹ Ши-цзун желал, чтобы чжурчжэни знали о конфуцианских принципах *жэнь*, *и*, *дао*, *дэ* [Тото, 1975, с. 184].

¹² *Го цзы сюэ* – университет государевых детей, *Тай сюэ*, сокращенный вариант от *Го цзы тай сюэ*, – институт государевых детей (перевод М. В. Воробьева). *Го цзы сюэ*, *Тай сюэ* – столичные учебные учреждения. В Китае в *Го цзы сюэ* обучались дети аристократов и сановников не ниже третьего разряда, а в *Тай сюэ* – дети чиновников не ниже пятого разряда [Боревская, 2009, с. 540]. Что касается государства Цзинь, М. В. Воробьев указывает, что в Цзинь было 3 категории китайских и чжурчжэньских абитуриентов университета и института, куда в том числе входили дети и родственники чиновников шестого, седьмого и восьмого рангов [Воробьев, 1983, с. 221].

¹³ В 1180 г. при написании «стихов» (*ши* 诗) использовали малое чжурчжэньское письмо, при написании «сочинения об управлении страной» (*цэ* 策) – большое чжурчжэньское письмо [Лань Тин, 2019, с. 248].

Что касается времени появления чжурчжэньской *Тай сюэ*, то, согласно «Цзинь ши», приказ Ши-цзуна о строительстве данного учебного заведения датируется еще 1188 г. Там же написано, что под контролем был вопрос кадров, в чжурчжэньской *Тай сюэ* преподаванием должны были заниматься маститые конфуцианцы, которым давали жалование и чиновничью должность [Чжунго цзяюй тунши, 1999, с. 431; Тото, 1975, с. 1100].

Кроме центральных учебных заведений (*Го цзы сюэ* и *Тай сюэ*), в систему образовательных учреждений для чжурчжэней входили училища в регионах (областях *фу* и округах *чжоу*), появление которых также пришлось на время правлений Ши-цзуна и Чжан-цзуна. Согласно материалам «Истории Цзинь», таких училищ было 22. Областные чжурчжэньские училища (16) учредили в 1173 г. Окружные (6) чжурчжэньские училища появились чуть позднее, также во время правления Ши-цзуна [Воробьев, 1983, с. 220]. Областные и окружные учебные заведения размещались в районах компактного поселения чжурчжэней. Известно, что 11 (из 22) чжурчжэньских школ находились в северо-восточных губерниях Верхней столицы Шанцзин лу (в том числе в удаленных районах Фууй лу, Хулигай лу, Хэлань лу, Супин лу), Восточной столицы Дунцзин лу (в том числе и в Посу лу), Сяньпин лу и губернии Северной столицы Бэйцзин лу [Лань Гин, 2019, с. 194–197, 211; Ван Юйлан, 2016, с. 114; Тото, 1975, с. 1133–1134]. Кроме того, отметим, что в 1180 г. Средняя столица Чжунду, Верхняя столица Шанцзин, Сяньпин фу, Дунпин фу¹⁴ являлись местами проведения экзаменов на степень *цзинь-ши* для чжурчжэней¹⁵ [Тото, 1975, с. 1146].

В то же время (период правлений Ши-цзуна и особенно Чжан-цзуна) образование развивалось и в удаленных регионах в форме школ при храмах *мяо сюэ*, что соответствовало китайской модели развития образования. В регионах просвещение стало возможным в силу восстановления или строительства храмов Конфуция и школ при них. В тот период неоднократно выходили указы императоров о восстановлении конфуцианских храмов по всей стране [Лань Гин, 2019, с. 234]. Однако к концу XII в. кандидатов среди чжурчжэней на прохождение экзамена на высшую степень становилось все меньше и меньше, чем были обеспокоены императоры. Ввиду удаленности регионов власти пошли на увеличение количества мест сдачи экзаменов для чжурчжэней. В «Истории Цзинь» записано, что «к первому году правления под девизом Мин-чан (г. е. 1190 г. – М. Х.) добавили Северную столицу, Западную столицу и Иду фу¹⁶, [тогда] мест сдачи экзаменов [на уровне] области стало 7. Те же 7 мест [являлись местами] сдачи экзаменов для чжурчжэньских детей. Также пояснялось, что те, кто из Верхней столицы Шанцзин, Хэлань, Супин, Хулигай, Фууй, сдавали областные экзамены в областном центре Хуйнинфу. А те, кто из Сяньпин, Лунчжоу, Посу, Восточной столицы Дунцзин, Гай-чжоу, И-чжоу, сдавали экзамены в Сяньпин фу» [Тото, 1975, с. 1146].

Вышеприведенные фрагменты свидетельствуют о том, что императоры были заинтересованы в образовании чжурчжэней, в районах компактного их проживания была создана система центральных и региональных учебных заведений, предоставлялась возможность сдачи экзаменов на получение степени *цзинь-ши*. Власть всячески пыталась стимулировать развитие просвещения среди чжурчжэней и предоставляла различные выгоды, вовлекая их в образовательный процесс. Так, например, в годы правления под девизом *Да-дин* (1161–1189) было установлено, что школы должны быть созданы повсеместно. Из каждого *моу-кэ* отбирали трех или двух человек для обучения в качестве учеников, обеспечивая их деньгами и зерном [Там же, с. 1143].

Во время правления Чжан-цзуна просвещение также поощрялось. Приведем пример. В Основных записях «Истории Цзинь», посвященных времени его правления, указывается, что в 1199 г. высшими сановниками было рекомендовано сократить численность армии,

¹⁴ Губерния Шаньдунси лу [Чжунго лиши дитуцзи, 1996, с. 54–55].

¹⁵ Во время правления Хайлинь-вана (1150–1161) было определено 6 мест для сдачи экзаменов для чжурчжэней. Да цзинь гочжи [大金国志]. Исторические записи Великой Цзинь // Chinese Text Project. (на кит. яз.) URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=479534&map=gb> (дата обращения 26.05.2025).

¹⁶ Иду фу находился в губернии Шаньдундун лу [Чжунго лиши дитуцзи, 1996, с. 54–55].

а также уменьшить число чжурчжэньских и китайских студентов в *Тай сюэ*. Также было предложено упразднить должность учителей начальных школ и преподавателей в регионах. Однако императорский указ постановил сохранить школы в прежнем виде, а вопрос о численности армии отложить для дальнейшего обсуждения [Тото, 1975, с. 250].

В годы правления Чжан-цзуна под девизом *Тай-хэ* (1201–1208) выделяли 60 му земли, ввиду такого щедрого вознаграждения удалось увеличить количество учащихся. В период правления Сюань-цзуна, после переноса столицы в Кайфын, также предлагалось в качестве учеников отбирать тех, кто не был приписан к военной службе в му-кэ, и каждому выделять по 40 му земли [Там же, с. 1143–1144]. Очевидно, что в условиях оптимизации расходов вопрос образования оставался важным в государственном планировании. В образовании предполагалось сохранить все так, как было заложено в предыдущий период.

Система управления и внутреннего распорядка в китайских и чжурчжэньских школах Цзинь была одинаковая, соответствовала моделям эпохи Сун, считают китайские исследователи [Чжунго цзяоюй тунши, 1999; Лань Тин, 2019]. В Цзюане 51 «Истории Цзинь», относительно системы обучения в чжурчжэньских школах, записано следующее: «Все [ученики] собирались на занятиях¹⁷, [каждые] три дня писали одно “сочинение на тему управления страной”, в последний месяц каждого квартала проводился промежуточный экзамен по образцу китайской системы» [Тото, 1975, с. 1174].

Кроме того, в части общих сведений об образовании в Цзинь зафиксированы следующие основные правила учебных заведений: «Выходные дни и праздники были предусмотрены для отдыха. В случае болезни предоставлялся отпуск, а для посещения родственников или дальних поездок выделялось время. Нарушителей учебных правил наказывали, а тех, кто не следовал указаниям, исключали. Студенты, у которых был траур, могли вернуться к учебе только через сто дней, но им не разрешалось участвовать в церемониях *ши дянь*¹⁸» [Там же, с. 1132].

Данный фрагмент свидетельствует о том, что вопрос обряда в честь Конфуция был регламентирован во внутреннем распорядке учебных заведений. Согласно вышеприведенным записям, во всех случаях, кроме выхода после траура, ученики участвовали в обряде *ши дянь*. Вероятно, данное правило распространялось и на чжурчжэньские учебные заведения.

В подтверждение этого приведем записи из «Заметок об инспектировании Ляодуна» (遼東行部志) чиновника Ван Цзи 王寂. Когда Ван Цзи инспектировал Ляодун и добрался до далекого областного центра Сяньпин фу (в 1190 г.), он зафиксировал следующее: «Являлись на поклон в храм Конфуция, ученики, Люй Ян (?), местный начальник (?) и другие сопровождали, когда ритуал был закончен, немного отдохали в зале Индао тан, [потом] учащиеся сдавали экзамен» (цит. по: [Лань Тин, 2019, с. 47]).

Сяньпин фу – это место компактного поселения чжурчжэней, где функционировало чжурчжэньское областное училище, там же – место сдачи экзамена для чжурчжэней. Вероятно, в данном фрагменте из «Заметок об инспектировании Ляодуна» речь идет о чжурчжэньском учреждении, на примере которого мы видим исполнение культовой деятельности в адрес Конфуция перед экзаменами. Кроме того, приведем еще один пример, подтверждающий наше предположение о том, что в рамках образовательных учреждений чжурчжэни поклонялись Конфуцию. В 1194 г. высшими сановниками обсуждался вопрос канонизации Сииня и учителя Елу как основателей чжурчжэньской письменности: «Два мудреца Елу и Сиинь создали чжурчжэньскую письменность, просим каждому жаловать посмертный титул и построить молельню [в их честь]. Предписать всем чжурчжэньским и китайским студентам совершать поклонение им после поклонения Конфуцию» [Тото, 1975, с. 825].

¹⁷ В данном отрывке используется сочетание иероглифов 会课, что означает форму учебного занятия в традиционной китайской системе образования, когда собирались, обсуждали классические тексты, учились писать эссе или стихи. Данный формат включал также и проверку знаний (экзамены) [Чжунго цзяоюй тунши, 1999, с. 426].

¹⁸ 释奠 – обряд подношения кубка вина Конфуцию [Кравцова, 2007].

Тогда же обсуждался вопрос места строительства молельни в честь мудрецов Елу и Сииня: «В прежние времена не существовало прецедента включения создателей письменности в ритуалы храма Конфуция. [Однако] если построить молельню позади или справа, или слева от храма Конфуция и предписать всем конфуцианцам совершать там поклонение, это не нанесет ущерба [существующему обряду]» [Тото, 1975, с. 825].

Из вышеприведенных фрагментов очевидно, что все конфуцианцы (т. е. и китайские, и чжурчжэньские ученики) поклонялись Конфуцию, а поклонение чжурчжэньским мудрецам пытались вписать в уже существующий культ почитания Конфуция¹⁹.

Складывание особенностей просвещения чжурчжэней тесно связано с историей становления цзиньской государственности. На первом – накопительном – этапе чжурчжэни привлекали кадры (китайцев, киданей, бохайцев) в образование и управление новым населением, собирали книги, музыкальные ритуальные инструменты и т. п. В то время разработали чжурчжэньскую письменность, тогда и появились преподаватели чжурчжэньского языка в столицах Цзинь. На следующем этапе – периоды правления Ши-цзуна и Чжан-цзуна – в просвещении складывается система учебных заведений для чжурчжэней. В период правления Ши-цзуна, с одной стороны, критиковались сановники и члены царствующего дома за забвение чжурчжэньских обычаев, с другой стороны, продвигалась идея приобщения к конфуцианской культуре [Чжунго цзяоюй тунши, 1999, с. 406]. Во время правления Ши-цзуна была инициирована деятельность по переводу на чжурчжэньский язык конфуцианской классики, которая легла в основу образовательного процесса чжурчжэней. Кроме того, в тот же период появились специализированные учреждения для чжурчжэней и система сдачи экзаменов по китайскому образцу.

Система просвещения чжурчжэней основывалась на конфуцианских образцах, когда в специализированных учебных заведениях не только изучали и экзаменовались на знание конфуцианской классики, но и поклонялись Конфуцию. Государственная поддержка и исполнение цзиньцами обряда поклонения Конфуцию на высшем (государственном) уровне, воссоздание и распространение китайской (конфуцианской) системы образования на территории всего государства, в том числе и в рамках чжурчжэньских учебных заведений (в зонах компактного поселения чжурчжэней), – все это способствовало становлению культа Конфуция и, соответственно, трансформации религиозных реалий цзиньского государства.

Список литературы

- Боревская Н. Е.** Педагогическая мысль и образование // *Духовная культура Китая. Энциклопедия*: В 5 т. М.: Вост. лит., 2009. Т. 5. С. 529–575.
- Воробьёв М. В.** *Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.)*. М.: Наука, 1983. 365 с.
- Головачев В. Ц.** Стела в память Ваньянь Сииня как эпиграфический источник по истории чжурчжэней (перевод и комментарии) // *Вестник Моск. ун-а. Сер. 13: Востоковедение*. 2006. № 2. С. 82–99.
- Кравцова М. Е.** Ши дэнь // *Духовная культура Китая. Энциклопедия*: В 5 т. М.: Вост. лит., 2007. Т. 2. С. 743–744.
- Кычанов Е. И.** *История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров)*. СПб.: Петерб. лингвист. об-во, 2010. 364 с.

¹⁹ Однако в высших инстанциях решили, что это не соответствует государственной политике почитания заслуженных чжурчжэньских деятелей, и постановили учредить отдельную молельню в честь Сииня (Елу было отказано) в Верхней столице, тем самым Сииня, основателя чжурчжэньской письменности, включили в систему обрядов государства Цзинь. А проведение весенних и осенних жертвоприношений в той молельне делегировали одному гражданскому чиновнику из местной администрации и одному местному военному – тысячнику [Тото, 1975, с. 825].

- Tao Jing-shen.** Political Recruitment in the Chin Dynasty // *Journal of the American Oriental Society*. 1974. Vol. 94, no. 1. P. 24–34.
- Tao Jing-shen.** Public Schools in the Chin Dynasty // *China under Jurchen Rule: Essays on Chin Intellectual and Cultural History* / Eds. H. C. Tillman, S. H. West. New York: State Uni. of New York Press, 1995. P. 50–70.
- Tillman H. C.** An Overview of Chin History and Institutions // *China under Jurchen Rule: Essays on Chin Intellectual and Cultural History* / Eds. H. C. Tillman, S. H. West. Albany; New York: State Uni. of New York Press, 1995. P. 23–38.
- Ван Юйлан.** Дунбэй лююй вэньмин яньцзю [王禹浪. 东北流域文明研究]. Исследование культуры бассейна Северо-Востока. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2016. 317 с. (на кит. яз.)
- Лань Тин.** Цзиньдай цзяоюй юй кэцзюй яньцзю [兰婷. 金代教育与科举研究]. Исследование системы экзаменов и просвещения в государстве Цзинь. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2019. 333 с. (на кит. яз.)
- Сун Дэцзинь.** Цзиньдай цзунцзю цзяньшу [宋德金. 金代宗教简述]. Краткий очерк о религиях периода Цзинь // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1986. № 1. С. 314–320. (на кит. яз.)
- Тото.** Цзинь ши [脱脱. 金史]. История Цзинь. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. 2906 с. (на кит. яз.)
- Чжунго лиши дитуцзи [中国历史地图集: 八册 / 谭其骧. 第六册: 宋、辽、金时期]. Сборник карт по истории Китая: В 8 т. / Под ред. Тань Цисян. Пекин: Бэйцзин чжунго диту чубаньшэ, 1996. Т. 6: Период Сун, Ляо, Цзинь. 115 с. (на кит. яз.)
- Чжунго цзяоюй тунши [中国教育制度通史: 八册 / 李国钧、王炳照. 第三册: 宋、辽、金、元]. Сводная история системы образования Китая: В 8 т. / Под ред. Ли Гоцзунь, Ван Бинчжао. Цзинань: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ, 1999. Т. 3: Период Сун, Ляо, Цзинь, Юань. 557 с. (на кит. яз.)

References

- Borevskaya N. E.** Pedagogicheskaya mysl' i obrazovanie [Pedagogical thought and education]. In: *The Spiritual Culture of China. Encyclopedia*. In 5 vols. Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, vol. 5, pp. 529–575. (in Russ.)
- Golovachev V. Ts.** Stela v pamyat' Van'yan' Siinya kak epigraficheskii istochnik po istorii chzhurchzhenei (perevod i kommentarii) [The Stele in Memory of Wanyan Xiyin as an Epigraphic Source on the History of the Jurchens (Translation and Commentary)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie* [*Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies*], 2006, vol. 2, pp. 82–99. (in Russ.)
- Kravtsova M. E.** Shi dian [shi dian]. In: *The Spiritual Culture of China. Encyclopedia*. In 5 vols. Moscow, Vostochnaya literatura, 2007, vol. 2, pp. 743–744. (in Russ.)
- Kychanov E. I.** Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov [The History of the Ancient and Medieval States bordering China (from the Huns to the Manchus)]. St. Petersburg, Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010, 364 p. (in Russ.)
- Lan Ting.** Jindai jiaoyu yu keju yanjiu [兰婷. 金代教育与科举研究]. A Study of the Examination and Education System in the State of Jin. Beijing, Renmin chubanshe, 2019, 333 p. (in Chin.)
- Song Dejin.** Jindai zongjiao jianshu [宋德金. 金代宗教简述]. A Brief Essay on the Religions of the Jin Period. *Shehui kexue zhanxian*, 1986, no. 1, pp. 314–320. (in Chin.)
- Tao Jing-shen.** Political Recruitment in the Chin Dynasty. *Journal of the American Oriental Society*, 1974, vol. 94, no. 1, pp. 24–34.

- Tao Jing-shen.** Public Schools in the Chin Dynasty. In: Tillman H. C., West S. H. (eds.). China under Jurchen Rule: Essays on Chin Intellectual and Cultural History. Albany, State Uni. of New York Press, 1995, pp. 50–70.
- Tillman H. C.** An Overview of Chin History and Institutions. In: Tillman H. C., West S. H. (eds.). China under Jurchen Rule: Essays on Chin Intellectual and Cultural History. Albany, State Uni. of New York Press, 1995, pp. 23–38.
- Tuotuo.** Jin shi [脱脱。金史]. History of Jin. Beijing, Zhonghua shuju, 1975, 2906 p. (in Chin.)
- Vorobyov M. V.** Kul'tura chzhurchzhenei i gosudarstva Tszin' (X v. – 1234 g.) [The Culture of Jurchen and the State of Chin (10th century – 1234)]. Moscow, Nauka, 1983, 365 p. (in Russ.)
- Wang Yulang.** Dongbei liuyu wenming yanjiu [王禹浪。东北流域文明研究]. Research of the culture of the North-East basin. Beijing, Shehui kexue wenxian chubanshe, 2016, 317 p. (in Chin.)
- Zhongguo lishi dituji [中国历史地图集: 八册 / 谭其骧. 第六册: 宋、辽、金时期]. Collection of maps on the history of China: In 8 vols. Ed. by Tan Qixiang. Beijing, Beijing zhongguo ditu chubanshe, 1996, vol. 6: The period of Song, Liao, Jin, 115 p. (in Chin.)
- Zhongguo jiaoyu tongshi [中国教育制度通史: 八册 / 李国钧、王炳照. 第三册: 宋、辽、金、元]. A summary history of the education system of China. In 8 vols. Ed. by Li Guozun, Wang Bingzhao. Jinan, Shandong jiaoyu chubanshe, 1999, vol. 3: The period of Song, Liao, Jin, Yuan, 557 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Марина Ахатовна Хаймурзина, кандидат философских наук, доцент
Scopus Author ID 57221965381
RSCI Author ID 670707
SPIN 7381-1809

Information about the Author

Marina A. Khaymurzina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor
Scopus Author ID 57221965381
RSCI Author ID 670707
SPIN 7381-1809

*Статья поступила в редакцию 02.07.2025;
одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted on 02.07.2025;
approved after review on 28.01.2026; accepted for publication on 10.02.2026*

Научная статья

УДК 94(3)+24-5

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-70-78

Multidisciplinary Study on the Quang Chieu Lantern Pagoda of Ly Dynasty in Vietnam and Wall Paintings of Mogao Grottoes in Dunhuang

Trần Trọng Dương

Hanoi University of Industry

Hanoi, Vietnam

duong.tran@hau.edu.vn, <https://orcid.org/0000-0003-0979-5877>

Abstract

This study explores the 12th century Quang Chieu Lantern Pagoda of the Ly Dynasty. By integrating inscriptions, official historical records and Buddhist sutras, this article analyzes Buddhist symbol meaning of the pagoda. The research results show that the architecture of Quang Chieu is a form that simulates what has been described in the Medicine Master Buddha Sutra, so it can be called the *Bhaiṣajyaguru Maṇḍala*, or the Medicine Master Buddha Sutra Transformation (*Dược sư kinh biến 藥師經變 Yaoshi jingbian*). The practice of the Bhaiṣajyaguru ritual, the use of the Medicine Master Buddha Sutra in particular, Mogao grottoes wall paintings in Dunhuang and the circulation of the Sinitic Tripitaka in show that the Dai Viet kingdom during the Ly-Tran Dynasties existed as an inseparable part of the Sinographic Cosmopolis.

Keywords

Vietnam, Medicine Master Buddha Sutra, Buddhist canon, Quang Chieu Lantern Pagoda, Sinitic inscription, Dunhuang wall paintings

Acknowledgements

The author would like to express his sincere gratitude for the assistance and English translation to Alex-Thai Dinh Vo (Cornell University)

For citation

Tran Trong Duong. Multidisciplinary Study on Quang Chieu Lantern Pagoda of Ly Dynasty in Vietnam and Wall Paintings of Mogao Grottoes in Dunhuang. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 70–78. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-70-78

Междисциплинарное исследование пагоды-фонаря Куангтьеу династии Ли во Вьетнаме и настенные росписи гротов Могао в Дуньхуане

Чан Чонг Зыонг

Ханойский промышленный университет

Ханой, Вьетнам

duong.tran@hau.edu.vn, <https://orcid.org/0000-0003-0979-5877>

Аннотация

Изучается пагода-фонарь Куангтьеу династии Ли XII в. Объединяя эпиграфику, официальные исторические записи и буддийские сутры, автор анализирует значение буддийских символов пагоды. Результаты исследова-

© Tran Trong Duong, 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 70–78

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 70–78

ния показывают, что архитектура Куангтьеу представляет собой форму, которая имитирует то, что было описано в Сутре Будды Наставника Медицины, поэтому ее можно назвать Мандалой Бхайшаджьягуру, или Трансформацией Сутры Будды Наставника Медицины (*Được sư kinh biến 藥師經變 Яоши цзиньбянь*). Практика ритуала Бхайшаджьягуру, в частности использование Сутры Будды Наставника Медицины, и распространение китайской Трипитаки, а также росписи гротов Могао в Дуньхуане показывают, что королевство Дайвьет во времена династий Ли-Чан существовало как неотъемлемая часть Синографического Космополиса.

Ключевые слова

Вьетнам, Сутра Будды Наставника Медицины, буддийский канон, пагода-фонарь Куангтьеу, китайская надпись, росписи пещер Дуньхуана

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность за помощь и перевод на английский язык Алексу Тхай Дин Во (Корнельский университет)

Для цитирования

Чан Чонг Зьонг. Междисциплинарное исследование пагоды-фонаря Куангтьеу династии Ли во Вьетнаме и настенные росписи гротов Могао в Дуньхуане (на англ. яз.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 70–78. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-70-78

The Quang Chieu Lantern Ritual (QCL Ritual) was a prominent Buddhist event during the Ly Dynasty, centered around the Quang Chieu Lantern Pagoda (QCL Pagoda) at the Thang Long Imperial Citadel. The seven-day ritual, held intermittently under various Ly rulers aimed to bless the king, safeguard public health, and promote peace and prosperity of the kingdom. Efforts to revive the ritual have generated scholarly interest. In 2008, a conference organized by the Ha Noi's government discussed reconstructing the festival for the 1,000th anniversary of Thang Long-Ha Noi. Scholars debated aspects such as Bui Quang Thang's hypothesis that the QCL Pagoda rotated mechanically like a "den Keo Quan" (revolving lantern), with seven circular levels, decreasing in size. They emphasized that its reconstruction should be based on archaeological evidence¹. However, in 2010, the Hanoi government could not hold this festival because there were no direct historical and archaeological documents about the QCL Pagoda. Recent studies have further explored the architectural and historical significance of the QCL Pagoda. In 2013, the author of this article proposed that the lantern was a mandala structure with a central tower for hanging lanterns [Tran Trong Duong, 2013, p. 128].

The only academic study on the symbol of the QCL Pagoda is an article by Ha Van Tan published in 2000. Ha Van Tan argued that Tantric Buddhism influenced the ritual, and the QCL Pagoda was a transformation of *Dhāraṇī for Extinguishing the Flaming Pretan Mouths* (佛說救拔焰口餓鬼陀羅尼經) translated by monk Bu Kong 不空 (705–774) during the Tang Dynasty [Ha Van Tan, 2000, pp. 31–36]. He only paid attention to the seven Buddhas worshipped in the seven subsidiary stupas, but forgot that the QCL Pagoda was the centre of the ritual. This article refutes the above argument of Ha Van Tan, arguing that the QCL Ritual is not a food offering ritual to worship hungry ghosts according to the model of *Dhāraṇī for Extinguishing the Flaming Pretan Mouths Sutra*, but this is a ritual to worship Medicine Master Buddha (藥師佛, hence forth: MMB). This is a type of lantern ritual taking place around the "Dien Menh Dang" 延命燈 (another name for the QCL Pagoda) with the purpose of eliminating diseases and wars, praying for longevity, praying for favourable weather, good crops, and peace and security. The ideological foundation of this architectural complex is a number of sutras about MMB, such as: *Abhiseka Sutra* (佛說灌頂經), *The Sutra of Merits and Virtues of the Past Original Vows of Medicine Master Vaidurya Light Tathagata* (佛說藥師如來本愿經, hence forth: *MMB Sutra*). The QCL Pagoda is a form of transformation of Buddhist thought through architecture, sculpture, and MMB Ritual practice. The entire architectural plan of the Dharma assembly (including the QCL Pagoda in the centre, two bell towers on both sides, seven auxiliary towers, and the Bao Thanh Palace) is in the form of a mandala as described in the *MMB Sutra*. The architecture, statues, and ceremony are called *the trans-*

¹ Chi Thanh. Phục dựng hội đèn Quảng Chiếu [Restoration of Quang Chieu lantern festival]. *Review of consciousness*. URL: <https://giacngo.vn/phuc-dung-hoi-den-quang-chieu-post1932.html> (accessed 20.01.2025) (in Viet.)

formation of *MMB Sutra* (*Dược Sư kinh biến* 藥師經變). This is a typical example of the connection between Dai Viet culture and the MMB belief in China, as well as in Japan in the 6th–10th centuries [Yui Suzuki, 2012, pp. 7–28].

The QCL Ritual was a prominent Buddhist ritual performed within the architectural complex of the lamp pagoda located in the Thang Long Imperial Citadel during the Ly Dynasty (1010–1225) and Tran Dynasty (1225–1400). This Buddhist festival lasted for seven days and nights, with participation from the kings, royal family, mandarins and the people. Historical records refer to this ritual by various names (see table below), but they all consistently use the term “Quang Chieu 廣昭”.

The “Viet Su Luoc” (“Brief History of Viet”) notes: “In the first lunar month of 1110, the QLC Ritual was held outside Dai Hung Gate”². In 1116, another QLC Ritual took place outside Dai Hung Gate, during which a wooden statue of a monk was carved to ring the bell³. The Sung Thien Dien Linh Pagoda Stele Inscription of the Fourth Emperor of the Ly Family of the Kingdom of Dai Viet (carved in 1121, henceforth referred to as *the 1121 inscription*)⁴ states: “Building the QLC Pagoda, facing the yard in front of Doan Mon Gate (southern gate)” [Tran Trong Duong 2013, pp. 53–75, 301–371]. In 1120, the QLC Ritual was once again held⁵. In the spring of 1126, a QLC Ritual was organized for seven days and nights, during which prisoners in the Protectorate of Thang Long were granted amnesty⁶. Later that year, in October, King Ly Nhan Tong (1066–1128) hosted the QLC Ritual at the Long Tri courtyard and issued an edict permitting Champa envoys to witness the event⁷. In 1133, King Ly Than Tong (1116–1138) organized the lighting of the Dien Menh lamp at Dai Minh Palace⁸. In 1165, King Ly Anh Tong (1136–1175) ordered the construction of the Quang Chieu Dien Menh Latern Pagoda⁹. In 1195, King Ly Cao Tong (1173–1210) presided over a QLC Ritual at Dai Hung Gate¹⁰. During the Tran Dynasty, this Buddhist ritual continued to be held by the royal court. Le Trac described the festival: “On the night of the 15th day of the first lunar month, a lamp was placed in the middle of a large courtyard called the QLC. Tens of thousands of lamps were lit, shining brightly in the sky and on the ground. Monks walked around the lantern, chanting Buddhist sutras (padakkhinakaraṇa), while officials performed worship, a ceremony referred to as “trieu dang 朝燈”¹¹.

The above historical documents provide us with several insights:

1. The name of the festival is “Quang Chieu dang hoi 廣昭燈會” (Sources No. 1-3-4-5-6-9), also known as the Trieu Dang ceremony (朝燈) (No.10).
2. The name of the ritual also reflects the central architecture feature, a type of lantern 燈 (No. 2–10), called “dang dai” 燈臺 (No. 3–8) or lantern tower (燈樓).

Table 1

² 庚寅[1110]會祥大慶元年, 春正月, 設廣昭燈會於大興門外。[Chen Jinghe, 1987, p. 66].

³ 丙申[1116]會祥大慶七年, 春正月, 設廣照燈於大興門外。製木僧擊鐘。[Chen Jinghe, 1987, p. 68].

⁴ *Nguyen Cong Bat. Đại Việt Quốc Lý Gia Đệ Tứ Đế Sùng Thiện Diên Linh Tháp Bi* [阮公弼. 大越國李家第四帝崇善延齡塔碑], carved in 1121, stored at Long Doi Monastery, Ha Nam Province, Viet Nam, inscription rubbing stored at the Institute of Sino-Nom Studies in Ha Noi, call number: 32724–32725. (in Classical Chin.)

⁵ 庚子天符睿武元年,..., 春正月朔群臣上表勸加上尊號仍請改元口之二月設廣照燈會 [Ngo Si Lien, 1998, p. 20b].

⁶ 丙午七年宋欽宗恒靖康元年. 春正月設廣照燈會七日夜. 赦都護府罪人。[Ngo Si Lien, 1998, p. 24a].

⁷ 二月設廣照燈會。[Ngo Si Lien, 1998, p. 24a].

⁸ 癸丑[1133]天彰寶嗣元年, 春正月, 改元。二月, 大明殿延命燈發花, 寶幡舞。[Chen Jinghe, 1987, p. 72].

⁹ 乙酉[1165]政隆寶應三年, 春, 築廣照延命燈臺。[Chen Jinghe, 1987, p. 76].

¹⁰ 乙卯[1195]天資嘉瑞十年, 春二月, 王御大興門, 設廣照燈會。[Chen Jinghe, 1987, p. 82].

¹¹ 元宵立燈樹於廣庭名廣照燈萬點交輝光徹上下僧繞諷經羣僚羅拜謂之朝燈 [Li Wenfang, 2022, p. 105].

Chronology of Quang Chieu Lantern Ritual in Ly and Tran Dynasties

Табл. 1

Хронология ритуалов с фонарями Куангтьеу при династиях Ли и Чан

No.	Year	Historical events	Historical documents
0	992	King Le Long Dinh watched lantern ¹²	<i>Viet Su Luoc</i>
1	1110	Quang Chieu Lantern Ritual 廣昭燈會	<i>Viet Su Luoc</i>
2	1116	Quang Chieu Lantern 廣照燈	<i>Viet Su Luoc</i>
3	1110-1120	Quang Chieu Lantern Pagoda 廣照燈臺	<i>The 1121 inscription</i>
4	1120	Quang Chieu Lantern Ritual 廣昭燈會	<i>Dai Viet Su Ki Toan Thu</i>
5	1126	Quang Chieu Lantern Ritual 廣昭燈會	<i>Dai Viet Su Ki Toan Thu</i>
6	1126	Quang Chieu Lantern Ritual 廣昭燈會	<i>Dai Viet Su Ki Toan Thu</i>
7	1133	Dien Menh Lantern 延命燈	<i>Viet Su Luoc</i>
8	1165	Quang Chieu Dien Menh Lantern Pagoda 廣照延命燈臺	<i>Viet Su Luoc</i>
9	1195	Quang Chieu Lantern Ritual 廣昭燈會	<i>Viet Su Luoc</i>
10	Tran Dynasty	Quang Chieu Lantern 廣照燈/ Trieu Dang 朝燈 ceremony	<i>An Nam Chi Luoc</i> and <i>Viet Kieu Thu</i>

3. Another name for the lantern is Dien Menh Dang 延命燈 (No.7–8) or Quang Chieu Dien Menh Dang Dai 廣照延命燈臺¹³.

4. The earliest mention of the ritual in the Ly Dynasty dates back to 1110. However, earlier records of the ruler “viewing lanterns” traced back to 992, although it remains unclear whether these refer to the MMB lantern or another type of lantern ritual. The form of the QCL gradually evolved over time. In 1110, the first festival likely featured only the central lantern tower. By 1116, following King Ly Nhan Tong’s directive, two bell towers were added to either side of the central tower. In 1118, seven stupas (七寶塔) were inaugurated¹⁴. By 1126, the elderly and ill King Ly Nhan Tong ordered the construction of a QCL platform in the Long Tri Courtyard. The QCL ceremony was held for the last time under the Ly Dynasty in 1196. During the Tran Dynasty, there was only one recorded instance of this ritual.

Lantern festivals appeared for the last time in historical records during the 16th century. Hoang Si Khai (1520–?, Dr. 1544), in his poem *Tu Thoi Khuc Vinh*, described a festival in the Thang Long Imperial Citadel featuring “a star-shaped fire tree” that shone brightly across a thousand windows and doors. The phrase “star-shaped fire tree” translates from “tinh kieu hoa thu” (星橋火樹), referring to a lantern ritual held on the 15th day of the first lunar month during the reign of Tang Ruizong 唐睿宗 (662–716). In this ritual, the central lantern was 20 feet tall, with ten thousand lanterns hanging from it [Bui Duy Tan, 2000, p. 1041]¹⁵. This historical detail provides an important

¹² 壬辰四年宋淳化三年[992]春正月帝御乾元殿觀燈 [Ngo Si Lien, 1998, p. 20a].

¹³ Archaeological excavation results at the Thang Long Imperial Citadel also uncovered a number of lantern bases at different locations within the Ly-Trần Dynasties cultural layer [Pham Van Trieu, Pham Le Huy, 2024, p. 56].

¹⁴ 戊戌九年宋重禾元年 [1118], ..., 二月真臘國使朝見。設春筵宴禮及慶成七寶塔。會詔有司備儀仗于靈光殿偕引使觀之 [Ngo Si Lien, 1998, p. 18b].

¹⁵ Feet: Translated from “尺” (*chi*) in classical Chinese, where 1 *chi* = 29.9 cm. Therefore, 49 *chi* × 29.9 cm = 1.465 m (14.65 m). The Ly Dynasty rulers primarily based their measurements on the Song Dynasty system: 1 *chi* (ruler) is 29.9 cm long. The archaeological sites and architectural structures of the Ly Dynasty were all built on this measurement system [Kazuko Inoue, 2015, p. 9–22].

basis for conducting comparative studies of Dai Viet's lantern festivals and the lantern culture of the Tang and Song dynasties. Zhang Yue 張說 (667–731) once described the Lantern Festival in Chang'an during the Tang court's New Year celebrations, mentioning images of "dragon mouths hold fire trees, a thousand lanterns aflame. At the Imperial Palace on the 15th, we enjoy the Spring Terrace. [...] Western region lantern wheels, a thousand shadows converge" [Cao Yin, Peng Dingqiu, 1960, p. 982; Hartman, 1995, pp. 14–15; Sha Wutian, 2016, pp. 19–41]. This evidence further supports the assertion that Sinitic culture in general, and Buddhist culture during the Sui and Tang Dynasties in particular, profoundly influenced Dai Viet culture for centuries, encompassing the canons of the Three Teachings, state models, and royal rituals [Tran Trong Duong, 2023, pp. 1–26].

The historical documents describe various QCL Pagodas and Rituals that occurred in different locations. These lanterns were typically placed in the middle courtyard of Doan Mon (Dai Hung) Gate or Long Tri Yard. In one instance, records mention a lantern ceremony at Dai Minh Palace. Archaeological excavations have revealed several architectural foundations with pivot structures in different locations within Thang Long [Do Duc Tue, Mai Thuy Linh, 2021, pp. 50–52]. However, this article focuses on the artifacts at Doan Mon as documented in the 1121 inscription and new archaeological data from an excavation at Vuon Hong between 2012–2014.

The name "Quang Chieu" reflects the nature of Medicine Master Buddha (Bhaiṣajyaguru) – a Buddha who radiates light throughout the world (自身光明普照十方). The second important term, "Dien Menh Dang" (延命燈), clearly describes the function of the lantern ceremony, which is to cure diseases and prolong life. This type of lamp is also called "Tuc Menh Dang" (續命燈), and it is used alongside "Tuc Menh Phan" (續命幡) in the MMB worship ceremony.

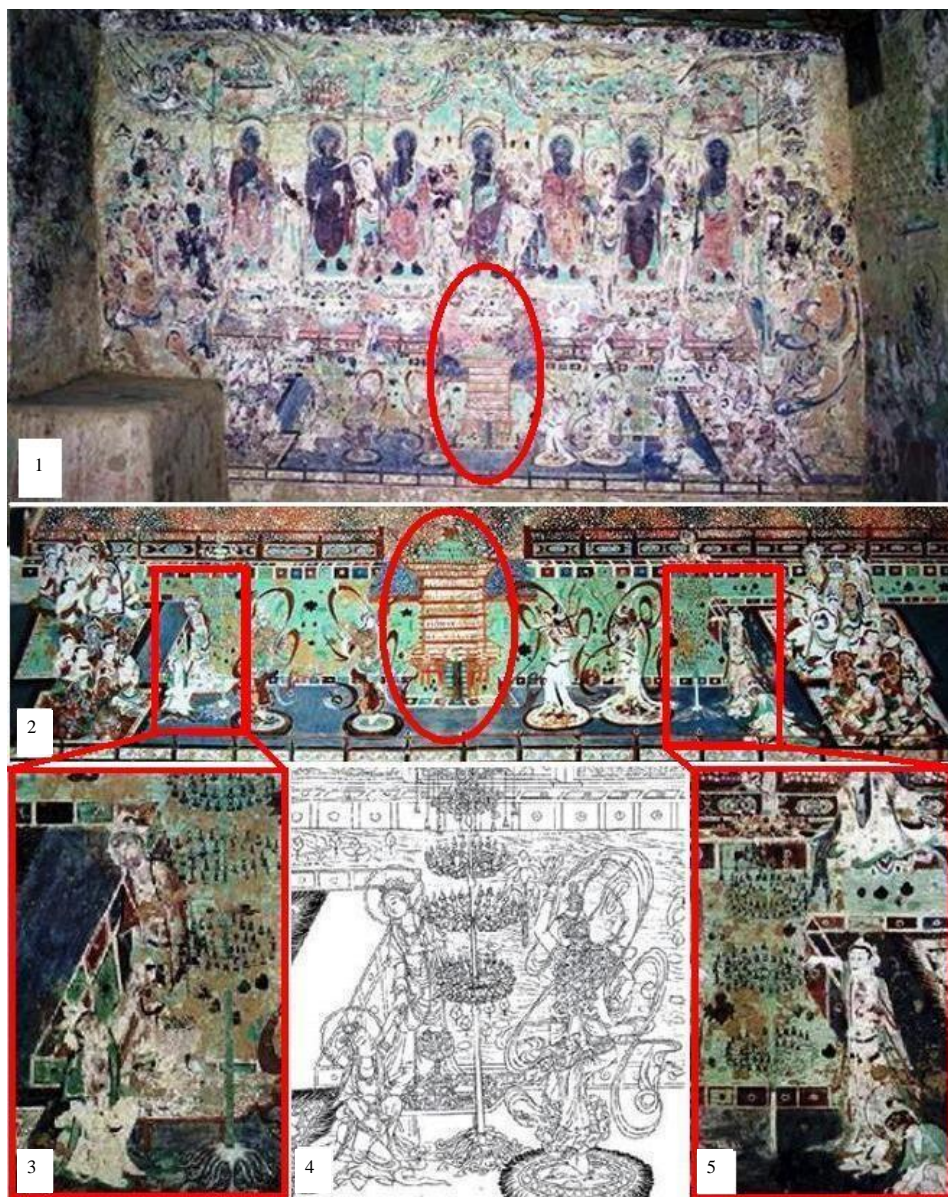
The *Abhiseka Sutra* (佛說灌頂經), translated into Chinese by Śrīmitra 帛尸梨蜜多羅 (317–420), records a ritual method involving life-prolonging banners and lamps (續命幡燈法) as below: "I now advise the monks to fast for seven days and seven nights with one mind, to uphold the eight prohibitions, to practice the path according to the six periods of the day, to recite this sutra 49 times, to light seven-tiered lamps, and to hang five-coloured divine banners to prolong life." (我今當勸請眾僧，七日七夜，齋戒一心，受持八禁，六時行道，四十九遍讀是經典，勸懸七層之燈，亦勸懸五色續命神幡) [Śrīmitra, 1988, p. 535b]. By combining historical documents with Buddhist canons, this article argues that the QCL Pagoda in the Ly–Tran Dynasties represents an architectural transformation of the *MMB Sutra*. The ritual of offering lamps to MMB was performed for seven days and seven nights (七日七夜) in Thang Long in 1126 [Ngo Si Lien, 1998, p. 24a]. The 1121 inscription also mentions that the QCL Pagoda had seven floors, each floor round like a wheel 中標一幹，外設七層。蚪弓出而捧金蓮；縫紗籠而獲蘭焰¹⁶. These pieces of evidence not only confirm the presence of MMB worship in Ly–Tran Dynasties but also allow us to trace the origins of the QCL Pagoda / Ritual back to the *Abhiseka Sutra* and the *MMB Sutra*.

The Sutra of Merits and Virtues of the Past Original Vows of Medicine Master Vaidurya Light Tathagata (佛說藥師如來本願經) translated by Xuan Zang 玄奘 (602–664), includes the following description: "[The MMB Pagoda] consists of 49 lamps, with seven placed in front of each of the seven MMB statues. Each lamp is as large as a wheel and burns continuously for 49 days and nights without being extinguished"¹⁷. At the centre of the MMB ritual at Thang Long Imperial Citadel stood a single lantern pagoda with 49 lamps arranged across seven floors (7 lamps per floor),

¹⁶ Nguyen Cong Bat. Đại Việt Quốc Lý Gia Đệ Tứ Đế Sùng Thiện Diên Linh Tháp Bi [阮公弼。大越國李家第四帝崇善延齡塔碑], carved in 1121, stored at Long Doi Monastery, Ha Nam Province, Viet Nam, inscription rubbing stored at the Institute of Sino-Nom Studies in Ha Noi, call number: 32724–32725. (in Classical Chin.)

¹⁷ 若有患人欲脫重病，當為此人七日七夜受八分齋，當以飲食，及種種眾具，隨力所辦，供養比丘僧，晝夜六時，禮拜供養彼世尊藥師琉璃光如來，四十九遍讀誦此經，然四十九燈，應造七軀彼如來像，一一像前各置七燈，一一燈量大如車輪，或復乃至四十九日光明不絕，當造五色綵幡長四十九尺 [Dharma-Gupta, 1988, p. 404a].

resembling the murals of the Tang Dynasty's MMB transformation at Mogao-Dunhuang Cave 220 (fig. 1, 1, 2) [Ning Qiang, 2004, pp. 33, 135–136; Sha Wutian, 2016, pp. 19–41].

Mogao Cave 220, Dunhuang, 642 AD, Courtesy of the Dunhuang Academy:

1 – tableaux of the seven Bhaiṣajyaguru Buddhas of *Medicine Master Buddha Sutra*: main chamber, north wall, Mogao Cave 220, 2 – the tableau of the lantern Pagoda in Medicine Master Buddha Ritual, Mogao Cave 220. Replica painted by Shi Weixiang, 3 – the right lantern wheel, 4 – the right lantern wheel re-painted by He Zhizhao and Wan Gengyu, 5 – the left lantern wheel. As per: 1 – [Sha Wutian, 2016, p. 20, fig. 1; Ning Qiang, 2004, p. 35, pl. 3], 2 – [Sha Wutian, 2016, p. 21, fig. 2], 3–5 – [Sha Wutian, 2016, p. 21, fig. 4 a, b, c]

Пещера 220 в Могао, Дуньхуан, 642 г. н.э. (с разрешения Академии Дуньхуана):

1 – панно семи Будд Бхайшаджьягуру из Сутры Будды – наставника в медицине: главная камера, северная стена, пещера 220 в Могао; 2 – панно пагоды с фонарями в ритуале Будды – наставника в медицине, пещера 220 в Могао. Копия росписи, выполненная Ши Вэйсянем; 3 – правое колесо с фонарями; 4 – прорисовка правого колеса с фонарями, выполненная Хэ Чжичжао и Ван Гэньюем; 5 – левое колесо с фонарями. По: 1 – [Sha Wutian, 2016, с. 20, рис. 1; Ning Qiang, 2004, с. 35, илл. 3]; 2 – [Sha Wutian, 2016, с. 21, рис. 2]; 3–5 – [Sha Wutian, 2016, с. 21, рис. 4 a, b, c]

This indicates that the MMB belief in Dai Viet originated from the MMB cult of the Tang Dynasty and earlier. As Shi Zhiru observes: “Configured as seven tiers of seven, the forty-nine lamps are arranged as a laddered altar of lights. Calling for forty-nine lights decked with forty-nine-foot-long banners, the instructions deliberately accentuate the numerical symbolism of forty-nine. This structure also visually concretizes the antarābhava or intermediate existence in the ritual space” [Shi Zhiru, 2020, p. 95]. The QCL Pagoda (or Quang Chieu Dien Menh Pagoda), the centrepiece of the MMB worship ritual aimed at prolonging life, is an example of architectural transformation inspired by the *MMB Sutra*. This tower could reach heights of over 14 metres, as described in the sutra. The 1121 inscription also mentions that the QCL Pagoda had a large central pillar and could rotate like a wheel. Murals from the Tang Dynasty depict two main types of lamps: the lantern tower at the centre of the MMB ritual and the two lamp trees (fig. 1, 3–5).

In Dai Viet during the 12th and 13th centuries, the MMB ritual was often performed in the spring (on the full moon of the first or second lunar month) or on other occasions such as the eighth or ninth lunar months. Official records only mention a few instances, but this was likely an annual ritual held by the royal court for the king and his officials to pray for peace and prosperity. This ritual resembles the lantern ceremony held to worship the MMB in the capital city of Chang’an during the 5th and 6th centuries [Sha Wutian, 2016, p. 107]. The lantern worship ceremony was organized by the Ly and Tran Dynasties, with participants including the emperor, the royal family, and mandarins. The QCL Pagoda were placed in the Imperial City in three different locations: (1) Dai Hung-Doan Mon Gate, (2) Dai Minh Palace, and (3) Long Tri Courtyard. The purpose of the MMB worship ceremony was to pray for peace in the kingdom, favourable weather, bountiful harvests, and the absence of epidemics.

During the ceremony, the kings pardoned prisoners to show mercy to the wicked. They believed that releasing prisoners demonstrated the king’s virtue of loving life, and at the same time, reflected his philosophy of “benevolent governance”. This virtue brought about blessings and prosperity, and enemies from all directions dared not invade¹⁸. Here, we observe that the pardon of criminals was a combination of Confucian political ethics and the Buddhist concept of reward (fubao 福報). In 1126, King Ly Nhan Tong (1066–1128) released prisoners in the capital Thang Long to carry out the teachings of the *MMB Sutra*¹⁹. We also know about the continuous amnesty event for several years (before and after 1150) to help Do Anh Vu (1113–1159) escape from prison and return to his position as Grand Chancellor to assist King Ly Anh Tong. This was likely a political tactic of Queen Mother Linh Chieu to help her lover escape from prison²⁰. The above historical events suggest that the QCL ceremony is held annually, like the Buddha Bathing Ceremony and Ullambana Ceremony. The main purpose of the MMB worship ceremony was to pray for the king’s health and to prolong the kingdom’s life, but sometimes it was also used as a political tactic or for diplomatic purposes.

With the identification of the Quang Chieu lantern being used for longevity and healing rituals, the author argues that the Dien Menh lantern is the centre of a Medicine Master ritual. The ceremony, the lantern tower architecture, the Seven MMB statues, and the lamp system are based on what is described in the *MMB Sutra* by Master Xuan Zang. Therefore, it can be concluded that the Quang Chieu lantern tower is a ritual-architectural transmission of the *MMB Sutra* (藥師經變, or Bhaiṣajyaguru mandala).

¹⁸ 若國王、大臣，及諸輔相、王子、妃主、中宮、嫔女，若為病苦所惱，亦應造立五色繒幡、然燈續明、救諸生命，散雜色華燒眾名香，王當放赦屈厄之人徒鎖解脫，王得其福天下太平，雨澤以時人民歡樂，惡龍攝毒無病苦者，四方夷狄不生逆害，國土通洞，慈心相向無諸怨害，四海歌詠稱王之德。乘此福祿在意所生，見佛聞法信受教誨，從是福報至無上道 [Śrīmitra, 1998, p. 535b].

¹⁹ NV: 丙午七年宋欽宗恒靖康元年。春正月設廣照燈會七日夜。赦都護府罪人 [Ngo Si Lien, 1998, p. 24a].

²⁰ 時帝聽英武獄配英武臬田兒 太后□悶思所以復英武職任乃屢設大會赦諸罪人冀英武得預焉英武累□赦宥復為太尉輔政如故 [Ngo Si Lien, 1998, p. 8a; Taylor, 1995, pp. 59–80].

This study is a combination of four main historical sources, including official history, Sinitic inscriptions, and Buddhist canon. Official historical sources show that the Quang Chieu Lantern Pagoda is a type of lantern used to pray for health and longevity, so it is also called the Dien Menh Dang. Compared with the *Medicine Master Buddha Sutra*, it is a type of architecture imitating the Dharma assembly to worship the Bhaiṣajyaguru Buddha. The 1121 inscription describes the Quang Chieu Lantern Pagoda platform as an architectural complex with the seven-lantern tower in the centre, two bell pavillions on both sides, and the Bao Thanh Palace with seven seven-treasure stupas and Buddhist statues inside the stupas. This study ultimately concludes that the architecture of the Quang Chieu Lantern Pagoda is a type of Bhaiṣajyaguru Transformation architecture (“Duoc Su kinh bien” or “Duoc Su mandala” in Vietnamese). The reconstruction of the stupa and rituals is an interdisciplinary study, and further comparative research is needed with the Bhaiṣajyaguru belief in East Asia during the Ly–Tran Dynasties as well as the Tang–Song Dynasties.

References

- Bui Duy Tan.** (ed.). *Tổng tập văn học Việt Nam* [Anthology of Vietnamese Literature]. Hanoi, Social Sciences Publishing House, 2000, vol. 5, 1172 p. (in Viet.)
- Cao Yin, Peng Dingqiu.** (ed.). *Quan Tang Shi* [曹寅, 彭定求。全唐詩]. The complete collection of Tang Dynasty poetry. Beijing, Zhonghua shuju, 1960, 900 p. (in Classical Chin.)
- Chen Jinghe.** Dayue Shilue [陳荊和。大越史略]. Concise summary of historical records of Đại Việt. In: So:ka daigaku ajiakenkyuujo so:kan ichi [創價大學アジア研究所叢刊, 第一輯, 1987年, 東京: 興生社]. Tōkyō, Kyōseisha, 1987, vol. 1, 101 p. (in Classical Chin.)
- Dharma-Gupta trans. *Phật Thuyết Dược Sư Như Lai Bản Nguyên Kinh* [達摩笈多。佛說藥師如來本願經]. The Sutra of Merits and Virtues of the Past Original Vows of Medicine Master Vaidurya Light Tathagata. Tokyo, Taishō Shinshū Daizōkyō Kankōkai, 1988, T0449, pp. 1341–1345. (in Classical Chin.)
- Do Duc Tue, Mai Thuy Linh.** Từ di tích tâm linh đặc biệt ở 36 Điện Biên Phủ, tìm hiểu kiến trúc tròn, lục giác và bát giác thời Lý tại Khu trung tâm Hoàng thành Thăng Long [From the special spiritual relic at No. 36 Dien Bien Phu street, study on the circular, hexagonal and octagonal architecture of the Ly Dynasty at the central area of Thang Long Imperial Citadel]. *Journal of Archeology*, 2021, no. 1, pp. 48–59. (in Viet.)
- Ha Van Tan.** Về một nghi lễ Mật giáo qua bia tháp Sùng Thiện Diên Linh thời Lý [Research on an Esoteric Ritual through the Sung Thien Dien Linh inscription of the Ly Dynasty]. *Journal of Religion*, 2000, no. 2, pp. 31–36. (in Viet.)
- Hartman C.** Stomping Songs: Word and Image. *Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews (CLEAR)*, 1995, no. 17, pp. 1–49.
- Kazuko Inoue.** Các di tích cung điện của Hoàng thành Thăng Long – phương pháp đo lường và quy hoạch xây dựng [Palace sites in Thăng Long Imperial Citadel – Measurement methods and reconstruction plan]. In: *Bulletin of Science.Hanoi*, Social Sciences Publishing House, 2015, pp. 9–22. (in Viet.)
- Li Wenfang.** Yue Qiao Shu [李文鳳。越嶠書]. Book of Viet Peaks, 20 vol. Beijing, Beijing Daxue tushuguan cang ming lan ge chao ben, vol. 1, 35 p. (in Classical Chin.)
- Ngo Si Lien.** *Đại Việt Sử Ký Toàn Thư* [吳仕連。大越史記全書]. Complete Annals of Đại Việt. Hanoi, Social Sciences Publishing House, 1998, 679 p. (in Classical Chin.)
- Ning Qiang.** *Art, Religion, and Politics in Medieval China: The Dunhuang Cave of the Zhai Family*. Honolulu, University of Hawai‘i Press, 2004, 178 p.
- Pham Van Trieu, Pham Le Huy.** Kiến trúc trục xoay thời Lý tại 36 Điện Biên Phủ (khu G) đặt trong bối cảnh kiến trúc Đông Á và giải mã các kiến trúc trục xoay phát hiện tại Hoàng thành Thăng Long [The Ly Dynasty pivot architecture at 36 Dien Bien Phu (area G) placed in the context of East Asian architecture and decoding the pivot architecture discovered at Thang

- Long Imperial Citadel], *Tap chí Khảo cổ học* [Journal of Archaeology], 2024, no. 1, pp. 52–72. (in Viet.)
- Sha Wutian.** An Image of Nighttime Music and Dance in Tang Chang An: Notes on the Lighting Devices in the Medicine Buddha Transformation Tableau in Mogao Cave 220, Dunhuang. *The Silk Road*, 2016, vol. 14, pp. 19–41.
- Shi Zhiru.** Lighting Lamps to Prolong Life: Ritual Healing and the Bhaiṣajyaguru Cult in Fifth- and Sixth-Century China. In: *Buddhist Healing in Medieval China and Japan*. Ed. by C. Pierce Salguero & Andrew Macomber. Honolulu, Uni. of Hawai'i Press, 2020, pp. 91–156.
- Śrīmitra.** Fo Shuo Guanding Jing [帛尸梨蜜多羅。佛說灌頂經]. The Consecration Sutra. In: *Taishō shinshū Daizōkyō*, in Takakusu Junjiro 大正新脩大藏經. Tokyo, Taishō Shinshū Daizōkyō Kankōkai, 1988, vol. 21, no. 1331, pp. 1247–1305. (in Classical Chin.)
- Taylor K. W.** Voices within and without: Tales from Stone and Paper about Do Anh Vu. In: *Essays into Vietnamese Pasts*. Ed. by K. W. Taylor and J. K. Whitmore. New York, Cornell Southeast Asia Publications, 1995, pp. 59–80.
- Tran Trong Duong.** Kiến trúc một cột thời Lý [A Study on One Pillar Pagoda in Ly Dynasty]. Ho Chi Minh City, Hồng Đức Publisher, 2013, 306 p. (in Viet.)
- Tran Trong Duong.** Doctrine beyond Borders: The Sinographic Cosmopolis and Religious Classics in Vietnam from the Tenth to Fourteenth Centuries. *Sungkyun Journal of East Asian Studies*, 2023, vol. 23, pp. 1–26.
- Yui Suzuki.** Medicine Master Buddha: The Iconic Worship of Yakushi in Heian Japan. Leiden, Brill, 2012, 180 p.

Information about the Author

Tran Trong Duong, PhD (Sinology), Associate Professor
WoS Researcher ID ABC-8086-2021

Информация об авторе

Чан Чонг Зьонг, PhD (Синология), доцент
WoS Researcher ID ABC-8086-2021

*The article was submitted on 22.01.2025;
approved after reviewing on 13.01.2026; accepted for publication on 30.01.2026
Статья поступила в редакцию 22.01.2025;
одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 30.01.2026*

Научная статья

УДК 94(3)+327

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-79-90

Envoy Exchanges between Joseon Korea and Ming China

Nguyễn Thị Thu Thủy

Hanoi National University of Education

Hanoi, Viet Nam

thuynt@hnue.edu.vn, <https://orcid.org/0009-0000-4522-0072>

Abstract

Since the inauguration of the Joseon Dynasty in 1392, the Joseon kings and the Ming emperors had regularly dispatched their envoys to each other's courts to undertake diplomatic missions. The number of missions exchanged between China and Joseon Korea during this time had surpassed all previous dynasties. According to statistics, the Joseon Dynasty dispatched 1,072 missions to China, an average of 4.7 per year. Meanwhile, Ming China dispatched 186 missions to Joseon Korea, an average of 0.8 per year. The criteria for selecting envoys to the Ming Dynasty were also standardized. The diversity of the envoy's duties covered various fields such as politics, economics and culture. This indicates the inevitable consequence of mutual diplomatic activities for Joseon and the Ming Dynasty. The increase in the quantity and quality of mission exchanges profoundly deepened the traditional diplomatic relations between China and Joseon Korea and beneficially affected the two countries' relations in terms of politics, economics, and culture.

Acknowledgements

This research was supported by the 2022 Korean Studies Grant Program of the Academy of Korean Studies (AKS-2022-R-119)

Keywords

Ming Dynasty, Joseon Korea, envoy, envoy exchange

For citation

Nguyen Thi Thu Thuy. Envoy Exchanges between Joseon Korea and Ming China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 79–90. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-79-90

Обмены посольствами между Чосоном и минским Китаем

Нгуен Тхи Тху Тхюу

Ханойский национальный педагогический университет

Ханой, Вьетнам

thuynt@hnue.edu.vn, <https://orcid.org/0009-0000-4522-0072>

Аннотация

С начала правления в Корее династии Чосон в 1392 г. чосонские короли и Минские императоры направляли послов ко дворам друг друга для выполнения дипломатических миссий. Количество миссий, которыми обменивались минский Китай и чосонская Корея в этот период, превзошло все предыдущие династии. Согласно статистике, Чосон направил в Китай 1 072 миссии, в среднем 4,7 в год. В то же время минский Китай направил в Чосон 186 миссий, в среднем 0,8 в год. Критерии отбора посланников к минскому двору имели специальные стандарты. Разнообразные обязанности посланников относилось к таким сферам, как политика, экономика, культура и др. Это указывает на неизбежные последствия взаимной дипломатической деятельности для Чосона минского Китая. Увеличение количества и качества дипломатических обменов значительно

© Nguyen Thi Thu Thuy, 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 79–90
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 79–90

углубило традиционные дипломатические отношения между Китаем и Чосонской Кореей и оказало благотворное влияние на отношения между двумя странами в политической, экономической и культурной сферах.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Грантовой Программы Корейских Исследований 2022 г. Академии корейских исследований (AKS-2022-R-119)

Ключевые слова

династия Мин, Чосонская Корея, послы, обмен послами

Для цитирования

Нуен Тхи Тху Тхюи. Обмены посольствами между Чосоном и минским Китаем (на англ. яз.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 79–90. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-79-90

An envoy exchange is the acceptance of envoy visits between monarchical countries in East Asia. The duties of envoy exchanges include exchanging information, enhancing communications, and promptly resolving essential issues in the two countries. Envoy exchange gains importance among diplomatic activities to maintain stability in relations between East Asian countries.

In relations between Joseon Korea and China in the Middle Ages, envoy exchange was the most paramount diplomatic activity. Since the inauguration of the Joseon Dynasty in 1392, the Joseon kings and the Ming emperors had regularly dispatched their envoys to each other's courts to undertake diplomatic missions. For Joseon Korea, an envoy exchange was indispensable in maintaining stability and ensuring the position of the Joseon Dynasty in the Ming dynasties. For Ming China, envoy exchanges significantly contributed to maintaining the relationship of “emperor–vassal,” “suzerain–vassal” and “Chinese World Order”, among others. in relations with East Asian countries in general, and Joseon Korea in particular.

This article systematically introduces the exchange of envoys between Joseon Korea and Ming China from 1392 to 1644. While presenting the envoy exchange between Joseon Korea and Ming China, it also meticulously stipulates some issues such as the number of missions, purposes of missions, standards of approved envoys, organization, journey of the missions, and the welcoming etiquette for envoys. On that basis, the impact of the exchange of envoys between Joseon Korea and Ming China on consolidating the two countries' traditional diplomatic relations regarding politics, economy, and culture would be further scrutinized.

After China witnessed the inauguration of Ming China in 1368, Ming Taizu Zhu Yuanzhang implemented a friendly diplomatic policy with neighbouring countries. He also assumed that a harmonious suzerain–vassal relationship with vassal countries would generate favourable conditions for further national construction and development of the country. In 1392, Lee Seong-gye 李成桂 ascended the throne in Joseon, founded the Joseon Dynasty, and moved the capital to Hanseong 漢城 (present-day Seoul). Later that year, he dispatched the first mission to China to ask for conferment. In deference to the Ming Taizu emperor, Lee Seong-gye proposed two national titles, namely “Joseon 朝鮮” and “Hwaryeong 和寧,” to ask for his choice. Being acknowledged that the origin of Joseon was derived from the phrase “chaori xianming 朝日鮮明” (which means “bright morning”), Ming Taizu 明太祖 then decided to choose Joseon. Although the Ming emperor only appointed Lee Seong-gye as the National tribune of Joseon, the relationship between Ming China and Joseon Korea was officially established. From this year onward, the two countries began sending each other envoys. The exchange of envoys between Joseon Korea and China was progressive throughout the reign of Ming China.

According to statistics, from the first envoy trip in 1393 to the last in 1626, Ming China dispatched a total of 186 missions, an average of 0.8 per year, to Joseon Korea. Details are as follows (Table 1).

Table 1

Number of Ming missions to Joseon Korea ¹

Табл. 1

Количество Минских посольств в Чосон

Joseon reign	Number of missions
Taejo 太祖 (1392–1398)	9
Taejong 太宗 (1400–1418)	50
Sejong 世宗 (1418–1450)	36
Munjong 文宗 (1450–1452)	2
Danjong 端宗 (1452–1455)	3
Sejo 世祖 (1455–1468)	9
Yejong 睿宗 (1468–1469)	1
Seongjong 成宗 (1469–1494)	8
Yeonsangun 燕山君 (1494–1506)	3
Jungjong 中宗 (1506–1544)	6
Injong 仁宗 (1544–1545)	2
Myeongjong 明宗 (1545–1567)	4
Seonjo 宣祖 (1567–1608)	35
Gwanghaegun 光海君 (1608–1623)	14
Injo 仁祖 (1623–1649)	4
Total	186

From the table above, the number of Ming missions dispatched to Joseon Korea under the reigns of Taejong (1400–1418), Sejong (1418–1450), and Seonjo (1567–1608) were 50, 36, and 35 times respectively. These were the three longest-reigning kings who ruled over Joseon Korea. From the perspective of Ming China, Yongle (1402–1424) and Wanli (1573–1619) were recognized as the two periods that dispatched the most envoys to Joseon Korea throughout the time. In particular, Yongle reign had dispatched 41 missions, an average of 1.9 missions per year.

Establishing tributary relations between Ming China and Joseon Korea under the Taejong reign (1400–1418) was a critical rationale for their frequent mutual exchanges. In Joseon, the Sejong reign (1418–1450), which was equivalent to the Yongle reign (1402–1424) in China, noticed the two countries' gradual stability in relations, increase in mutual exchanges and works, and witnessed their two relatively long-lasting reigns in history. Under Seonjo's reign (1567–1608), the number of Chinese missions dispatched to Joseon increased due to the Imjin War 壬辰倭亂, 임진왜란 (1592–1598). Japan attacked Joseon, and Ming China dispatched their troops to help. Therefore, the two sides interacted quite frequently. After the Imjin War, the number of Ming China envoys dispatched to Joseon Korea decreased. Due to the Manchu invasion of Joseon in 1627 丁卯胡亂, 정묘호란

¹ According to [Mingshi, 1974; Jin Songji, 1998].

under Injo reign (1623–1649), Joseon suffered from the invasions of the Qing dynasty and witnessed a gradual decrease in the number of Ming envoys.

Although the number of Ming envoys dispatched to Joseon Korea was relatively small, no matter how long their reigns lasted, all Ming emperors dispatched envoys to Joseon Korea. In comparison with previous dynasties, counting from the Western Han dynasty (206 BC) until the pre-establishment of Ming China (1368), within 1,574 years, there were 216 Chinese missions dispatched to Joseon Korea, an average of 0.13 missions/year. From this average, the number of Ming dynasty missions dispatched to Joseon Korea was more significant than in all previous Chinese dynasties. This shows the paramount importance of the Ming Dynasty in relations with Joseon Korea.

During the Ming Dynasty, Joseon missions continuously went to China; sometimes, new missions departed without waiting for others to return. According to statistics, from the first mission in 1392 to the last one in 1621, a total of 1,072 Joseon missions were dispatched to China, an average of 4.7 missions/year. Details are as follows (Table 2).

Table 2

Number of Joseon missions to Ming China ²

Табл. 2

Посольства Чосона в Минский Китай

Reign	Number of missions
Hongwu 洪武 (1392–1398)	59
Jianwen 建文 (1399–1402)	18
Yongle 永乐 (1403–1424)	227
Hongxi 洪熙 (1425)	10
Xuande 宣德 (1426–1435)	86
Yingzong 英宗 (1436–1449)	67
Jingtai 景泰 (1450–1456)	44
Tianshun 天順 (1457–1464)	60
Chenghua 成化 (1465–1487)	105
Hongzhi 弘治 (1488–1505)	55
Zhengde 正德 (1506–1521)	47
Jiajing 嘉靖 (1522–1566)	130
Longqing 隆庆 (1567–1572)	20
Wanli 万历 (1573–1619)	144
Taichang 泰昌 (1620)	2
Tianqi 天啟 (1621)	5
	1,072

From the table above, Yongle reign (1403–1424), Chenghua reign (1465–1487), Jiajing reign (1522–1566), and Wanli reign (1573–1619) were the periods when China welcomed the most Joseon missions; all were over 100 missions.

Compared with other Chinese dynasties, Joseon missions dispatched under Ming China reached an average of 4.7 missions/year. Counting from the Western Han dynasty (206 BC) until the pre-

² According to [Chaoxian tongshi, 1975; Jin Songji, 1998].

establishment of Ming China (1368), within 1,574 years, there were 1,013 Joseon missions dispatched to Ming China, an average of 0.7 missions/year. Within 432 years since the Goryeo dynasty unified the Korean peninsula to the end of the Yuan dynasty, 453 Joseon missions visited China³, an average of more than one mission/year. The 25-year existence of Goryeo by the Ming dynasty had recorded 105 missions that were dispatched to China, an average of 4.2 missions/year.

From the above evidence, the number of Joseon envoys dispatched to China was greater than that of all previous Joseon dynasties. Therefore, it can be affirmed that the reign of the Ming Dynasty was a crucial period in the history of relations between China and Joseon. The two countries' political, economic, and cultural relationship had surpassed all previous periods and dynasties.

The Ming Dynasty missions dispatched to Joseon Korea bore many different tasks but mainly related to three main tasks: promulgating edicts, granting objects, and requesting people and objects. Promulgating edicts include announcing the Chinese emperor's accession to the throne, acceptance of the Joseon kings, confirmation of the examination results and the Crown Prince, land conferment, and others. Granting objects include gold seals, religious orations, flags, deeds, and other objects. Requesting for people and objects includes requests for tributing chefs, virgins, falcons and horses. Besides, the Ming missions also had to learn about the politics, economy and culture, of Joseon Korea [Ming Taizu, 1983].

Before the Ming Dynasty, the primary duty of Joseon missions dispatched to China was to pay tribute. However, the Ming Dynasty fulfilled more diverse tasks, mentioning many fields such as politics, economics and culture. The Joseon missions can be divided into two types: periodical and non-periodical missions. Periodical envoys include 4 types: Chongjosa 正朝使, Tongjisa 冬至使, Songjolsa 聖節使, Chonchusa 千秋使. Chongjosa was dispatched on the first day of January to celebrate a new lunar year. Tongjisa was dispatched around the winter solstice. Songjolsa was sent to celebrate the birthdays of the emperor. Chonchusa was dispatched to celebrate the birthdays of a Crown Prince. Non-periodical envoys include Saun (Thanksgiving envoy) 謝恩使, Chumun (Visiting and congratulating envoy) 奏請使, Chinha 進賀使, Worshipping envoy 進香使, Consulting envoy 奏聞使, and so on. The most significant number of missions was those with the Chumun task (visiting and congratulating missions – 637, followed by the thanksgiving missions – 223, and then the tribute missions – 155). Despite their primary duties, the Joseon envoys would always be accompanied by tributes. In addition to Jinling 金陵 (present-day Nanjing 南京), Beijing 北京, there was also a mission visiting the office of Liaodong Commander-in-chief to handle local diplomatic affairs [Li Taizu, 1953].

As envoys performed a significant role in diplomatic relations between countries, their biography and status requirements were relatively high; only high-ranking people were eligible to become envoys. The Ming envoys dispatched to Joseon Korea were called Messenger 行人, along with high-ranking mandarins from Hanlin Academy 翰林, Supervising Secretary 給事中 and Eunuch 宦官. The Ming envoys visiting Joseon Korea were utterly disparate from the Joseon envoys. The Ming envoys were quite complicated, related to the personal preferences of the Ming emperors and the diplomatic situation at that time.

In the early years of Hongwu (1392–1398), Ming Taizu Zhou Yuanzhang imposed a strict regime on Eunuchs, stipulating their exclusions from foreign affairs. Emperors temporarily assigned most envoy duties to low-ranking courtiers and sometimes Eunuchs. Messengers were chosen many times from the Messenger's Office 行人司 to go on missions. In the 20th year of Hongwu (1380), Ming Taizu founded the Messenger's Office, and Messengers then became the prior selection to go on missions. Thus, there was an emerging phenomenon of “not allowing invasions by other yamens, if there was a temporary lack of candidates, other mandarins could be sent” [Shen Shixing, 2001,

³ The statistics of the missions were synthesized according to [Ming Taizu, 1983; Chaoxian tongshi, 1975; Wu Han, 1980a; 1980b; 1980c; Li Taizu, 1953].

p. 180]. Due to the increasing importance of Messengers, their characteristic requirements were also enhanced. However, it took them nine years to reach the sixth-rank position, so many people still needed to become Messengers. In fact, during the Hongwu reign, sometimes eunuchs or civil mandarins were sent to Joseon Korea as envoys, but from the 25th year of Hongwu (1392) onward, the court regularly dispatched eunuchs to Joseon Korea every year. The court could even send eunuchs to go on missions a number of times during a year.

Under the reign of Jianwen (1398–1402), Ming China dispatched envoys who were civil mandarins and mandarins under Hanlin Academy to Joseon Korea numerous times. As a result, the Messenger's Office was abolished and placed under the control of the Court of State Ceremonial 鴻臚寺 [Mingshi, 1974, p. 1810]. Under the reign of Yongle (1403–1424), the relationship between Ming China and Joseon Korea was gradually stabilized. During this period, Ming Chengzu trusted eunuchs and often sent them on missions to Joseon Korea. Even though Ming Chengzu reinstated the Messenger's Office, the number of Messengers significantly decreased compared to the early Ming dynasty. Throughout the reign of Ming Chengzu, the most famous envoys were eunuchs. These eunuchs were so violent and greedy that their missions to Joseon Korea caused great harm to China–Joseon relations.

From the Yingzong reign (1435–1464) onward, Ming China dispatched mandarins, mostly civil mandarins, to go on missions to other countries, but those who had their missions in Joseon Korea were still eunuchs. Under Chenghua's reign (1464–1487), the recruitment of civil mandarins to go on missions was enhanced, and most of them were dispatched to Joseon Korea. The critical rationale was the adverse influence and arousal of anger from the Joseon court caused by eunuchs who went on missions and had considerable disagreements over their missions. From the 4th year of Chenghua (1468) onward, the envoys dispatched for Joseon conferment were all civil mandarins.

Joseon Korea attached particular importance to its diplomatic relations with China. Envoys dispatched to China should be selected from people of high status and prestige to show a sincere attitude toward Ming China. In the early years of Joseon Korea, the envoys sent by Joseon Korea to Ming China would be Tang Shangguan 堂上官 or Tang Shangguan concurrently. Most envoys were directly appointed by the kings and came to Ming China to submit forms and documents on their behalf. From the reign of King Taejong (1400–1418) onward, the scale of sending envoys was broadened, the number of necessary envoys increased, and the procedures for appointing envoys also began to be standardized due to the normalization of sending envoys to Joseon Korea. The *National Code* (經國大典) stipulated: “The highest mandarins of Royal Judicial Office, Six Ministries, Royal Secretariat was appointed as the Chief and Deputy envoy”⁴. The envoy candidates were high-ranking mandarins from the Six Ministries 六曹, Royal Secretariat 議政府, royal family, and so on. The Joseon kings personally selected the envoys.

Starting in 1392, Joseon Korea officially began periodically or non-periodically dispatching envoys to Ming China. Sending envoys to Ming China was conducted annually at the beginning of January or on the birthdays of the emperors and the Crown princes. Regarding the biography of the envoy go on missions to Ming China, within 685 envoys mentioned by Kim Song Hee's statistics [Jin Songji 1998], it seems apparent that:

First, there were 30 first-rank mandarins 一品官, including 16 Senior first-rank mandarins 正一品, 14 Junior first-rank mandarins 从一品. There were 365 second-rank mandarins, including 97 Senior second-rank mandarins 正二品, 268 Junior second-rank mandarins 从二品. There were also 41 Senior third-rank Dangsangwan 正三品, 5 Senior third-rank Danghagwan 正三品堂下, 83 mandarins belonging to other places, 65 courtiers and meritorious mandarins, 96 people came from the Three Armies Command 三軍府 without any titles. From the reign of King Taejo to King Yejong, all envoys dispatched for missions seemed to be people holding high positions. Most of

⁴ Xu Juzheng. *Jingguo dadian* [徐居正. 經國大典]. *Nation Code*, vol. 3. Seoul, Seoul University Gyujanggak Collection Photocopy.

them were Dangsangwan 堂上官. Otherwise, envoys were appointed to high positions before their missions.

Second, most envoys dispatched to Ming China in the early Joseon Dynasty came from important government agencies or were courtiers and meritorious mandarins. The mandarins from the Royal Secretariat 議政府 were 53 people, and the Office of Royal Relatives 敦寧府 along with other government offices and palaces amounted to 52 people. Courtiers or meritorious mandarins had 65 people. The total number of mandarins from the Six Ministries 六曹 was 143 people, which the Ministry of Personnel 吏曹 had 24 people, the Ministry of Taxation 戶曹 had 34 people, the Ministry of Rites 禮曹 had 24 people, Ministry of Military Affairs 兵曹 had 7 people, Ministry of Justice 刑曹 had 21 people, Ministry of Public Works 工曹 had 33 people. Military Affairs Commission 中樞府 accounted for 131 people, and Three Armies Command 三軍府 accounted for 96 people. In addition, the Office of the Inspector-General 司憲府 had 2 people, Royal Secretariat 承政院 had 1 person, Sapyeong-bu 司平府 had 10 people, Hanseong-bu 漢城府 had 12 people, Gaeseong-bu 開城府 had one person, Office of Royal Decrees 藝文館 had 17 people.

Third, the Chief and Deputy envoys were all mandarins from the Royal Secretariat and Six Ministries. Even though courtiers and meritorious mandarins did not hold any positions, they were part of the royal family and were highly regarded. Fourth, in the early years of the Joseon Dynasty, an Archivist 典書 from the Six Ministries was appointed as Senior third-rank Songjolsa 聖節使. This fact happened twice under the reign of King Taejo and three times under the reign of King Sejong. Presumably, it only emerged during the envoy selection system's imperfect period at the Joseon Dynasty's beginning. After determining the envoys' biographies, the selection of the envoys was based on specific criteria. The standards of Joseon envoys stemmed from criteria such as extensive and erudite knowledge, Chinese proficiency, and Tang Shangguan.

As going on missions was an important task that greatly affected the country's diplomatic relations, selecting envoys was carefully and strictly carried out. Most selected envoys were knowledgeable and had excellent diplomatic skills. Generally, missions dispatched to Ming China consisted of chief envoy 正使, deputy envoy 副使, interpreter 通官, and orderlies 跟役. Orderlies were mission staff responsible for transporting objects and managing horses and objects, royal physicians, scribes, cooks, and so on.

According to the tasks and organizational structure, the number of participants of the Joseon envoys dispatched to China was different. Historical records demonstrated that a typical mission often consisted of Chief envoy 正使書通事, Military attaché 武官, Medical mandarin 郎中 and entourage. In particular, the Chief envoy, Deputy envoy, and Censor-secretary were called "Three envoys" 三使. The entourage were those who served the "Three envoys" including medical mandarins, painters and chefs.

Three envoys refer to the Chief envoy, Deputy envoy and Censor-secretary. In particular, the Chief envoy and Deputy envoy held third-rank Dangsangwan or higher positions. Otherwise, the court would promote lower-rank mandarins before their missions. The rank of Censor-secretary was usually lower than that of Chief envoy and Deputy envoy. The Censor-secretary was responsible for supervising the bringing of prohibited items to the Ming Dynasty for trading by the mission staff. Under normal circumstances, periodic missions required the presence of "Three envoys" to show respect for Ming China. However, some missions only included a Chief Envoy and Censor-secretary or only a Chief Envoy and Deputy Envoy. A chief envoy is sometimes withdrawn on non-periodic missions, such as obituaries and welcoming missions. This case was called "Solitary envoy" 单使.

According to the forms of missions, the Chief envoy and Deputy envoy were sent differently. For instance, when sending envoys to congratulate the enthronement ceremony, the Chief envoy was usually a first-rank mandarin 一品官. Periodic missions usually had a second-rank Dangsangwan 二品堂上官 or higher positions. In the case of appointing a third-rank Dangsangwan

三品堂上官, he should be temporarily promoted, creating a situation of “title borrowing” 借官出使. In other cases, the Chief and Deputy envoys were sometimes chosen from the royal family.

Censor-secretary were usually a fifth-rank Mandarin 五品官, who was generally regarded as the Supervisor of the Office of the Inspector-General 司憲府. The censor-secretary often carried along the Secretarial entourage from the Office of the Inspector-General. These people were responsible for monitoring and inspecting goods to prevent trading prohibited goods during the missions. In addition, the Chief envoy, Deputy envoy, and Censor-secretary also had the specific task of recording all events observed on the road and inside the Ming court. After returning to the country, they were required to report to the king verbally or in writing.

The Interpreter 通事, mostly taken over by the Bureau of Interpreters 司譯院, was in charge of the mission's interpretation. Usually, he was mainly in charge of general merchandise trade or transportation, the management of items (old money, items, etc.), and interpretation when entering China. Military attachés 軍官 ranged from three to more than a dozen people. They were primarily responsible for protecting and guiding the mission.

No direct documents examine the composition and number of personnel of the Joseon envoys dispatched to China. This can be roughly understood through records of the Joseon envoys' journeys to Ming China. For example, in January 1407, the Joseon mission dispatched to China consisted of 110 people, including the Crown Prince Ly De Sung, 1 Deputy envoy, 6 Censor-secretaries, 12 retainers, 6 Horse escorts, Director of the Bureau, and so on, amounting to a total of 110 people. From the first year of Xuande (1426) onward, Joseon missions usually consisted of about 30 people [Liu Jieli, 2012, p. 28].

Under the reign of King Kwanghaegun 光海君 (1608–1623), Jeong Sasin 鄭士信 (1558–1619) was appointed as Deputy envoy to visit Ming China. The mission included Chief envoy, Deputy envoy, Censor-secretary and 1 Chief advisor, 7 Military attaché, 10 Interpreters, 2 Medical mandarins, two people breaking the battle, 1 Horse guard, 1 Justice commissioner, one horse protector, one horse raiser, two chefs, five escorts; a total of 36 people [Zheng Shixin, 2001, p. 385].

If the mission went by road, its personnel was assumed to range from 20 to 100 people. This excluded the escort troops, as the Joseon Dynasty would send their troops to escort the missions from Yizhou 義州 to Liaodong 遼東 Office. When the missions returned to their country, escort troops would be travelling with them. If the missions went by sea, its personnel would be around 160 people. “Three envoys” would each sit on a single boat to avoid unforeseen events. Each boat could only carry 4–6 people. When returning home, Ming China would send 3–4 boats to escort Joseon missions.

Under Ming China, Chinese envoys mainly reached Joseon Korea by road and sea. Sea travel was relatively favourable at the beginning of Ming China when the court settled in Nanjing and Liaodong at the end of Ming China. Otherwise, they mostly went by road. In the early Ming dynasty, Ming envoys went to Joseon Korea by sea, roughly as follows: Nanjing – Taicang – Shandong peninsula – Liaodong peninsula – Joseon sea gate [Lin Jizhong, 2001].

Politically, the exchange of envoys significantly influenced the relations between the two countries. In a particular aspect, the more missions there are, the more progressive the mutual relations will be. When ascending the throne, Joseon kings all dispatched envoys to China to ask the Ming emperor for his title conferment. After receiving the Joseon proposal, Ming China would send an envoy to Joseon Korea to read the edict of conferment and grant the new king gifts such as hats, clothes, gold, silver and silk. From the country's inauguration under the reign of Yi Seong-gye (1392–1398) to King Sejong (1418–1450), many diplomatic difficulties between the two countries were resolved by envoy exchanges, for instance, after Yi Seong-gye carried out a coup to overthrow the Goryeo dynasty and established the Joseon Dynasty. The domestic political situation was immensely complicated; the factions fought fiercely. If Yi Seong-gye were recognized and conferred by Ming China, it would be highly beneficial for him to purge opposing forces and enhance

political supremacy for the new dynasty. Therefore, after ascending the throne in July 1392, Yi Seong-gye dispatched an envoy to China to report on the Joseon court's events, which Zhu Yuanzhang tacitly accepted. Later, Yi Seong-gye continued to send Trieu Phan on a mission to China, asking Zhu Yuanzhang for his opinion on national title, and finally named the country Joseon with the consent of Ming China. Although Zhu Yuanzhang implicitly acknowledged Yi Seong-gye as the king of Joseon, relations between the two countries had not gained much achievements [Zheng Hongying, 2001, p. 67–71].

The role of envoys was also clearly demonstrated in acting as a bridge for communication between the two countries during wartime or turmoil due to pirates or foreign invaders. Their cooperation in fighting against piracy can be mentioned as an example. Typically, in 1419, thanks to intelligence provided by the Joseon envoy, the Ming army ambushed the Wokou 倭寇 army and won a complete victory at Liaodong, destroying more than 2000 Wokou pirates [Zhang Qin, 2011, p. 91]. Due to this close political relationship, in 1592, when Toyotomi Hideyoshi (豊臣秀吉) from Japan launched a war to invade Joseon Korea, China even dispatched troops to rescue its vassal country. The war lasted for seven years, with the final victory being achieved by the China-Joseon coalition forces. This war provided concrete evidence for the extreme closeness in political relations between China and Joseon Korea during Wanli's reign (1573–1620). In particular, there was a significant contribution to mutual missions.

Economically, envoy exchange promoted the exchange of goods and trade between the two countries. The primary commodities traded between China and Joseon Korea were horses and cloth. During the Ming dynasty, there were 11 such trades; in total, China used 60,372 silks, 274,356 cloths, 131,000 embroidered paintings, and one large amount of medicine in exchange for 67,128 horses and 11,000 cows from Joseon Korea. In addition, when going on missions in Joseon Korea, Chinese envoys also brought some items to exchange, but the quantity was insignificant [Ming Taizu, 1983].

The trade and exchange of goods by Joseon envoys was divided into three main categories, namely the exchange on the orders of the Joseon king, personal exchange by carrying other items, and exchange of prohibited goods, i.e., the envoys bought items that China forbade to sell to foreign countries. Many historical records showed that the number of items Joseon envoys traded with China increased gradually. For instance, during the first three years (1494–1496) when Yeonsan Gun 燕山君 claimed his power, he had ordered 14 missions to go to China with 43,000 cotton cloths to conduct exchanges, so on average, each mission had to bring more than 3,070 pieces [Yanshan Jun, 1953b]. Personal exchanges also expanded rapidly, mainly purchasing specific items that Joseon Korea was lacking, such as silk, thread, iron and silver [Yanshan Jun, 1953a]. The envoys also sought to buy prohibited items, most of which were bows, gunpowder, and several other forbidden bibliographies, from Ming China [Liu Jieli, 2012, p. 158].

Culturally, the envoy exchange promoted the development of economic and political relations between the two countries and upgraded cultural exchanges between the two countries. Through envoy exchanges, Chinese culture strongly influenced Joseon Korea. For instance, in 1449, Chinese envoy Ni Qian 倪謙 went on a mission to Joseon Korea, and simultaneously, the book “Rime of Eastern Countries 東國音韻” was composed. Little did they know whether the contents were appropriate with Chinese rime or not; Joseon scholars invited Nghe Kiem to be this book's editor [Wu Han, 1980c]. “The Proper Sounds for the Instruction of the People” (訓民正音, *Hunmin Jeongeum*) – the first text using an independent script of Joseon was also the product of cultural cooperation between China and Joseon Korea. When the book was under edition, Joseon authors went to Liaodong, Shandong many times to study, research, and absorb the characteristics of Chinese phonology with the help of scholars from the Hanlin Academy 翰林院 of Ming China [Wang Xuexia, 2013].

After Yi Seong-gye founded the Joseon Dynasty, taking Confucianism as the national ideology, it gradually became the central ideology among Joseon intellectuals. Chinese bibliographies were

brought into Joseon Korea in large numbers, mainly in three ways: they were granted by the Chinese emperor to the king of Joseon, Chinese envoys brought them to the Joseon Dynasty as a gift, and Joseon envoys bought them from China. According to Veritable Records of the Joseon Dynasty, in 1435, King Sejong ordered his envoys to go on missions to China to buy books, such as Commentary to the Comprehensive Mirror for the Aid in Government 資治通鑑音注, Comprehensive Mirror to previous events 通鑑前編, The note novels of the history 歷代筆記, The History of Song 宋史, General outline of Calligraphy 綱目書法, National language 國語, and others. In 1451, King Munjong also ordered the envoys to purchase Comprehensive Explanations of the Text and Commentaries 經傳通解, Stories of Rituals 續儀禮集傳, Comprehensive Records 通志, Comprehensive Mirror for Chronicle 紀本 Wengong 朱文公集, Memorials of Illustrious Ministers of the Song court 宋朝名臣奏.

According to Veritable Records of the Ming Dynasty 明朝實錄, in 1369, Ming Taizu granted the Goryeo envoys with bibliographies such as Four Books 四書, Commentary to the Comprehensive Mirror for the Aid in Government Book 資格通鑑, Imperial court's calendar 大統歷. In 1403, Ming Chengzu granted the Joseon envoy Confucian classics such as: Four Books 四書, Five Classics 五經, Essentials of A Complete Theory of Change 性理大全, Complete Commentaries on the Five Classics and Four Books 五經四書大全, Outline and Details of the Comprehensive Mirror Aid 通鑑綱目, among others. In 1454, Emperor Yingzong of Ming also granted the king of Joseon 宋史 (The History of Song) ⁵.

In addition, Joseon envoys were always eager to learn Chinese techniques and production methods when reaching China. In 1415, the Joseon envoy presented a petition to the Ministry of Rites under Ming China, asking for a bronze statue with the shape of acupuncture points (Acupuncture on the bronze statue). Ming Chengzu immediately agreed after hearing this request. When the “Acupuncture on bronze statue” technique was brought back to Joseon Korea, King Sejong ordered the dissemination of Chinese acupuncture techniques on a national scale [Wu Han, 1980a]. In 1423 and 1430, Joseon envoys brought some herbs to the Imperial Medical Office under Ming China to ask for their effects [Wu Han, 1980a]. In 1464, the Joseon court experimented with the paper-making process under the guidance of the Chinese envoys. In 1475, Joseon Korea dispatched paper workers and the envoy missions to China to learn how to make paper. After learning the method at the paper mills in Beijing, Liaodong, Joseon paper workers learned how to make some commonly used paper [Wu Han, 1980b]. In addition, metallurgical and gunpowder manufacturing techniques, along with knowledge of astronomy, geography, and laws from China were also brought back to the home country by Joseon envoys [Li Zhongzong, 1954].

During the reign of Ming China, the number of exchanged missions between China and Joseon Korea leaped ahead of all previous periods. Continuous envoy exchanges had upgraded the two countries' relations to a new level, and simultaneously, this was also an essential period in the history of China-Joseon relations. The importance of this period was reflected in the fact that, regardless of their economic, political, or socio-cultural situations, the relations between the two countries transcended all previous periods. This had great merits for the envoys. The envoy exchange also made the relationship between the two countries contribute to improving and strengthening the relationship between the two countries, creating the situation of political “unification”; economically, goods exchange was promoted between the two countries, making Joseon's dependence on the Chinese market greater than before; culturally, this had promoted the spread and exchange of culture and civilization between the two countries, making traditional Chinese culture and ideology profoundly influence Joseon Korea and Confucian ideology become the dominant ideology of this peninsula since then. This was an essential feature in the history of China-Joseon relations, which needs further study and consolidation.

⁵ [Ming Taizu, 1983].

References

- Chaoxian tongshi [朝鲜通史]. General History of Korea. Jilin, Jilin People's Publishing House, 1975, 1070 p. (in Chin.)
- Jin Songji.** Chaoxian chuqi dui Ming waijiao zhi yanju: yi dui Ming shichen he Ming shichen yingjie guande texing wei zhongxin [金松姬。朝鲜初期对明外交之研究：以对明使臣和明使臣迎接官的特性为中心]. Research on Korea's Early Diplomacy towards Ming: Centered on the Characteristics of Ming Envoys and Officials Meeting Ming Envoys. *Journal of Historical Studies*, 1998, vol. 55–56, pp. 77–115. (in Chin.)
- Li Taizu shilu. [李太祖實錄]. Veritable records of Joseon Taizu. Tokyo, Indochina Cultural Research Institute Publishing House, 1953, 756 p. (in Chin.)
- Li Zhongzong shilu. [李中宗實錄]. Veritable records of Jungjong king of Joseon dynasty, vol. 87. Tokyo, Indochina Cultural Research Institute Publishing House, 1954, 790 p. (in Chin.)
- Lin Jizhong.** Yanxinglu quanji [林基中。燕行錄全集]. Complete Records of Journey to China. Seoul, Dongguk university Publishing House, 2001, 52828 p. (in Chin.)
- Liu Chunli.** Chaoxian shituan yu Zhongguo Liaodong [刘春丽。朝鲜使团与中国辽东]. Joseon Envoys and Chinese Liaodong. PhD Diss. Jilin University, 2012, 210 p. (in Chin.)
- Mingshi [明史]. History of Ming. Beijing, Zhonghua Book Company, 1974, vol. 74, 8642 p. (in Chin.)
- Ming Taizu shilu. [明太祖實錄]. Veritable records of Ming Taizu, vol. 37. Tapei, Print version of the Institute of History and Philology, Academia Sinica, 1983, 3558 p. (in Chin.)
- Shen Shixing.** Da Ming huidian [申时行。大明会典]. Code of Great Ming. Shanghai, Shanghai Ancient Books Publishing House, 2001, vol. 117, 2282 p. (in Chin.)
- Wang Xuexia.** Luelun “Xunmin zhengyin” [王雪霞。略论<训民正音>]. Discussion on “Hunmin Jeongeum” *Journal of Literary Knowledge*, 2013, no. 4, pp. 126–127. (in Chin.)
- Wu Han.** Chaoxian Lichao shilu zhongde Zhongguo shiliao [吴晗。朝鲜李朝实录中的中国史料]. Chinese History Materials in the Veritable Records of the Joseon dynasty. Beijing, China Book Publishing House, 1980a, vol. 1, 512 p. (in Chin.)
- Wu Han.** Chaoxian Lichao shilu zhongde Zhongguo shiliao [吴晗。朝鲜李朝实录中的中国史料]. Chinese History Materials in the Veritable Records of the Joseon dynasty. Beijing, China Book Publishing House, 1980b, vol. 2, 550 p. (in Chin.)
- Wu Han.** Chaoxian Lichao shilu zhongde Zhongguo shiliao [吴晗。朝鲜李朝实录中的中国史料]. Chinese History Materials in the Veritable Records of the Joseon dynasty. Beijing, China Book Publishing House, 1980c, vol. 3, 523 p. (in Chin.)
- Yanshan Jun riji. [燕山君日記]. Yeonsan Gun diary. Tokyo, Indochina Cultural Research Institute Publishing House, 1953a, vol. 10, 843 p. (in Chin.)
- Yanshan Jun riji. [燕山君日記]. Yeonsan Gun diary. Tokyo, Indochina Cultural Research Institute Publishing House, 1953b, vol. 29, 843 p. (in Chin.)
- Zhang Qin.** Burong qingshi jin chenghui: liang Han juan [张喆。不容青史尽成灰：两汉卷]. Not allowing all the history to turn into dust: Volume of the Two Han Dynasties. Suzhou, Gu Wuxuan Publishing House, 2011, 235 p. (in Chin.)
- Zheng Hongying.** Chaoxian chuqi dui Mingchao biaojian wenti tanxi [郑红英。朝鲜初期对明朝表笺问题探析]. An Exploration of Questions on Messages of Congratulations to Ming Dynasty at the Beginning of Joseon. *Yanbian University Press*, Jilin, 2011, no. 4, pp. 65–69. (in Chin.)
- Zheng Shixin.** Meichuang xiansheng chaotianlu [郑士信。梅窗先生朝天录]. Mr. Meichuang's Chaotian Record. In: Lin Jizhong. Complete Records of Journey to China. Seoul, Dongguk Uni. Press, 2001, pp. 261–414. (in Chin.)

Information about the Author

Nguyen Thi Thu Thuy, PhD (History)
WoS Researcher ID PKG-7237-2026

Информация об авторе

Нгуен Тхи Тху Тхюи, PhD (История)
WoS Researcher ID PKG-7237-2026

*The article was submitted on 29.11.2024;
approved after reviewing on 17.01.2026; accepted for publication on 30.01.2026
Статья поступила в редакцию 29.11.2024;
одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 30.01.2026*

Научная статья

УДК 025.171

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-91-103

Картографический материал как источник по истории юга провинции Юньнань

Екатерина Александровна Завидовская

Институт Китая и Современной Азии РАН
Москва, Россия

Брянский государственный университет
Брянск, Россия

katushaza@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8369-7776>

Аннотация

Данное исследование ставит цель проанализировать репрезентацию области южного и юго-западного пограничья китайской провинции Юньнань и соседних государств на китайских картах, изданных с периода ранней Мин (1368–1644) до поздней Цин (1644–1911), для того чтобы проследить изменения в отображении китайской империей этого населенного местными народами окраинного региона. Учреждение в регионе подчиненных Китаю туземных управлений на территориях, в настоящее время расположенных в Юньнани, Мьянме, Вьетнаме, началось после монгольского завоевания в конце XIII в. Так, Военно-гражданский комиссариат по умиротворению Чэли (Сишуанбаньна) имел немалую автономию, находясь в управлении местной тайской династии вплоть до середины XX в. Официальная демаркация границы между Юньнанью, Бирмой и Вьетнамом была проведена в конце XIX в. с участием Великобритании и Франции. Исследование карт обнаруживает разную степень точности отображения территорий за пределами условной границы, отсутствие указаний на особый статус области Чэли и подтверждает единый стандарт отображения разных по своей природе туземных управлений.

Ключевые слова

Китай, Юньнань, эпохи Мин – Цин, карты, государственность, этнография, тайцы, визуальная репрезентация

Для цитирования

Завидовская Е. А. Картографический материал как источник по истории юга провинции Юньнань // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 91–103. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-91-103

Maps as a Historical Source of the Southern Yunnan Borderland

Ekaterina A. Zavidovskaya

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Bryansk State University
Bryansk, Russian Federation

katushaza@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8369-7776>

Abstract

The study aims to analyze the representations of the borderland region in the southwestern and southern parts of Yunnan province reflected on the Chinese maps produced from early Ming (1368–1644) until late Qing (1644–1911) periods in order to trace the perception of this wide terrain inhabited by the non-Han ethnic groups by the Chinese state.

© Завидовская Е. А., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 91–103
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 91–103

This territory nowadays divided between Yunnan, Myanmar and Vietnam has been perceived as China's tributary starting from the Yuan dynasty. Established in 1296, the Cheli Pacification Committee (nowadays better known as 'Xishuangbanna') was ruled by the Tai royal family from the 12th until the mid-20th century and enjoyed a rather large degree of independence. The official demarcation of the border between China, Myanmar and Vietnam completed only by the end of the 19th century was initiated by Britain and France as colonial powers. The study reveals the varying accuracy of the Ming-Qing Chinese maps towards the details within and outside the supposed border line; the maps display changes in the perception of the border regions and methods of their representation. No special terms and symbols point at the special status of the Cheli region which had been retaining rather a large degree of independence from Chinese authority.

Keywords

China, Yunnan, Ming-Qing period, map, statehood, ethnography, Tai, visual representation

For citation

Zavidovskaya E. A. Maps as a Historical Source of the Southern Yunnan Borderland. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 91–103. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-91-103

Тема исследования навеяна содержанием уникального рукописного цинского альбома о провинции Юньнань (шифр Ху1.F-25) из собрания Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ, а точнее лакунами внутри этого альбома. Упомянутое рукописное издание без авторства, названия и дат содержит карту всей провинции Юньнань и 75 разворотов с описаниями округов, областей, уездов, а также картой местности и картиной, изображающей некую местную специфику (промыслы, обычаи, природные явления). Предположительный период создания текстов описаний – 1660–1666 гг., а конкретно этот альбом, скорее всего, является копией более раннего экземпляра и создан примерно в 1830–1840 гг. в Пекине. В силу того, что альбом отображает политическую карту провинции на момент окончания правления Мин (1368–1644), он не содержит карт и описаний южных и юго-западных рубежей провинции, часть из которых начали включать в состав империи позже, либо перестали считать территорией под ее контролем. Первичный охват этих областей административными и военными ведомствами произошел при монгольской династии Юань (1271–1368). Задача статьи в том, чтобы проследить историю картографического материала по данному региону провинции Юньнань и уделить внимание тому, как карты отражают процесс освоения китайской империей отдаленных южных и юго-западных окраин Юньнани, где государствообразующим народом были тайцы, но проживал и ряд других этносов. В ранее опубликованном автором исследовании выявлены основные этапы исторического развития этого региона, была дана характеристика тайских народов, приведенная в китайских источниках, доказано, что китайские источники практически не упоминали факта наличия тайских государственных образований на территории империи, обозначая их общим термином «туземное управление» *тусы* 土司 [Завидовская, 2024]. Мы рассмотрим ранний картографический материал, касающийся южных областей Юньнани, который мог быть использован составителем альбома Ху1.F-25.

Самым ранним историко-географическим описанием *чжи* 志 Юньнани считается «Описание Юньнани годов Хуньу [1368–1398]» (*Хуньу юньнаньчжи* 洪武雲南志) под редакцией Ван Цзинчана 王景常, Чэна Бэнли 程本立, завершенное в 1400 г. и не сохранившееся до наших дней. Данные из этого описания были использованы в вышедшем вслед за ним «Описании Юньнани годов Цзинтай [1450–1457] с картинами» (*Цзинтай юньнань туцзин чжишу* 景泰雲南圖經志書) в 10 цзюанях под редакцией Чэнь Вэня 陳文, Вана Гу 王谷. Чэнь Вэнь шесть лет служил в департаменте по гражданским и финансовым делам Юньнани (*бучжэнсы* 布政司) – главном административном органе провинции. В соответствии с высшим указом о составлении описаний регионов империи Мин от 1454 г. *цзиньши* 王毅 Ван И 王毅 занимался составлением документа, находясь в Юньнани, Чэнь Вэнь написал к нему предисловие, раннее издание сохранилось в библиотеке Пекина [Ли Чуньлун, Лю Цзинмао, 2002, с. 1–2]. Именно это описание важно потому, что содержит карту всей провинции в тех ее границах,

которые были определены к середине XV в., это стандартный тип безмасштабных карт, по контуру которых указывается расстояние до какого-либо другого объекта или соседнего государства.

На этой карте в соответствии с традицией юг расположен сверху, север – внизу, в центре – столица провинции округ Юньнань-фу и озеро Дяньчи 滇池 (рис. 1, 1). Привлекает внимание «Южное море» (*Наньхай* 南海) в верхнем правом углу. Примечательно, что на общей карте Юньнани из альбома Ху1.F-25 также изображено Южное море, что можно связать с отсутствием демаркации границ с Бирмой и Вьетнамом вплоть до конца XIX в. Как следствие, на картах не была четко обозначена линия границы, а под «Южным морем» подразумевается, видимо, весьма удаленное Южно-Китайское море, называвшееся Наньхай. В отличие от альбома Ху1.F-25, приведенная на рис. 1, 1 карта содержит изображение южных областей, в частности учрежденное в 1296 г. Военно-гражданское управление Чэли (*Чэли цзюньминь цзунгуаньфу* 徹里軍民總管府), преобразованное при Мин в 1384 г. в Военно-гражданский комиссариат по умиротворению Чэли (*Чэли цзюньминь сюаньвэйшисы* 車里軍民宣慰使司). Важно то, что рядом с Чэли на карте указана «граница Бабайсифу» (八百媳婦界), т. е. расположенного к югу тайского государства Ланна 蘭納 (1296–1892), при Мин чаще именовавшегося «Бабай» 八百. Таким образом, топонимы на картах из данного *фанчжи* 方志 служат индикатором времени создания карт, так как при новой династии топонимы и названия органов управления нередко изменялись, здесь мы видим сохранение многих юаньских топонимов.

Следующее общее описание Юньнани эпохи Мин, содержавшее 23 карты всей провинции и отдельных областей, вышло в 1572 г., называлось «Общее историко-географическое описание Юньнани годов Ваньли» (*Ваньли юньнань тунчжи* 萬曆雲南通志, редактор Цзоу Инлун 鄒應龍, составитель Ли Юаньян 李元陽, 17 цз.). Ниже приведен фрагмент южной части карты всей провинции Юньнань (рис. 1, 2), по контуру указано, что «на юго-западе граничит с “Юго-западным морем”, на юге граничит с Цзяочжи 交趾 [северным Вьетнамом]». Хотя эта карта была сделана позже той, что приведена выше (см. рис. 1, 1), в ней отсутствуют данные о расположенном на самом юге военно-гражданском комиссариате Чэли и Бирме на юго-западе (там указано «Юго-Западное море»). В числе отдельных 22 карт округов-фу к числу южных рубежей можно отнести округ Гуаннань-фу 廣南府, граничивший с Вьетнамом, но на карте этого округа не упомянуто, что на юге он граничит с Цзяочжи. Налицо отсутствие внимания у китайского картографа к областям за условной линией границы империи.

Тем не менее, в четвертом свитке географического раздела «Описания Юньнани годов Ваньли» даны текстовые описания военно-гражданских комиссариатов по умиротворению (*цзюньминь сюаньвэйшисы* 軍民宣慰使司) на окраинах юга и юго-запада, включая Чэли 車里, Мубан 木邦 (совр. Мьянма), Мэньян 孟養 (совр. Мьянма), Мьяндянь 緬甸 (совр. Мьянма), Бабайдадянь 八百大甸 (Ланна), Лаово 老撾 (Лаос), управлявшиеся местными властями и признавшими себя вассалами Китая. Таким образом, «Описание годов Ваньли» значительно расширяет охват областей под юрисдикцией Китая, что не отражено четко на карте.

В годы правления под девизом Тяньци 天啟 (1621–1627) Лю Вэньчжэн 劉文徵 подготовил «Описание Дянь [Юньнани] годов Тяньци» (*Тяньци дяньчжи* 天啟滇志. 33 цз.), и это сочинение стало одним из важнейших источников заимствований в последующих трудах по Юньнани. Знакомство с картографическим материалом данного сочинения указывает на то, что неизвестный автор альбома Ху1.F-25 мог пользоваться картами из работы Лю Вэньчжэна, но на картах альбома все же содержится больше информации, в частности, о зданиях внутри городских стен и за их пределами. Более того, количество карт в альбоме (76) несравнимо большее, чем в этом (около 23 карт) и других минских сочинениях.

Рис. 1. Минские карты Юньнани:

1 – карта провинции Юньнань из «Описания Юньнани годов Цзинтай с картинами» (ок. 1454); 2 – фрагмент карты провинции Юньнань из «Описания Юньнани годов Ваньли» (1572); 3 – карта департамента по гражданским и финансовым делам Юньнани из «Описания Дянь годов Тяньци» (цз. 1, ок. 1617), 4 – «Общая карта всех варваров-и юго-запада» из «Описания Дянь годов Тяньци» (ок. 1617). По: 1 – [Ли Чуньлун, Лю Цзинмао, 2002, с. i]; 2 – [Ваньли юньнань тунчжи]; 3 – [Тяньци дянъчжи]; 4 – [Лю Вэньчжэн, Гу Юнцзи, 1991, с. XX]

Fig. 1. Ming Dynasty maps of Yunnan:

1 – Yunnan Map from the “Jingtai Era Yunnan Atlas With Pictures” (circa 1454); 2 – fragment of the Yunnan Map from the “Wanli Era Yunnan Gazetteer” (1572); 3 – map of the Department of Civil and Financial Affairs of Yunnan from the “Dian Description of Tianqi Era” (juan 1, circa 1617); 4 – “General Map of All Yi-barbarians of the South-West” from the “Dian Description of Tianqi Era” (circa 1617). As per: 1 – [Li Chunlong, Liu Jingmao, 2002, p. i]; 2 – [Wanli Yunnan tongzhi]; 3 – [Tianqi dianzhi]; 4 – [Liu Wenzheng, GuYongji, 1991, p. XX]

В первом цзюане раздела «География» труда Лю Вэньчжэна приведено 23 карты, общая карта охватывает те территории, которые относятся к Департаменту по гражданским и финансовым делам *бучжэнсы* Юньнани (рис. 1, 3), являвшемуся административной структурой во главе всей провинции, а потому, видимо, южные окраины обозначены схематически¹. Таким образом, карта годов Ваньли (см. рис. 1, 2) гораздо более подробная, чем карта на рис. 1, 3. Важно, что набор карт округов и их последовательность в «Дяньчжи» такая же, как в «Описании годов Ваньли», но они не являются копией из «Описания годов Ваньли».

Примечательно, что в сочинении Лю Вэньчжэна впервые мы видим отдельную карту с названием «Общая карта всех варваров-и юго-запада» (*Синань чжуи цзунту* 西南諸夷總圖, илл. 4), которая на западе «достигает Тяньчжу 天竺 [Индии]», на юге – «моря», на востоке округа Юаньцзян 元江, на севере – тракта Цзиньшэндао 金勝道. Иначе говоря, карта изображает верхнее течение рек Салуин и Меконг, именно этот регион представлял наибольшую сложность для включения в состав империи в силу особенностей рельефа и воинственности населения [Лю Вэньчжэн, Гу Юнцзи, 1991, с. XX]. На карте внутри множества овалов написаны топонимы, а не названия народов, в прямоугольниках обозначены заставы-*гуань* 關. Восемь застав Юньнани были построены вдоль западной и юго-западной границ провинции

¹ Тяньци дянъчжи [天啟滇志]. Описание Дянь годов Тяньци. Библиотека Пекинского университета. Стхт. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&file=22787&page=37> (дата обращения 10.09.2024).

в 1593 г. при императоре Ваньли, сейчас это территории современной Автономной области дайцзу и цзинпо в Дэхуне 德宏傣族景頗族自治州 и современной Мьянмы (область Качин). Заставы были сооружены с целью изоляции представлявших опасность для Китая окраинных областей Мубан 木邦, Мэнми 孟密, Мэньян 孟養, Маньмо 蠻莫, ранее являвшихся туземными управлениями под протекторатом Китая, но с 1557 г. завоеванных бирманцами. К концу правления Цин (1644–1911) почти все эти заставы стали руинами. Таким образом, карта отразила стратегические изменения в западном регионе Юньнани после отступления Китая с бирманских территорий. После годов Тяньци (1621–1627) Бирма перестала направлять послов с дарами ко двору в Пекин, что ознаменовало отказ от вассальных отношений, но в 1750 г. императору Цяньлуну из Бирмы был доставлен ценный дар и послание с просьбой восстановить церемонию поднесения даров [Чэнь Вэйсинь, 2017, с. 51].

В нижнем правом углу карты отмечены топонимы, связанные с тайскими политическими образованиями – Чэли (со второй половины XVI в. также называвшимся «Сишуанбаньна» 西雙版納), Бабай 八百 (Ланна), отдельно среди водных просторов изображено государство Сяньло 暹羅 (Сиам), таким способом показано отсутствие у него общей границы с Китаем (рис. 1, 4). Невзирая на отсутствие масштаба, карта имеет немалую ценность для исторической географии региона, так как за каждым объектом на пограничье стоит сложная история приобщения его к тому или иному государству.

На юго-западе процесс замены власти Южной Мин (1644–1662) и других временных режимов властью маньчжуров занял несколько десятилетий. Установление контроля цинских властей над Юньнанью завершилось к 1681 г. Период правления Канси – Цяньлуна был ознаменован резким усилением присутствия центральных властей в регионе, заменой туземных чиновников на присылаемых из центра и, как следствие, подготовкой новых трудов о провинции, конечно, не без учета наработок Минского периода.

Представляет интерес изготовленный итальянским иезуитом Мартино Мартини (Martino Martini, 1614–1661) «Новый атлас Китая» (Novus Atlas Sinensis) на латыни. Он был издан в Амстердаме в 1655 г., экземпляр хранится в библиотеке Гарвардского университета. Атлас Мартини стал первым собранием карт регионов Китая, изданным в Европе, куда вошла одна общая карта Китая, карта Японии с Корейским полуостровом, 15 карт провинций Китая, включая карту Юньнани (рис. 2, 1). Мартини пребывал в Китае в 1643–1650 гг. Линь Хун считает, что европейский ученый главным образом опирался на географический труд «Пространственные записи о картах» (Гуаньюйцзи 廣輿記, 1600) под редакцией Лу Инъяна 陸應陽. Подтверждение этому он видит в том, что переиздание этого труда от 1626 г., некогда принадлежавшее Мартини, хранится в библиотеке Ватикана [Линь Хун, 2021, с. 118]. Мартини изобрел методику, которая позволяла адаптировать китайские карты под европейские стандарты картографии, не прибегая к данным измерений широты и долготы, он отталкивался от местоположения какого-либо объекта на оригинальной китайской карте, но на своих картах вносил изменения с учетом масштаба, подобный метод не мог избежать погрешностей, но был прогрессивным для своей эпохи [Там же, с. 139]. В результате применения такой методики на карте Юньнани у Мартини на юге и юго-западе появились «белые пятна», указывающие на неизведанность местности, линия границы Китая с Мьянмой и Лаосом обозначена условно, море более не изображается (см. рис. 2, 1).

По приказу императора Канси (1661–1722) подготовку карты Юньнани для известного собрания «Обзорных карт всех императорских земель» (Хуаньюй цюаньяньту 皇輿全覽圖, 1719, 32 рукописные карты) вели в 1714–1715 гг. иезуиты Фриделли (Xavier Fridelli, Фэй Инь 費隱) и Бонжур (Fabre Bonjour, Шань Яочжань 山遙瞻). Из-за кончины Бонжура на юге Юньнани другой французский иезуит Жан-Батист Реги (Jean Baptiste Regis, Лэй Сяосы 雷孝思, 1663–1738) завершил работу по составлению карты этой провинции. Карта Юньнани из «Хуаньюй цюаньяньту» доступна на сайте Библиотеки Конгресса США (рис. 2, 2). Данная карта демонстрирует наличие масштаба, по контуру приведена градусная сетка широты

и долготы, гораздо более точно прочерчена линия условной границы с соседними государствами, обозначенная пунктиром, с запада на юг показана граница с Мьянго 緬國 (запад), Аваго 阿瓦國² (юго-запад), Лаово 老撾 (юг, юго-восток), Цзяочжи (юго-восток), красными точками обозначено местонахождение множества населенных пунктов, включая комиссариат Чэли.

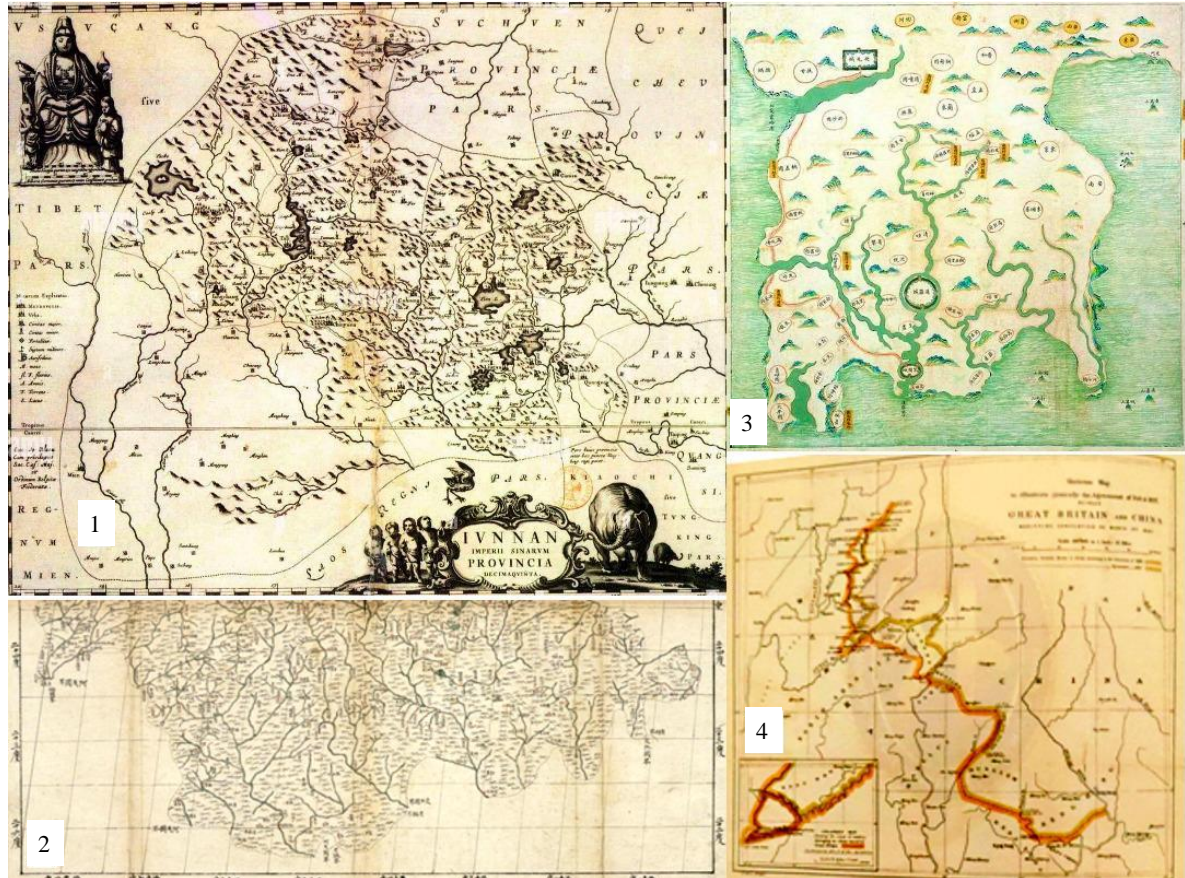

Рис. 2. Цинские карты Юньнани:

1 – карта Юньнани из атласа Мартино Мартини «Novus Atlas Sinensis», Амстердам, 1655; 2 – фрагмент карты провинции Юньнань из «Обзорных карт всех императорских земель» (1719); 3 – «Карта Цзяочжи и полуострова на Среднем юге [Индокитая]». Сер. XVIII в. Национальный музей Гугун (Тайвань); 4 – карта границы Юньнани и Бирмы, утвержденная в 1897 г. Материалы МИД. Национальный музей Гугун (Тайвань). По: 1 – [Novus Atlas Sinensis]; 2 – [Хуаньюй цюаньланьту]; 3 – [Цзяочжи чжуннань баньдао цинсиньту]; 4 – [Чэнь Вэйсинь, 2017, с. 59]

Fig. 2. Qing Dynasty maps of Yunnan:

1 – Yunnan Map from the Martino Martini's "Novus Atlas Sinensis", Amsterdam, 1655; 2 – fragment of the Yunnan province from the "Kangxi Atlas" (1719); 3 – The Map of Jiaozhi and Middle South Peninsula [Indochina]. Mid 18th cent. National Palace Museum (Taiwan); 4 – The Map of Yunnan-Burma borderline established in 1897. Ministry of Foreign Affairs Materials. National Palace Museum (Taiwan). As per: 1 – [Novus Atlas Sinensis]; 2 – [Huangyu quanlantu]; 3 – [Jiaozhi zhongnan bandao qingxingtu]; 4 – [Chen Weixin, 2017, p. 59]

Важно то, что в альбоме Хул.Ф-25 отсутствуют карта и упоминания округа Пуэр-фу 普洱府 на юге Юньнани, подтверждая тем самым предполагаемую датировку описаний 1660-ми гг. По инициативе маньчжурского генерала Ортая 鄂爾泰 (1677–1745) власть туземных чиновников в этой области была ограничена, округ Пуэр-фу был учрежден в 1729 г.

² Королевство Ава, правившее верхней Бирмой в 1364–1555 гг.

на территории туземных управлений *тусы* «шести баньна»³ 六版納 во внутренних землях вдоль течения р. Меконг, выведенных из-под юрисдикции округа Юаньцзян-фу 元江府, в 1736 г. туда была добавлена территория *тусы* «шести баньна» из внешних земель вдоль течения Меконга. Эти важные административные преобразования окраин нашли отражение в отпечатанном в 1736 г. «Общем описании Юньнани» (*Юньнань тунчжи* 雲南通志, 30 цз.), подготовленном под руководством Ортая, составитель – Цзин Даомо 靖道謨 (1676–1760). Издание включает раздел с 26 картами округов Юньнани (в собрании НБ СПбГУ эта книга хранится под шифром Ху1.617). Можно предположить, что упомянутая выше составленная иезуитами карта провинции была учтена при составлении карты округа Пуэр-фу, на которой специально помечены обнесенные стенами города – столица округа Пуэр, управление-тин 廳 Сымао 思茅 (утв. в 1735 г.), туземное управление Шулэ 條樂, при этом комиссариат Чэли – без стены.

В «Общем описании Юньнани» от 1736 г. фигурирует первая карта только что основанного округа Пуэр-фу, о котором сообщается, что «Пуэр с третьего года Канси (1664) был переведен в подчинение Юаньцзяна 元江, начали перемещать туда служебные обязанности *тунпаня* 通判⁴, в 1730 году построили управу округа, разместили солдат, [он] постепенно стал важным поселением на самой окраине. Его земли находятся в горах Улянь-шань в Чжэньюане по течению реки, справа граничит с рекой Цюлунцзян, слева граничит с горами Юйпин, Тайи... Находится на крайнем юге, тесно приближаясь к Чэли, на востоке и западе граничит с Лаово (Лаосом), Авой. Хотя там много ядовитых миазмов, это важный стратегический пункт, который в прошлом был брошен, тысячи *ли* стали дебрями, но сегодня учреждена управа, отвечающая за эту область» [Юньнань тунчжи, 1736, цз. 1]. В этом описании фигурирует информация о том, что комиссариат Чэли не был включен в состав округа Пуэр-фу.

Хорошую осведомленность китайцев о географии Индокитая подтверждает хранящаяся в Южном филиале Национального музея Гугун (Тайвань) «Карта Цзяочжи и полуострова на Среднем юге [Индокитай]» (*Цзяочжи чжуннань баньдао цинсинту* 交趾中南半島情形圖), датируемая периодом правления Цяньлуна (1736–1795), которая является уникальным отображением Сиама (*Сяньло* 暹羅) и сопредельных государств XVIII столетия (рис. 2, 3)⁵. В частности, обозначена столица Аютайи – Дачэн 大城, попавшая в руки бирманцев в 1767 г. Через год было основано государство правящей династии Тхонбури (1772–1782, кит. Туньюли 吞武里), столица которого обозначена на карте как Вангэ-чэн 望閣城 (Бангкок). В центре карты показано течение р. Меконг. Таким образом, можно заключить, что цинские карты Юньнани намеренно не отображали с достаточной точностью территории к югу от провинции.

«Единое географическое описание Великой Цин» (*Дацзини тунчжи* 大清一統志) вышло в первом издании в 1694 г. и претерпело дополнения и редактирование в правление Цяньлуна и Цзяцина. Мы рассмотрели материалы об округе Пуэр-фу из самой поздней «Новой редакции Единого географического описания Великой Цин годов Цзяцин [1796–1820]» (1811), где в цзюане 480 есть раздел «Карты Пуэр-фу». Там помимо не очень подробной карты этого округа на двух разворотах и условно обозначенной границы с государствами Лаово и Ава приведены краткие сведения об истории местности, указано наличие административных единиц на этой территории с эпохи Юань, с указанием, что «в середине годов Дадэ [1297–

³ Баньна – в тайском языке управляемое вождем поселение.

⁴ *Тунпаня* – должность помощника главы области, введенная при императоре Цяньлуна. Отвечал за отношения с варварами.

⁵ Цзяочжи чжуннань баньдао цинсинту [交趾中南半島情形圖]. Карта Цзяочжи и полуострова на Среднем юге [Индокитай]. Национальный музей Гугун (Тайвань). URL: <https://south.npm.gov.tw/ExhibitionsDetailC003110.aspx?Cond=5d169652-0c34-47a0-ac64-fadacd974ad4&appname=Exhibition3113&State=2> (дата обращения 24.09.2024).

1307] здесь учредили генеральную управу дороги Чэли-лу 彻里路, при Мин в 14-м году Хуньу [1381] учредили Военно-гражданский комиссариат по умиротворению Чэли, подчиненный Юаньцзяну», никаких упоминаний тайского государства с центром в Чэли нет [Цзяцин чунсю итучжи, 2012, с. 261–262].

В 1835 г. вышло еще одно «Общее описание Юньнани» (*Юньнань тунчжи*, сост. Жуань Юань 阮元, Ван Сунн 王崧, Ли Чэн 李誠, 220 цз., НБ СПбГУ, Хул.Ф-62), в пятом цзюане «Географические описания» содержится 37 карт с сеткой широт и долгот. В частности, на карте округа Пуэр-фу (цз. 7) едва заметными квадратами обозначены туземное управление Чэли-тусы, крепость Сымао, Пуэр отмечен без указания статуса округа. Другими словами, повысилась картографическая точность в ущерб информативности карты.

Примечательно, что среди карт «Описания Юньнани» 1835 г. есть отдельная «Дополнительная карта впадения двух рек в море» 兩河入海附圖, изображающая нижнее течение рек Иравади и Салуин, которые впадают в Андаманское море. Эта карта – образец весьма условного картографического изображения региона современных Мьянмы и части Таиланда, внизу показано местоположение древней столицы – города Ава 阿瓦城. Но выше уже было упомянуто о наличии в Китае более точных карт этого региона.

В XIX в. опубликовано немало локальных описаний *фанчжи* округов и областей Юньнани. В частности, первое отдельное описание округа Пуэр-фу вышло в 1840 г. (ред. Чжэн Шаолян 鄭紹謙, 20 цз.), опубликован репринт данного ксилографа, хранящегося в Шанхайской библиотеке [Даогуан пуэрфучжи ерши цзюань, 2011]. Подробная карта округа помещена на двух разворотах и выполнена в традиционной манере, обладает высокой информационной ценностью, указывая все важные объекты (в частности, «чайные горы» 茶山) и названия всех туземных управлений. Указано, что округ граничит с государствами Наньчанго 南掌國 (т. е. тайским политическим союзом Лан Ксанг), Сяньло, Мяндынь. Также имеются отдельные карты приграничных к Пуэр-фу областей. Приведены такие данные об истории округа: «В древности самые окраинные земли варваров-и юго-запада, при Шан – земля Чаньли 產里, при Юань в 30-м году Чжюань [1293] во время завоевания Цзяочжи [власть Юань] подчинились те племена, через которые проходили [войска], было учреждено Военно-гражданское управление Чэли. Во второй год Юаньчжэнь [1296] Ху Нянь 胡念 из Малого Чэли подчинил Большое Чэли, направил младшего брата Ху Луня 胡倫 учредить еще одно туземное управление и поставить там разбирающегося в делах варваров. В 1325 году правитель Большого Чэли Чжао Ай 昭哀 поднес местные дары с просьбой учредить на его землях управление дороги Мудо-лу 木朵路. При Мин на 14-й год Хуньу [1381] были под управлением Юаньцзяна 元江... В 1450 году сын Бачжэня из Чэли по имени Кайлэн 凱冷 назначен главой Комиссии по умиротворению, восточная часть получила название Малого Чэли. На 11-й год Цзяцин [1534] Мяндынь [Бирма] вторглась в Чэли, главу Комиссариата Даономэна обезглавили... Малое Чэли подчинилось Бирме, Больше Чэли – ханьцам. Должности были восстановлены в 13-м году Ваньли [1585], на 7-й год Тяньци [1627] глава Комиссариата преследуемый бирманцами сбежал в пределы Сымао, в результате его земли были отданы во владение рода На-ши 那氏, правившего в Сымао...» [Даогуан пуэрфучжи ерши цзюань, 2011 с. 583–584].

Далее приведены подробные сведения о восстаниях в регионе с начала правления Цин. Таким образом, мы видим упоминание о том, что у власти в Чэли стояли представители местного рода без указания этнической принадлежности, дана стандартная информация о них как туземных правителей под властью Китая, отображены обстоятельства перехода власти над Чэли к другому тайскому клану На-ши.

Заметное усиление военного присутствия Китая в Юньнани при Цинах объясняет появление специальных сочинений о военных укреплениях в отдельных областях провинции. Здесь лишь упомянем о том, что в Библиотеке Конгресса США хранятся две регистрационные кни-

ги военных лагерей в округе Чжаотун 昭通 на севере Юньнани и на территории округа Юаньцзян-фу на юге, последний носит название «Главная регистрационная книга военного назначения подчиненных территорий Юаньцзяна в Юньнани» (*Юньнань бяося юаньцзян ин инчжицзунцэ* 雲南標下元江營營制總冊), автор-составитель Сян Гуансянь 向光先 служил командиром полка в Юаньцзяне в 1843–1847 гг., документ датируется годами Даогуан (1821–1850) ⁶. Размещение постоянного контингента началось в Юаньцзяне в 1658 г., в 1660 г., после усмирения мятежа Насуна 那松, был учрежден округ Юаньцзян-фу ⁷. Документ содержит описания всех аспектов жизни округа, включая плотины, мостовые опоры, приведены изображения и описания обычаев 12 аборигенных народов. Также дано подробное описание этапов сокращения контингента в регионе (в 1660, 1729, 1734 гг.), что было связано с укреплением контроля со стороны гражданских властей.

В завершение укажем, что рукописное издание «Карты трех зигзагов Юньнани с пояснениями» ⁸. Картины сотни варваров-мань трех зигзагов Юньнани» (*Юньнань сань баймяо диюй тушо. Юньнань сань баймань ту* 雲南三迤地與圖說雲南三迤百蠻圖, 4 цз, 22 карты, до 1820 г.) из собрания Бодлеанской библиотеки университета Оксфорда интересно тем, что карты округов Юньнани сопровождаются подробным описанием. В частности, про округ Пуэр-фу сказано, что «это самая окраинная земля юго-запада, которая веками не была подчинена. В начале Мин осваивавший Юньнань туземный вождь Начжилуй 那直率 подчинил ее округу Юаньцзян-фу, позднее ставшей землей Накуня 那崑» ⁹. Эта формулировка значительно упрощает историческую ситуацию в регионе, полностью забывая о правящей в Чэли династии, на китайском называемой Чжаопяньлин 召片領.

Приведенный обзор картографического материала Юньнани с эпохи Мин до середины XIX в. выявляет частое отсутствие исторической преемственности между более ранними и более поздними картами в том смысле, что некоторые минские карты содержат больше данных о регионах, граничащих с Юньнанью, чем более поздние цинские. При этом более поздние «Общие описания Юньнани» помимо набора карт округов провинции начали включать дополнительные карты граничащих с Китаем областей с акцентом на течение рек Меконг и Салуин. Была показана информационная ценность карт, изготовленных иезуитами, которые более точно отображают линию границы с соседними государствами. Особый интерес с точки зрения информационного наполнения представляют карты региона в минских

⁶ Юньнань бяося юаньцзян ин инчжи цзунцэ [雲南標下元江營營制總冊]. Главная регистрационная книга военного назначения подчиненных территорий Юаньцзяна в Юньнани. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/2012402196/> (дата обращения 11.09.2024).

⁷ В 1659 г. генералу Ли Динго удалось заручиться поддержкой «туземного вождя» области Юаньцзян Насуна. Насун – один из влиятельнейших вождей дайцзу, контролировавший значительную часть Сишунбаньны, находился в родственных связях с Му Тяньбо и являлся одним из немногих на юго-западе промински настроенных вождей. Что же толкнуло Насуна на восстание? Сообщения источников о причинах весьма скупы, вождь дайцзу откликнулся на призыв Ли Динго, действовавшего от имени Чжу Юлана (минского Гуй-вана). Эта версия имеет право на существование: у Насуна были причины защищать Гуй-вана. В начале 1659 г. между ними установились отношения, зиждившиеся на взаимном интересе. Насун захватил значительную часть соседнего округа Линьань, но на большее у них не хватило сил. На них двинулась армия У Саньгуй 吳三桂 (1612–1678), поддерживаемая войсками из Гуанси. У Саньгуй добился капитуляции нескольких мелких тусы и предводителей китайцев, но склонить Насуна к предательству в обмен на обещание сохранить его прежние привилегии не смог. 19 декабря Юаньцзян был взят, вся семья дайского вождя покончила жизнь самоубийством [Ларин, 1994, с. 30–31].

⁸ В данной статье не уделяется внимание такой разновидности источников о регионе, как «альбомы о варварах-и из Дянь [Юньнани]» (*дяньи ту* 滇夷圖), так, Л. Хостетлер упоминает «Картины варваров округа Пуэр-фу с картами и пояснениями» (*Пуэрфу ижэнь тушо* 普洱府輿地夷人圖說, 1810–1820) из собрания Британской библиотеки, где приведены картины и описания 13 народов округа, но данный документ не представлен в открытом доступе [Hostetler, 2001, p. 218].

⁹ Юньнань сань баймяо диюй тушо [雲南三迤地與圖說]. Карты трех зигзагов Юньнани с пояснениями. Bodleian Library. URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/fa83b7ac-821f-4824-84dc-d1a18d5d99a8/surfaces/a030fd46-9a08-4865-a135-8f0704fd39af/> (дата обращения 23.10.2024).

изданиях: «Общее описание Юньнани годов Ваньли» (1572), «Описание Дянь годов Тяньци» (ок. 1617), в цинском «Описании округа Пуэр-фу» (1840).

Приведем краткие сведения о процессе утверждения линии границы Юньнани с Бирмой и закреплении линии границы на картах. В 1768–1769 гг. Китай вел неудачную войну с Авским государством (Бирмой), по результату которой Бирма признала себя «данником» Пекина. В 1790 г. император Цяньлун пожаловал правителю Бирмы верительную грамоту и золотую печать, тому было предписано подносить дары в Пекин раз в десять лет, официальной демаркации границы между государствами тогда не существовало. В правление Цяньлуна условная юго-западная часть границы пролегла вдоль линии расположения вышеупомянутых застав. По данным карты из «Общего описания Юньнани» 1736 г. видно, что граница пролегла примерно вдоль течения рек на юго-западе в горах [Чэнь Вэйсинь, 2017, с. 52–53].

В 1874 г. из Северной Бирмы в западную часть Юньнани двинулась военная экспедиция англичан. Но, встретив в пограничном районе вооруженное сопротивление, она была вынуждена повернуть назад. Тогда Англия, пригрозив Китаю войной, заставила Пекин в сентябре 1876 г. подписать в Яньтае (Чифу) Чифускую конвенцию [История Китая..., 2013, с. 243]. Колонизация Индокитая европейскими державами вынудила императора Гуансюя 光緒 (1875–1908) подписать с Великобританией и Францией договоры о демаркации границ Китая с Бирмой и Вьетнамом. В 1886 г. в Пекине было подписано «Китайско-английское соглашение по Бирме» (*Чжунъин мяньдянь тяокуань* 中英緬甸條款), которое включало проведение совместной демаркации китайско-бирманской границы представителями цинских властей и Англии. В данном соглашении Англия позволяла Бирме раз в десять лет привозить дань в Пекин, Китай признавал власть Англии в Бирме, обе стороны должны были направить представителей для проведения демаркации границы, планировалось открыть торговые представительства на границе. Англия быстро провела рекогносцировку местности вдоль границы Юньнани и Бирмы и изготовила карту, которая и использовалась при переговорах с Цинами. По результатам переговоров к Китаю с севера на юг отошли четыре заставы, область Кэгань 科干, туземная управа Мэнлянь-тусы 孟連土司, туземная управа Тринадцать баньна 十三版納土司 (Чэли) [Чэнь Вэйсинь, 2017, с. 56]. Но в 1897 г. после очередного раунда англо-китайских переговоров некоторая часть территорий, а также область с четырьмя минскими заставами отошла к Бирме, была учреждена новая карта границы, на которой красным обозначена новая линия границы, а желтым – принятая в 1886 г., т. е. на карте видны уступки Китая (см. рис. 2, 4).

Проведенное исследование показало особенности репрезентации района пограничья на юге и юго-западе провинции Юньнань в картографическом материале от Мин до конца правления Цин, для чего было привлечено значительное количество карт, включенных в «Общие описания Юньнани» разных лет издания, авторские труды по Юньнани (работа Лю Вэньчжэна), карты Юньнани, подготовленные иезуитами, историко-географические описания округа Пуэр-фу, сочинение о военных сооружениях округа Юаньцзян-фу, карты к англо-китайскому соглашению, обозначающие китайско-бирманскую границу (1886, 1897 гг.). Кроме карт, были проанализированы письменные сведения о пограничных областях Юньнани с целью анализа отношения китайских источников к таким явлениям, как влияние тайского правящего рода Чжаопяньлин, резиденция которого располагалась в Чэли, которое можно обозначить как нейтральное. На основании этих материалов делается вывод о том, что данные о соседних государствах вдоль южных окраин эпохи Мин зачастую были подробнее карт эпохи Цин, на оформление цинских карт оказала влияние европейская традиция, принесенная в Китай иезуитами. Эпоха Цин отмечена появлением подробных карт отдельных местностей, составленных для нужд военных. Вплоть до конца XIX в. карт с четко обозначенной границей не существовало. Комиссариат Чэли, обладавший немалой автономией и возглавляемый тайской династией, обозначается на картах и в источниках как туземное управление, не отличное по статусу от других.

Список литературы

- Завидовская Е. А.** Обзор исторических источников по югу и юго-западу провинции Юньнань // Современные востоковедческие исследования. 2024. Т. 6 (3). С. 150–166.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века / Гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 2013. Т. 6. 888 с.
- Ларин В. П.** Юго-Западный Китай во второй половине XVII – 70-х годах XIX в.: проблемы региональной истории. М.: Наука, 1994. 333 с.
- Hostetler L.** Qing Colonial Enterprise: Ethnography and Cartography in Early Modern China. Chicago, London: Uni. of Chicago Press, 2001. 257 p.
- Даогуан пуэрфучжи эрши цзюань [道光普洱府志二十卷// 上海圖書館藏稀見方志叢刊. 上海圖書館編, 280 卷]. Описание округа Пуэр-фу годов Даогуан в 20 цзюанях // Собрание редких фанчжи из Шанхайской библиотеки. Пекин: Гоцзя тушугуань чубаньшэ, 2011. Т. 228. 660 с. (на кит. яз.)
- Ли Чуньлун, Лю Цзинмао.** Цзинтай юньнань туцзинчжишу цзяочжу [李春龍, 劉景毛校註. 景泰雲南圖經志書校註]. Комментарий к «Описанию Юньнани с картинками годов Цзинтай». Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 2002. 554 с. (на кит. яз.)
- Линь Хун.** «Гуаньюцзи» юй Вэй Куанго «Чжунгого синьтучжи» чэнчжи цзинвэйду туйдин гочэн яньцзю [林洪, 《廣輿記》與衛匡國《中國新圖志》城址經緯度推定過程研究// 歷史地理研究]. Исследование процесса определения широты и долготы положения городов в «Пространных записях о картах» и «Новом собрании карт Китая» Вэй Куанго // Лиши дили яньцзю. 2021. № 1. С. 117–140. (на кит. яз.)
- Лю Вэньчжэн, Гу Юнцзи.** Дяньчжи [劉文徵, 古永繼點校, 滇志]. Описание Дянь. Куньмин: Юньнань цзюяоюй чубаньшэ, 1991. 1169 с. (на кит. яз.)
- Цзяцин чунсю итучжи. Пуэрфу. Цзюань 480. Бяньцзян фанчжи вэньсянь сюйбянь. Синань бяньцзян [嘉庆重修一统志, 普洱府, 卷四百八十// 邊疆方志文獻續編. 西南邊疆]. Новая редакция единого географического описания Великой Цин годов Цзяцин. Округ Пуэр-фу, цз. 480 // Продолженное собрание географических описаний окраин. Юго-западные окраины. Пекин: Чжунсянь шуцзюй, 2012. С. 261–262. (на кит. яз.)
- Чэнь Вэйсинь.** Цин цзи каньдин дяньмянь, юэюэ дуаньбяньцзе тяоюэ юй ту цзяньцзе [陳維新, 清季勘定滇緬、粵越段邊界條約輿圖簡介// 故宮文物月刊]. Краткий обзор карт и договоров по демаркации участков границы Юньнани с Бирмой, Гуандуна с Вьетнамом в цинский период // Гугун вэньюэкань. 2017. № 410. С. 50–63. (на кит. яз.)

Список источников

- Novus Atlas Sinensis. URL: <https://doi.org/10.11588/diglit.8318#0015> (дата обращения 10.09.2024).
- Ваньли Юньнань тунчжи [萬曆雲南通志] Описание Юньнани годов Ваньли, Библиотека Тяньцзиня, Википедия. URL: https://zh.wikisource.org/w/index.php?title=File:NLC892-GBZX0301013052-258871_%EF%BC%BB%E9%9A%86%E6%85%B6%EF%BC%BD%E9%9B%B2%E5%8D%97%E9%80%9A%E5%BF%97_%E5%8D%81%E4%B8%83%E5%8D%B7_%E7%AC%AC1%E5%86%8A.pdf&page=7 (дата обращения 10.09.2024).
- Тяньци дяньчжи [天啟滇志] Описание Дянь годов Тяньци. Библиотека Пекинского университета. Ctext. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&file=22787&page=37> (дата обращения 10.09.2024).
- Хуаньюй цюаньланьту [皇輿全覽圖]. Обзорные карты всех императорских земель. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/resource/g7821fm.gct00232/?sp=9&r=0.33,0.568,0.162,0.063,0> (дата обращения 10.09.2024).

- Цзяочжи чжуннань баньдао цинсинту [交趾中南半島情形圖]. Карта Цзяочжи и полуострова на Среднем юге [Индокитая]. Национальный музей Гугун (Тайвань). URL: <https://south.npm.gov.tw/ExhibitionsDetailC003110.aspx?Cond=5d169652-0c34-47a0-ac64-fadacd974ad4&appname=Exhibition3113&State=2> (дата обращения 24.09.2024).
- Юньнань тунчжи [雲南通志]. Общее описание Юньнани, 1736. Научная библиотека СПбГУ, шифр. Хул. 617.

References

- Chen Weixin.** Qingji kanding dianmian, yueyue duanbianjie tiaoyue yu tu jianjie [陳維新, 清季勘定滇緬、粵越段邊界條約輿圖簡介//故宮文物月刊]. Brief review of maps and treaties on the demarcation of the stretches of the border between Yunnan-Burma, Guangdong-Vietnam during the Qing period. *Gugong wenwu yuekan*, 2017, no. 410, pp. 50–63. (in Chin.)
- Daoguang puerfuzhi ershi juan. Shanghai tushuguan cang xijian fangzhi congkan. 280 juan [道光普洱府志二十卷//上海圖書館藏稀見方志叢刊. 上海圖書館編, 280 卷]. Daoguang Era Puer-fu prefecture gazetteer. In 20 vols. Collection of the rare gazetteers from Shanghai library. Beijing, Guojia tushuguan chubanshe, 2011, vol. 280, 660 p. (in Chin.)
- Hostetler L.** Qing Colonial Enterprise: Ethnography and Cartography in Early Modern China. Chicago, London, Uni, of Chicago Press, 2001, 257 p.
- Jiaqing chongxiu yitongzhi. Puer-fu. Juan 480. Bianjiang fangzhi wenxian xiubian. Xinan bianjiang. [嘉慶重修一統志, 普洱府, 卷四百八十//邊疆方志文獻續編. 西南邊疆]. New edition of the Great Qing General gazetteer of Jiaqing Era. Puer-fu prefecture. Extended Edition of the borderland gazetteers. Southwestern border. Beijing, Zhongxian shuju, 2012, vol. 480, pp. 261–262. (in Chin.)
- Larin V. L.** Yugo-zapadnyi Kitai vo vtoroi polovine XVII – 70-kh godakh XIX v.: problemy regional'noi istorii [Southwestern China in the second half of the 17th – the 70s of the 19th century]. Moscow, Nauka, 1994, 333 p. (in Russ.)
- Li Chunlong, Liu Jingmao.** Jingtai Yunnan tujingzhishu jiaozhu [李春龍, 劉景毛校註. 景泰雲南圖經志書校註]. Commentary to the “Jingtai Era Yunnan Atlas With Pictures”. Kunming, Yunnnan renmin chubanshe, 2002, 554 p. (in Chin.)
- Lin Hong.** “Guang Yu Ji” yu wei kuangguo “zhongguo xintuzhi” chengzhi jingweidu tuiding guocheng yanjiu [林洪, 《廣輿記》與衛匡國《中國新圖志》城址經緯度推定過程研究//歷史地理研究]. Reconstruct Martino Martini’s Process of Reckoning the Coordinates in the Provincial Maps of the Working Edition of “Guang Yu Ji”. *Lishi dili yanjiu*, 2021, no. 1, pp. 117–140. (in Chin.)
- Liu Wenzheng, GuYongji.** (eds.). *Dian zhi* [劉文徵, 古永繼點校, 滇志]. Description of Dian [Yunnnan]. Kunming, Yunnnan jiaoyu chubanshe, 1991, 1169 p. (in Chin.)
- Tikhvinsky L. S.** (ed.). Istoriya Kitaiya s drevneishikh vremen do XXI veka [History of China from the ancient times until 21st century]. Moscow, Nauka, 2013, vol. 6, 888 p. (in Russ.)
- Zavidovskaya E. A.** Review of the Historical Sources on the South and Southwest of Yunnan Province. *Modern Oriental Studies*, 2024, vol. 6, no. 3, pp. 150–166. (in Russ.)

List of Sources

- Huangyu quanlantu [皇輿全覽圖]. Kangxi Atlas. Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/resource/g7821fm.gct00232/?sp=9&r=0.33,0.568,0.162,0.063,0> (access date: 10.09.2024).
- Jiaozhi zhongnan bandao qingxingtu [The Map of Jiaozhi and Middle South Peninsula (Indochina)]. National Palace Museum (Taiwan). URL: <https://south.npm.gov.tw/ExhibitionsDetailC003110.aspx?Cond=5d169652-0c34-47a0-ac64-fadacd974ad4&appname=Exhibition3113&State=2> (access date: 24.09.2024).

- Novus Atlas Sinensis. URL: <https://doi.org/10.11588/diglit.8318#0015> (accessed: 10.09.2024).
- Tianqi dianzhi [天啟滇志]. Dian Description of Tianqi Era. Beijing University Library, Ctext. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&file=22787&page=37> (accessed: 10.09.2024).
- Wanli Yunnan tongzhi [萬曆雲南通志]. Wanli Era Yunnan Gazetteer, Tianjin Library, Wikipedia. URL: https://zh.wikisource.org/w/index.php?title=File:NLC892-GBZX0301013052-258871_%EF%BC%BB%E9%9A%86%E6%85%B6%E5%8D%97%E9%80%9A%E5%BF%97_%E5%8D%81%E4%B8%83%E5%8D%B7_%E7%AC%AC1%E5%86%8A.pdf&page=7 (accessed: 10.09.2024).
- Yunnan tongzhi [雲南通志]. Yunnan General Gazetteer, 1736. St. Petersburg State University Scientific Library, Xyl. 617.

Информация об авторе

Екатерина Александровна Завидовская, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57194582421
RSCI Author ID 323484
SPIN 1577-4226

Information about the Author

Ekaterina A. Zavidovskaya, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57194582421
RSCI Author ID 323484
SPIN 1577-4226

*Статья поступила в редакцию 11.11.2024;
одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 30.01.2026
The article was submitted on 11.11.2024;
approved after review on 28.01.2026; accepted for publication on 30.01.2026*

Научная статья

УДК 903.26+591.522

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-104-118

Кошки и кошачьи хищники в ритуальных бронзах культуры Саньсиндуй

Андрей Васильевич Варенов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Аннотация

Саньсиндуй – это археологическая культура эпохи бронзы, распространенная во II тыс. до н. э. на равнине в окрестностях Чэнду, административного центра пров. Сычуань в Китае. Практически все известные до 2020 г. бронзовые изделия Саньсиндуй происходили из двух жертвенных ям – JK1 и JK2, обнаруженных в 1986 г. на территории эпонимного городища. Из числа бронзовых отливок в жертвенных ямах Саньсиндуй наибольшее внимание всегда привлекали антропоморфные скульптуры, а зооморфные статуэтки оставались в тени. В жертвенной яме JK1 зооморфные образы присутствуют в двух формах: как рельефы трех тигров на тулове бронзового сосуда *цзунь* и в виде бронзовой статуэтки кошки. Еще два бронзовых «тигра» найдены в Саньсиндуй за пределами жертвенных ям в 1984 и 1995 гг. Они представляли собой инкрустированные бирюзой плоские бронзовые пластины и больше похожи на леопардов. В 2020 г. раскопки в Саньсиндуй, прерванные в 1986 г., возобновились. Во вновь открытой яме JK8 найдены две схожие статуэтки кошек. Они изображают прыгающих китайских горных кошек, приземляющихся на передние лапы.

Ключевые слова

Китай, археология, бронзовый век, Саньсиндуй, ритуальные бронзы, кошки, тигры, леопарды

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01554 «История открытия и изучения ритуальных бронз Саньсиндуй», <https://rscf.ru/project/24-28-01554>

Для цитирования

Варенов А. В. Кошки и кошачьи хищники в ритуальных бронзах культуры Саньсиндуй // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 104–118. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-104-118

Cats and Feline Predators in Sanxingdui Culture Ritual Bronzes

Andrey V. Varenov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Abstract

Sanxingdui is a Bronze Age culture, spread in the last quarter of the II millennium BC on a plain in the vicinity of Chengdu, the administrative centre of the Sichuan Province in China. Almost all Sanxingdui bronzes known before 2020 came from two sacrificial pits: JK1 and JK2, discovered on the territory of the eponymous settlement in 1986. Of all the finds in Sanxingdui sacrificial pits, numerous bronze anthropomorphic sculptures have always attracted the most attention, while zoomorphic figurines were usually neglected. In the first sacrificial pit JK1, zoomorphic images are present in two forms: a high relief on the body of the *zun* bronze vessel presenting three tigers and a bronze figu-

© Варенов А. В., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 104–118

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 104–118

rine of one cat. The second sacrificial pit JK2 lacks any bronze cats or tigers. Two more bronze tigers were found at the Sanxingdui site outside the sacrificial pits, one in 1984 and another in 1995. They were made like turquoise-encrusted flat bronze plaques and to the author's opinion represent leopards. In 2020, excavations at Sanxingdui that had been previously put on hold in 1986, were resumed and six more sacrificial pits were found. One of them, the JK8 sacrificial pit, yielded two cat figurines looking much the same but differing from leopards, tigers and cats previously found at Sanxingdui. Both figurines show jumping cats landing on their fore legs. The author argues that they present Chinese mountain cat.

Keywords

China, archaeology, Bronze Age, Sanxingdui, ritual bronzes, cats, tigers, leopards

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Scientific Foundation (RSF), project no. 24-28-01554 "History of the Discovery and Study of Sanxingdui Ritual Bronzes", <https://rscf.ru/project/24-28-01554>

For citation

Varenov A. V. Cats and Feline Predators in Sanxingdui Culture Ritual Bronzes. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 104–118. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-104-118

Саньсиндуй – культура эпохи развитой бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие художественного бронзового литья. Из числа бронзовых отливок наибольшее внимание всегда привлекали антропоморфные скульптуры. Между тем зооморфные бронзы Саньсиндуй оставались как бы «в тени». Исправить данную ситуацию призвана наша статья, посвященная рассмотрению находок бронзовых изображений как больших кошек (тигров и / или леопардов), так и малых кошек.

Большие кошки, наиболее известные хищники из наземных млекопитающих Китая, обычно охотятся в одиночку по ночам. Как леопарды (*Panthera pardus*, вес 37–90 кг), так и тигры (*Panthera tigris*, вес 90–300 кг) когда-то встречались по всему региону. Леопарды ловят и поедает всех животных, что меньше них самих. Тигры в основном питаются оленями, дикими кабанями и другими крупными млекопитающими. Кроме того, это единственные хищники, регулярно охотящиеся на людей. Тигры часто упоминаются в древних текстах, начиная с шанских надписей на гадательных костях [Cheng Te-k'un, 1960, p. 136, fig. 29]. Костные останки тигров и леопардов находят на памятниках неолита и бронзового века Китая. Около 6 % стоянок этого периода содержат кости леопардов и 16 % стоянок – кости тигров [Lander, Brunson, 2018, p. 306]. Особенно часто встречаются клыки тигров. В жертвенной яме JK2 из Саньсиндуй их найдено 3 экз., все с просверленными отверстиями для подвешивания [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 417, 419; The Sanxingdui Site..., 2006, p. 133, fig. 107]. С малыми кошками ситуация сложнее. Их костных останков на памятниках эпохи неолита и бронзы практически нет. Нет и достоверных свидетельств, что в это время предпринимались попытки доместикации местных малых кошек [Юань Цзин, 2010].

«Мышиный террор», которому подвергались ранние земледельцы Поднебесной, нашел отражение в классической поэзии Древнего Китая¹. Фраза «Ты, большая мышь, жадна, моего не ешь пшеница» (перевод А. А. Штукина [Шицзин, 1987, с. 93]) звучит еще более драматично в передаче В. Б. Микушевича: «Мыши, не ешьте наше зерно! <...> Всюду раздолье вашим зубам» [Поэзия и проза..., 1973, с. 269–270]. Понятно, что в стихотворении речь идет не о реальных грызунах, а о владельцах земли, но сравнение их действий с бесчинствами никем и ничем не контролируемых мышей представляется отнюдь не случайным. Результаты проведенных недавно геномных исследований подтверждают теорию о единичном событии одомашнивания кошки, произошедшем на Ближнем Востоке². Считается, что в средневеко-

¹ Шицзин (I, IX, 7), «Большая мышь». (на кит. яз.) URL: <https://ctext.org/book-of-poetry/shuo-shu/zh> (дата обращения 18.12.2025).

² Yu He, Xing Yue-Ting, Meng Hao, He Bing, Li Wen-Jing, Qi Xin-Zhang, Zhao Jian-You, Zhuang Yan, Xu Xiao, Yamaguchi Nobuyuki, Driscoll C.A., O'Brien S.J., Luo Shu-Jin. Genomic evidence for the Chinese mountain cat as a wildcat conspecific (*Felis silvestris bieti*) and its introgression to domestic cats // *Science Advances*. 2021. Vol. 7, no. 26. DOI 10.1126/sciadv.abg0221. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8221621/> (дата обращения 18.12.2025).

вый Китай домашних кошек завезли буддийские монахи – проповедники и паломники – вместе с основными сутрами, чтобы не подвергать свои священные тексты «грызущей критике мышей» [Маркс, 1959, с. 8].

Практически все известные до 2020 г. бронзовые изделия Саньсиндуйя происходили из двух жертвенных ям – JK1 и JK2, обнаруженных в 1986 г. на территории эпонимного городища, которое китайские исследователи называли столицей упоминаемого в летописях древнего царства Шу. На первых порах бронзовые изображения кошачьих хищников в Саньсиндуйе были известны только из жертвенной ямы JK1: бронзовый сосуд с рельефами трех тигров и небольшая подставка в виде тигра или кошки [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1987, с. 5, 7]. Впоследствии они неоднократно переиздавались [Варенов, 2025а]. В 1994 г. была опубликована плоская бронзовая фигура большой кошки длиной 38 см, случайно найденная еще за 10 лет до этого, в 1984 г., вне жертвенных ям [Чжунго тунци цюаньцзи, 1994, с. 58, рис. 66]. У этого «тигра», как он назван в китайской публикации, массивная голова с круглым глазом, торчащим ухом и чем-то вроде зубчатого рога на лбу, широко открытая полная зубов пасть, причем часть зубов необычной формы, Т-образных. На носу в районе ноздрей расположен странный выступ (рис. 1, 1). После короткой шеи начинается поджарое туловище с длинным хвостом, украшенное негативными кривыми линиями с волютами, первоначально инкрустированными бирюзой. Инкрустация частично сохранилась. Ниже туловища – мощные звериные лапы с когтями. Обратная сторона туловища слегка вогнутая, корытообразная, в районе передней и задней лап на ней есть по две небольшие петельки для подвешивания, а всего их четыре.

Согласно первоначальной публикации, инкрустированная бронзовая пластина в виде тигра найдена в районе р. Яцзыхэ [Там же, 1994, с. 17]. Ее течение проходит вдоль северной стены городища Саньсиндуй, а жертвенные ямы расположены ближе к его южной стене. Издавший вторым эту находку Чэнь Дэань указал иной район обнаружения – близ дер. Жэньсинцунь, что находится около западной стены эпонимного городища [Чэнь Дэань, 2000, с. 70]. Составители американского каталога выставки саньсиндуйских бронз не указали точное место этой находки, видимо, затруднившись в выборе между двумя вариантами, а авторы французского отдали предпочтение первоначальной версии [Ancient Sichuan..., 2001, p. 133; Chine, l'énigme..., 2003, pp. 148–149]. У Чэнь Дэаня пластина в виде тигра именуется «бронзовым драконом» [Чэнь Дэань, 2000, с. 70]. Возможно, его смутил зубчатый рог на лбу зверя, совершенно не характерный для реальных тигров. На это можно заметить, что в рассказе «Фэн Шао», приведенном в разделе «Тигры» категоризированной энциклопедии «Тайпин гуанцзи» («Обширные записи годов Тайпин» 太平广记, 977–978), составленной по указу сунского императора Тай-цзуна, зафиксировано поверье: «Говорят, что, когда тигру за тысячу лет, у него меняются зубы и вырастают рога» (цит. по: [Гольгина, 1980, с. 30]). Не исключено, что представления о радикальных возрастных изменениях внешнего облика тигров существовали на территории нынешней Сычуани еще в эпоху бронзы.

Еще одна инкрустированная бирюзой бронзовая пластина в виде тигра обнаружена в Саньсиндуйе в 1995 г., тоже вне жертвенных ям, и опубликована тем же Чэнь Дэанем, который именует данное животное тигром, а не драконом [Чэнь Дэань, 2000, с. 67]. Это изображение длиной 43,4 см и высотой 13,2 см очень похоже на предыдущее, правда, голова зверя лишена рогов, а зубы самые обычные (рис. 1, 2). Тело зрительно чуть длиннее, чем у предыдущего экземпляра, а хвост сильнее закручен на конце, что как раз характерно для больших кошек. Бирюзовые вставки сохранились почти полностью. В качестве места находки этой пластины у Чэнь Дэаня указана (возможно, ошибочно) р. Яцзыхэ, что сильно смутило последующих публикаторов. В начале XXI в. пластина оказалась в числе саньсиндуйских бронз, экспонировавшихся за пределами Китая на выставках в США и Франции [Варенов, 2025б, с. 71]. Ни в американском, ни во французском каталоге точный пункт ее обнаружения

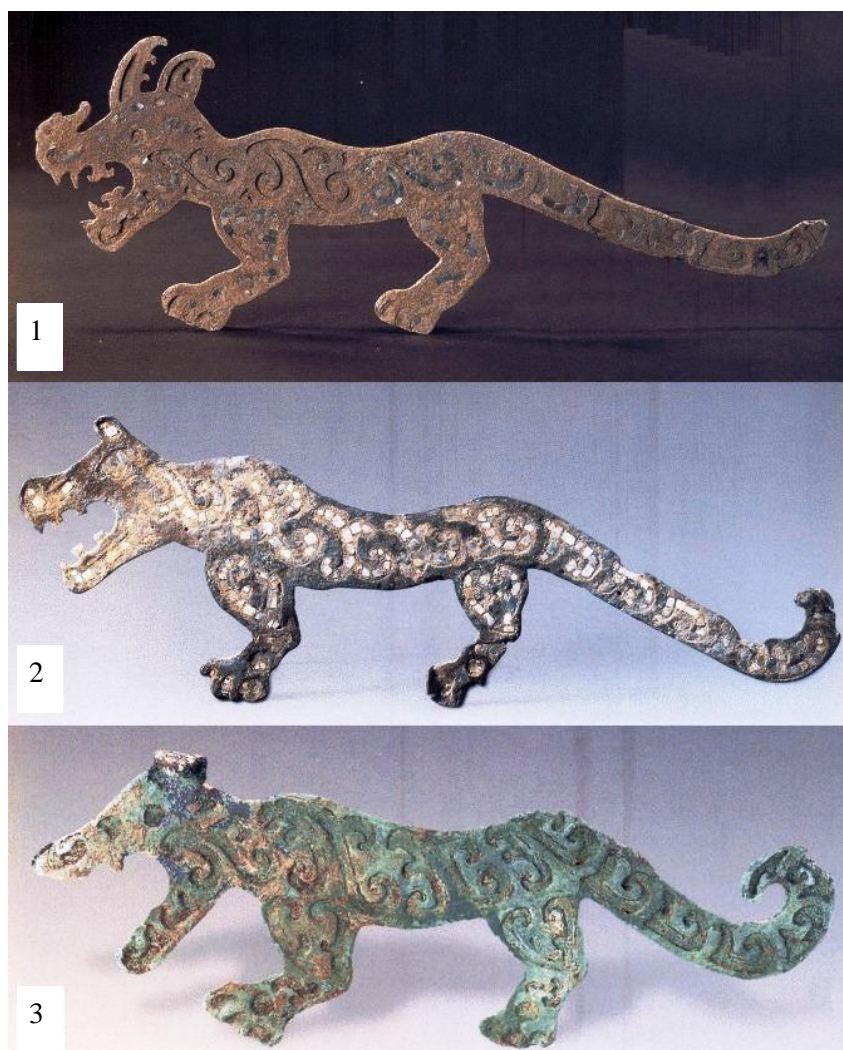

Рис. 1. Бронзовые пластины в виде тигров или леопардов:

1 – находка 1984 г.; 2 – находка 1995 г.; 3 – находка 2001 г. По: 1 – [Чжунго тунци цюаньци, 1994, с. 58, рис. 66]; 2 – [Саньсиндуй юй Наньсылу..., 2007, с. 26, рис. 18]; 3 – [Саньсиндуй юй Цзиньша..., 2010, с. 69]

Fig. 1. Bronze plaques in the form of tigers or leopards:

1 – a 1984 find; 2 – a 1995 find; 3 – a 2001 find. As per: 1 – [Zhongguo tongqi quanji, 1994, p. 58, fig. 66]; 2 – [Sanxingdui yu Nansilu..., 2007, p. 26, fig. 18]; 3 – [Sanxingdui yu Jinsha..., 2010, p. 69]

не обозначен, указана лишь «стоянка Саньсиндуй» [Ancient Sichuan..., 2001, p. 133; Chine, l'enigme..., 2003, pp. 148–149]. Китайские издания 2006–2007 гг. придерживались той же политики, не конкретизируя точное место находки [The Sanxingdui Site..., 2006, с. 91, рис. 68; Саньсиндуй юй Наньсылу..., 2007, с. 26, рис. 18]. Вышедший в 2009 г. в Китае альбом в качестве даты обнаружения этой пластины на стоянке Саньсиндуй указал 1986 г., а места ее находки – «жертвенную яму № 2» (JK2), что является явной ошибкой [Шэньми дэ гу Шу ванго..., 2009, с. 52–53].

Третья аналогичная бронзовая пластина, изображающая большую кошку, найдена на открытой в 2001 г. стоянке Цзиньша, что в черте г. Чэнду. Ей повезло еще меньше, чем двум предыдущим: не известны ни точное место находки, ни абсолютный размер. Впервые третью

пластину опубликовали в 2005 г. У этого «тигра» большая (относительно размеров тела) голова с широко открытой пастью, но зубы почти полностью утрачены, ухо обломано, короткие шея и туловище, а хвост сильно закручен на конце (рис. 1, 3). Бирюзовая инкрустация из бороздок на пластине полностью выпала, впрочем, отмечено, что на месте ее находки встречено много отдельно лежащих кусочков бирюзы. Общая длина изделия 26,5 см, высота 6,2 см [Цзиньша, 2005, с. 44, рис. 18]. Китайский альбом 2009 г. полностью воспроизводит текст описания артефакта из предыдущего, но указывает дату находки – 2001 г. и иную общую длину – 19,7 см [Шэньми дэ гу Шу ванго..., 2009, с. 150–151]. Забавно, что второй абзац описания (как и в альбоме 2005 г.) посвящен находке 1995 г., которая «сделана на р. Яцзыхэ» (как у Чэнь Дэаня), хотя ста страницами ранее она оказалась помещена в «жертвенную яму № 2» [Там же, с. 52, 150]. В китайском альбоме 2010 г. абсолютные размеры этой пластины, точное место и дата ее обнаружения вообще не указаны [Саньсиндуй юй Цзиньша..., 2010, с. 69].

Изображения тигров и кошки, найденные в 1986 г. в Саньсиндуйе в первой жертвенной яме JK1, присутствуют в двух формах: как рельефный орнамент на бронзовом сосуде *цзунь* и в качестве небольшой круглой скульптуры (статуэтки). Бронзовый сосуд к моменту открытия был сильно поврежден (расколот на части), поэтому в предварительном журнальном отчете о раскопках появились только протирки рельефов на его стенках [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1987, с. 7, рис. 11]. Цветные фотографии в хорошем качестве и описание изделия увидели свет лишь в 1994 г. в альбоме, посвященном бронзовым изделиям Сычуани [Чжунго тунци цюаньци, 1994, с. 23, 78–79, рис. 87, 88]. Еще детальнее *цзунь* с рельефными тиграми и драконами на тулове был описан при монографической публикации содержимого двух первых жертвенных ям, сопровождаемого большим количеством прорисовок, черно-белых фотографий и протирок рельефов [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 33, 35–36, 39]. Крупные цветные фотографии изделия были опубликованы в 2000 г. в альбоме, подготовленном Чэнь Дэанем [Чэнь Дэань, 2000, с. 88–89]. В начале XXI в. сосуд оказался в числе экспонатов выставок, проходивших в США и Франции [Ancient Sichuan..., 2001, pp. 140–141, fig. 44; Chine, l'enigme..., 2003, pp. 103–104 fig. 16]. Потом он еще неоднократно переиздавался в Китае [The Sanxingdui Site..., 2006, pp. 76–77, fig. 53; Саньсиндуй юй Цзиньша..., 2010, с. 56].

Венчик сосуда *цзунь* с изображением драконов и тигров сильно выгнут, оплавлен, постепенно сужается к горлышку и переходит в довольно широкие плечики. На горлышке три выпуклые линии. Тулово сосуда сужается к основанию, дно ровное (рис. 2, 2; 3, 1). Орнамент на плечиках представляет трех змеевидных драконов. У них рельефные головы, есть рога, круглые глаза с выпуклыми зрачками, хвост закручен, тело украшено ромбами и волнистым узором. В качестве фона плечики сосуда орнаментированы спиралевидными узорами (рис. 2, 1). Ниже драконов, головы которых находятся на стыке плечика и тулова и маркируют вертикальные литейные швы, делящие тулово сосуда на три части, на каждой из трех частей тулова изображен человек, на которого нападает (?) тигр, так что голова человека как бы оказывается внутри рельефно нависающей над ней своеобразным козырьком тигриной пасти (рис. 2, 3). Руки человека согнуты в локтях, кулаки подняты вверх, ноги согнуты в коленях (рис. 3, 2). Тигр на сосуде передан с соблюдением шанских традиций. У него закругленные уши, миндалевидные глаза с круглыми выпуклыми зрачками, на лбу выше глаз, но ниже ушей изображен ромб с вогнутыми сторонами. У тигра украшенное параллельными слегка изогнутыми полосами вытянутое тело, имеющее одинаковую ширину (толщину) на всем своем протяжении, относительно тонкие согнутые лапы с когтями, длинный и толстый свисающий вниз хвост слегка закручен на конце (рис. 2, 3, 3, 3).

Прорисовка и черно-белая фотография статуэтки кошачьего животного появились еще в предварительном журнальном отчете о раскопках первой жертвенной ямы [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1987, с. 5, рис. 8, илл. II, 4]. Потом, уже в цвете и крупным планом, она была

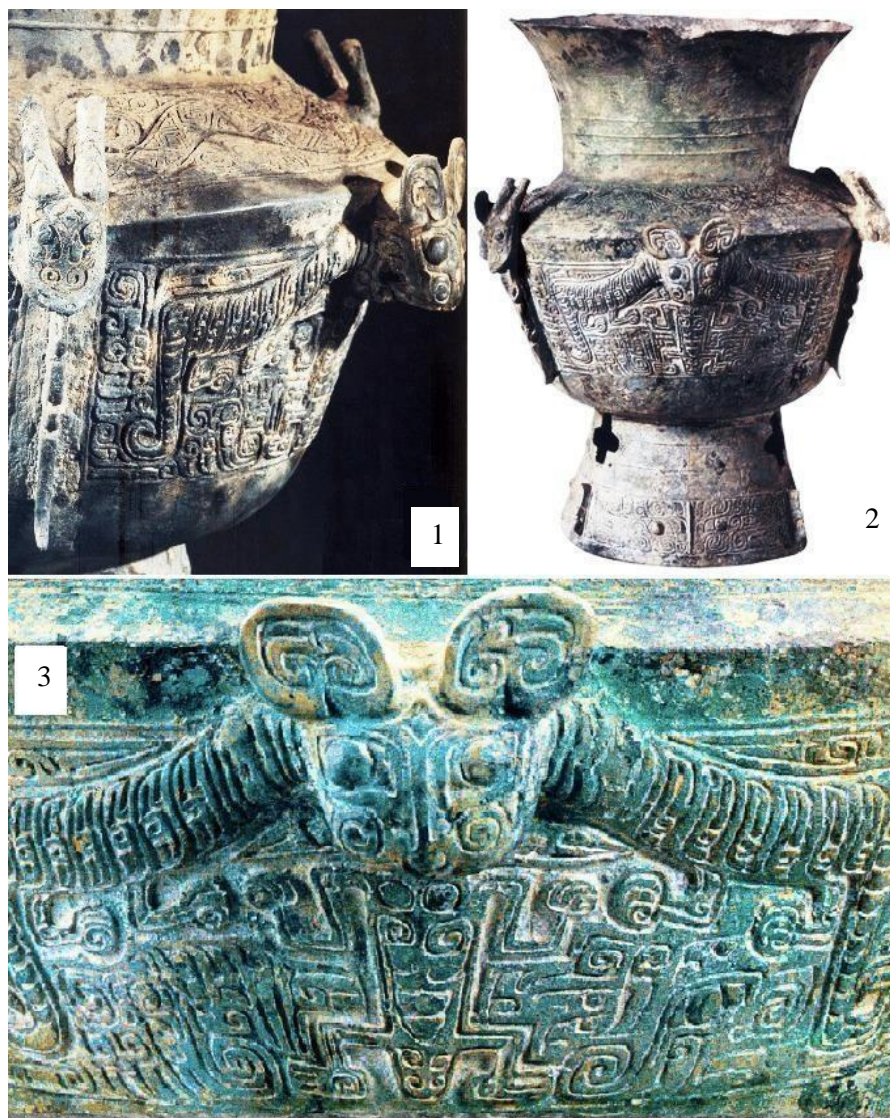

Рис. 2. Бронзовый сосуд из жертвенной ямы JK1:

1 – профиль сосуда; 2 – общий вид сосуда; 3 – рельеф с тигром крупным планом. По: 1 – [Чжунго тунци цюаньци, 1994, с. 79, рис. 88]; 2 – [Саньсиндуй юй Цзиньша..., 2010, с. 56]; 3 – [Чэнь Дэань, 2000, с. 89, рис. 80]

Fig. 2. Bronze vessel from JK2 sacrificial pit:

1 – side view of the vessel; 2 – general view; 3 – close up of the tiger relief. As per: 1 – [Zhongguo tongqi quanji, 1994, p. 79, fig. 88]; 2 – [Sanxingdui yu Jinsha..., 2010, p. 56]; 3 – [Chen Dean, 2000, p. 89, fig. 80]

опубликована в 1994 г., а с более детальным описанием, с новыми прорисовками и фотографиями – при монографическом издании материала жертвенных ям [Чжунго тунци цюаньци, 1994, с. 47, рис. 53; Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 33, 35, 38]. Чэнь Дэань также включил эту фигурку в свой альбом, но по зарубежным выставкам она не ездила [Чэнь Дэань, 2000, с. 71, рис. 58]. Зато в Китае статуетка переиздавалась еще несколько раз [The Sanxingdui Site..., 2006, p. 91, fig. 69; Саньсиндуй юй Наньсылу..., 2007, с. 26, рис. 19; Шэньми дэ гу Шу ванго..., 2009, с. 50–51; Саньсиндуй юй Цзиньша..., 2010, с. 47]. Альбом 2009 г. традиционно не обошелся без ошибок. В нем находка приписана второй жертвенной яме из Саньсиндуя, хотя на самом деле она происходит из первой ямы JK1.

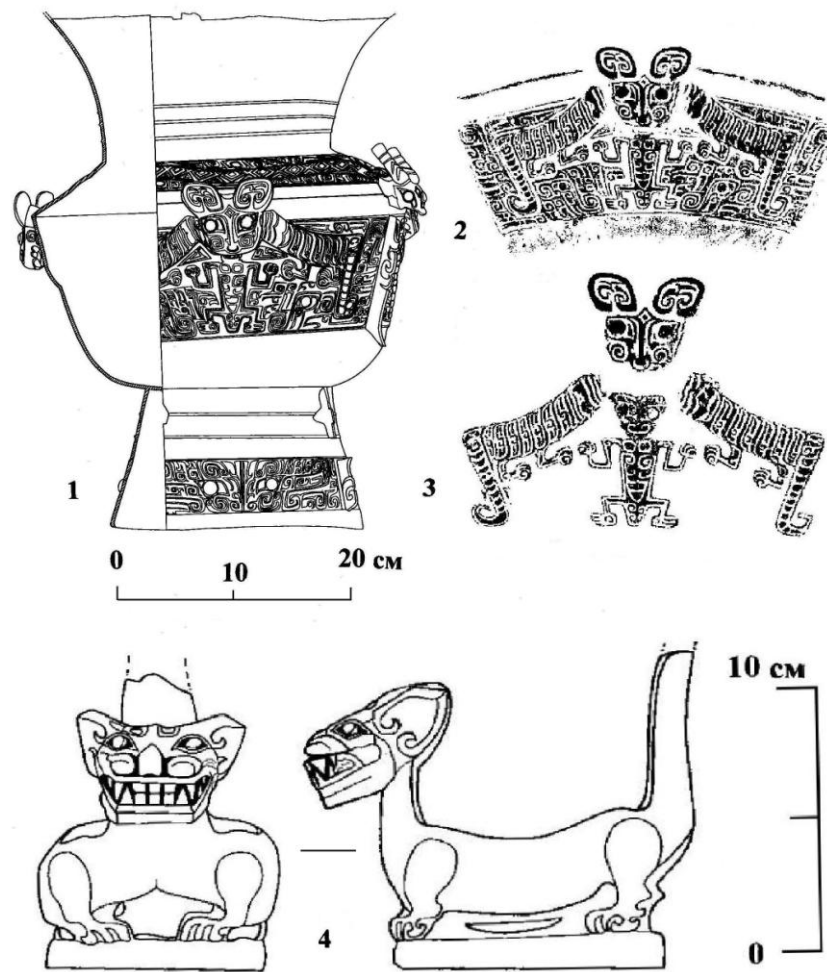

Рис. 3. Прорисовки бронзовых изделий из жертвенной ямы JK1:
1 – общий вид сосуда с тиграми; 2, 3 – протирки рельефа на тулове сосуда; 4 – статуэтка кошки. По: 1–4 – [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 33, 35–36, рис. 22, 23]

Fig. 3. Line drawings of bronzes from JK1 sacrificial pit:
1 – general view of the vessel with tigers; 2, 3 – relief on the body of the vessel; 4 – figurine of the cat. As per: 1–4 – [Sanxingdui jisikeng, 1999, pp. 33, 35–36, fig. 22, 23]

В китайских публикациях данный артефакт неизменно называют «тигром» или «изделием в форме тигра». Проблема в том, что отсутствует масштаб, который помог бы оценить реальные размеры изображенного животного. Сама статуэтка небольшая, ее длина 11,4 см, ширина 7,8 и сохранившаяся высота 10,8 см (рис. 3, 4). Тело животного в плане образует кольцевую окружность, внутрь которой мог бы вставляться какой-то шест. Его четыре короткие лапы опираются на кольцевую подставку (рис. 4, 1). У зверя миндалевидные глаза с круглыми зрачками, большие, заостренные на концах уши, крупная (по сравнению с телом) голова, квадратная пасть с оскаленными зубами. Хвост и длинная шея, держащая голову, подняты вертикально вверх, кончик хвоста обломан (рис. 4, 2). Статуэтка из JK1 отличается от изображенных на сосуде *цзунь* рельефных тигров более коротким телом животного без обязательных для тигров полос, заостренными ушами, длинной вертикальной шеей (не характерной для тигров) и вертикально поднятым хвостом (что тиграм тоже не свойственно). Эти черты делают отлитого зверя больше похожим не на тигра, а на какое-то мелкое животное вроде домашней кошки.

В 2020 г. археологические исследования на памятнике Саньсиндуй, приостановленные еще в 1986 г., возобновились. Были обнаружены шесть новых жертвенных ям, получивших индексы от JK3 до JK8, полные научные результаты исследования которых не опубликованы

Рис. 4. Бронзовые статуэтки кошек из Саньсиндуя:

1, 2 – из жертвенной ямы JK1; 3, 4 – из жертвенной ямы JK8. 1, 2 – одно и то же изделие. По: 1 – [Саньсиндуй юй Наньсилу..., 2007, с. 26, рис. 19]; 2 – [Чэнь Дэань, 2000, с. 71, рис. 58]; 3, 4 – [Синьяо Чжунго..., 2024, с. 104–105, 392–393, рис. 36, 268].

Fig. 4. Bronze figurines of cats from Sanxingdui:

1, 2 – from JK1 sacrificial pit; 3, 4 – from JK8 sacrificial pit. 1, 2 – one and the same item. As per: 1 – [Sanxingdui yu Nansilu..., 2007, p. 26, fig. 19]; 2 – [Chen Dean, 2000, p. 71, fig. 58]; 3, 4 – [Xingyao Zhongguo..., 2024, p. 104–105, 392–393, fig. 36, 268]

до сих пор. Несмотря на это, в 2023 г. в особом административном районе КНР Сянган (Гонконг) была организована выставка новых археологических находок из Саньсиндуй. Она сопровождалась публикацией каталога на английском языке, озаглавленного «Глядя на Саньсиндуй» (“Gazing at Sanxingdui”) [Варенов, 2025б, с. 73]. Одновременно тот же том вышел и на китайском языке. На выставке и в новых изданиях было представлено бронзовое изваяние из жертвенной ямы JK8, названное «гибридом тигра и дракона» или (в китайской версии) «изображением с тигриной головой и телом дракона» [Gazing at Sanxingdui..., 2023, pp. 76–77; Нинши Саньсиндуй..., 2023, с. 70–71]. В следующем, 2024 г. в Шанхае прошла другая выставка археологических находок из Саньсиндуй и Цзиньша, видимо, приуроченная к 75-летию создания КНР, к открытию которой был выпущен двухтомный каталог «Звезды над Китаем». В числе экспонатов оказалось не только «изображение с тигриной головой и телом дракона», но и похожий на него «бронзовый тигр» [Синъяо Чжунго..., 2024, т. 1, с. 104–105, рис. 36, т. 2, с. 392–393, рис. 268].

Этот «тигр» из той же жертвенной ямы JK8 представлял собой запечатленное в прыжке похожее на кошку существо, приземляющееся на передние лапы с хорошо заметными длинными когтями. У него задранная вверх большая (относительно всего тела) голова с разинутой зубастой пастью, в которой выделяются коренные зубы, резцы и острые клыки, круглые глаза с выпуклыми зрачками и откиннутые назад необыкновенно длинные остроугольные на концах уши. Тощее округлое в сечении туловище украшено параллельными полосами, лопатки и бедра – рельефными спиралями. Когтистые задние лапы согнуты в прыжке, вместо хвоста странная конструкция. Длина статуэтки 34,5 см, ширина 15,5 см, высота 32 см (рис. 4, 3). «Дракон с головой тигра» из ямы JK8 в целом аналогичен предыдущему изваянию, только крупнее его, длиной 58 см, шириной 38,5 см и высотой 75,5 см. Он стоит на передних лапах, а все его тело выше плечевого пояса задрано почти вертикально вверх. Этим «дракон» напоминает статую так называемого «Гаруды», из той же жертвенной ямы JK8, которого китайские археологи именуют «акробатом» или «статуей изогнутого тела с птичьими лапками» [Варенов, 2024; Варенов, Нестеркина, 2024].

У «дракона с головой тигра» крупная квадратная голова, пасть с оскаленными зубами, в которых зажат какой-то предмет, круглые широко расставленные глаза, выше которых на лбу расположены два изогнутых рога и остроконечные, но не столь длинные, как у предыдущего изваяния, уши (рис. 4, 4). Возможно, именно эти рога, характерные для изображений драконов эпохи бронзы, и заставили китайских специалистов дать рассматриваемому существу «гибридное» название. Не исключено, конечно, что в бронзовом веке появление рогатых кошек люди объясняли теми же причинами, что в средние века – рогатых тигров (см. выше). Тело «дракона» украшено параллельными изогнутыми полосами, а лопатки и бедра – рельефными спиралями. Задние ноги поджаты под туловище, хвоста не видно. Скульптура опирается на массивное треугольное основание, на переднем конце которого, прямо перед лапами зверя, расположено изображение птицы, похожей на голубя (рис. 5, 1). Фигурка не очень крупной птицы рядом с охотящимся на нее хищником позволяет оценить реальные размеры последнего, которые явно не соответствуют тигриным. Кто же это мог быть?

Автор прекрасно отдает себе отчет, что сравнивать отлитое в бронзе фантастическое существо с реальным животным – занятие неблагоприятное. Лет 15 назад он сам критически оценивал предпринимавшиеся тогда время от времени попытки реконструировать внешний облик и антропологическую принадлежность носителей культуры Саньсиндуй по бронзовым маскам и головам, находимым в жертвенных ямах [Варенов, Гирченко, 2012, с. 19]. Но какие-то элементы экстерьера фантастических бронзовых существ могут дать намек на их живые прототипы. Рассмотрим для этого малых диких кошек разных видов, обитающих сейчас в районе Сычуани, которые могли там жить и в эпоху бронзы.

Рис. 5. Бронзовая статуэтка кошки из JK8 и дикие кошки пров. Сычуань:

1 – монтаж статуэтки кошки на выставке в Сянгане (Гонконге); 2 – леопардовая (бенгальская) кошка; 3 – манул (Палласов кот); 4 – китайская горная кошка. По: 1 – [Xu, 2023]; 2–4 – Википедия

Fig. 5. Bronze cat figurine from JK8 and wild cats of Sichuan Province:

1 – cat figurine assembled at Xian'gang (Hong Kong) exhibition; 2 – leopard (Bengal) cat; 3 – manul (Pallas cat); 4 – Chinese mountain cat. As per: 1 – [Xu, 2023]; 2–4 – Wikipedia

Наиболее распространенная в Восточной Азии малая кошка местного происхождения – это леопардовая, или бенгальская, кошка (*Prionailurus bengalensis*) живущая по всей территории Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, от Приамурья и Кореи до Индии, Пакистана, Индонезии и Филиппин (см. карту расселения: [Vigne et al., 2016, p. 3, fig. 1]). Длина леопардовых кошек достигает 65–100 см, как у домашней кошки, включая хвост (20–40 см), вес до 5 кг, окрас сильно варьирует от желтого, как у леопарда, до светло-коричневого³. Шерсть покрыта черными пятнами, на голове имеются черные полосы (рис. 5, 2).

Манул, или Палласов кот (*Otocolobus manul*), живет на обширной, но фрагментированной территории в Азии: от Западного Ирана и Средней Азии до Забайкалья, Монголии, северо-западного Китая и Тибета. На Китай приходится около половины ареала его обитания. На западе Сычуани манул и китайская горная кошка (см. ниже) сосуществуют [Webb et al., 2016]. Длина головы и туловища манула составляет от 46 до 65 см, длина хвоста от 21 до

³ URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Бенгальская_кошка (дата обращения 18.12.2025).

31 см, вес 2–5 кг. Внешностью и размерами манул похож на домашнюю кошку. У него короткие и толстые лапы, а тело в целом выглядит массивным из-за пышного меха, хвост равномерно широкий и пушистый, с округлым кончиком. Густой и длинный мех имеет неравномерный окрас, обычно серого цвета, а на отдельных частях тела – рыжеватого или охристого⁴. Голова у манула небольшая, шарообразной формы, на щеках растут пучки длинных волос, уши имеют небольшой размер, округлую форму, находятся низко и широко расставлены (рис. 5, 3).

Китайская горная кошка, или гобийская серая кошка (*Felis bieti*), – эндемик Китая, живущий преимущественно в степных и горных районах на северо-западе страны в пров. Ганьсу и Сычуань на границе с Тибетом, а также в Цинхае, Нинся и Синьцзяне на высотах от 2 800 до 4 100 м. Она примерно в полтора раза крупнее домашней кошки или рассмотренных выше диких видов: длина тела от 95 до 140 см, из них треть (от 30 до 35 см) приходится на хвост, высота в плечах 30–35 см, вес 6–9 кг. Летний окрас горной кошки серо-желтый, зимняя шерсть серо-коричневого цвета, полосы и пятна на теле неотчетливы и малозаметны, по бокам они проступают четче. Хвост сравнительно толстый, в нижней его части от 4 до 6 поперечных черных колец, кончик хвоста черный⁵. Голова у горной кошки относительно широкая, с большими ушами, на кончиках которых есть кисточки длиной до 2,5 см (рис. 5, 4).

Подведем итоги. Все китайские публикаторы бронзовых изделий Саньсиндуя называли животных с инкрустированных пластин «тиграми», повторяя друг за другом их описание. Лишь автор американского каталога задался вопросом, почему выложенные бирюзой волноты не очень похожи на тигриные полосы, как их изображали на бронзах эпохи Шан [Ancient Sichuan..., 2001, p. 133]. По нашему мнению, инкрустированные пластины могли представлять не тигров, а леопардов, поскольку профильные контуры тела двух хищников очень похожи, а кривые линии бирюзовых узоров ближе к цепочкам пятен на шкуре леопарда, чем к тигриным полосам.

Прямоугольные бронзовые пластины с бирюзовой инкрустацией и четырьмя петельками также найдены в Саньсиндуге вне жертвенных ям [Чжунго тунци цюаньцзи, 1994, с. 55, 56, рис. 63, 64]. Они близко напоминают аналогичные пластины из Эрлитоу [Варенов, 1990, с. 59]. Поэтому автор американского каталога посчитал все бронзовые изделия с бирюзовой инкрустацией в Саньсиндуге импортными [Ancient Sichuan..., 2001, p. 133]. Сосуд с рельефами тигров из жертвенной ямы JK1 он также рассматривал как привозной, поскольку аналогичное изделие, только больше и лучшего качества, найдено в Фунань пров. Аньхуэй [Ancient Sichuan..., 2001, p. 141].

Зверь с кольцевой подставки из JK1 мог бы претендовать на сходство с манулом из-за коротких лап и массивного тела без полос или пятен. Но у него, в отличие от манула, длинные шея и хвост, и остроконечные уши. А у манула шея практически не прослеживается, хвост короткий, а уши небольшие, округлой формы, расположены низко и широко расставлены (см. рис. 5, 3). Бронзовые кошки из JK1 и JK8 с широкой головой и большими остроконечными ушами, скорее, изображали китайскую горную кошку, особенно если учитывать ее большие треугольные уши с кисточками и абсолютные размеры как у статуэтки, имеющей птицу для масштаба (ср. рис. 5, 1 и 4).

Список литературы

- Варенов А. В.** Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука, 1990. С. 56–72.
- Варенов А. В.** Бронзовые колеса со спицами из Саньсиндуя и древнеиндийские мифы о Гаруде // Поволжская археология. 2024. № 4. С. 43–55. DOI 10.24852/pa2024.4.50.43.55

⁴ <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Манул> (дата обращения 18.12.2025)

⁵ https://ru.ruwiki.ru/wiki/Китайская_кошка (дата обращения 18.12.2025)

- Варенов А. В.** Китайские монографические публикации и исследования 1989–2009 годов о ритуальных бронзах Саньсиндуй // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025а. Т. 24, № 4: Востоковедение. С. 114–126. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-114-126
- Варенов А. В.** Публикации и исследования о ритуальных бронзах Саньсиндуй на европейских и японском языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025б. Т. 24, № 10: Востоковедение. С. 65–75. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-10-65-75
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуй и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 4: Востоковедение. С. 10–19.
- Варенов А. В., Нестеркина А. Л.** Бронзовая статуя «Гаруды» из Саньсиндуй: старые находки и новые открытия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. 30. С. 424–430. DOI 10.17746/2658-6193.2024.30.0424-0430
- Гольгина К. И.** Новелла средневекового Китая: истоки сюжетов и их эволюция (VIII–XIV вв.). М.: ГРВЛ, 1980. 328 с.
- Маркс К.** К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госизд-во полит. лит., 1959. Т. 13. 771 с.
- Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973. 736 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 1)
- Шицзин. Книга песен и гимнов / Пер. А. А. Штукина. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1987. 352 с.
- Ancient Sichuan: Treasures from a Lost Civilization. Seattle; Princeton: Seattle Art Museum in association with Princeton Uni. Press, 2001, 360 p.
- Cheng Te-k'un.** Archaeology in China. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1960. Vol. 2: Shang China. 368 p.
- Chine, l'enigme de l'homme de bronze: Archeologie du Sichuan (XII–III siecle av. j.-c.). Paris: Paris-Musees, 2003, 288 p.
- Gazing at Sanxingdui: New Archaeological Discoveries in Sichuan. Shanghai, Shanghai shuhua publ., 2023, 200 p.
- Lander B., Brunson K.** Wild Mammals of Ancient North China // Zhongguo lishi xuekan [中國歷史學刊]. Journal of Chinese History. 2018. Special issue 2: Perspectives on Environmental History in China. P. 291–312. DOI 10.1017/jch.2017.45
- The Sanxingdui Site. Mystical Mask on Ancient Shu Kingdom. Beijing, China International Press, 2006. 134 p.
- Vigne J.-D., Evin A., Cucchi T., Dai Lingling, Yu Chong, Hu Songmei, Soulages N., Wang Weilin, Sun Zhouyong, Gao Jiangtao, Dobney K., Yuan Jing.** Earliest “Domestic” Cats in China Identified as Leopard Cat (*Prionailurus bengalensis*) // Public Library of Science (PLOS ONE). 2016. № 11 (1). P. 1–11. DOI 10.1371/journal.pone.0147295
- Webb R., Francis S., Telfer P., Guillemont A.** Chinese Mountain Cat and Pallas’s Cat Co-existing on the Tibetan Plateau in Sichuan // Cat News. 2016. № 63. P. 31–33.
- Нинши Саньсиндуй: Сычуань каогу синь фасянь [凝視三星堆：四川考古新發現]. Посмотрим пристально на Саньсиндуй: новые археологические открытия в Сычуани. Шанхай: Шанхай шухуа чубаньшэ, 2023, 192 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй цзисыкэн [三星堆祭祀坑]. Жертвенные ямы Саньсиндуй. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй юй Наньсылу: Чжунго синань дицьюй дэ цинтун вэньхуа [三星堆与南丝路：中国西南地区的青铜文化]. Саньсиндуй и южный Шелковый путь: бронзовая культура юго-западных районов Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 140 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй юй Цзиньша: гу Шу вэньмин ши шан дэ лянцы гаофэн [三星堆与金沙：古蜀文明史上的两次高峰]. Саньсиндуй и Цзиньша: две вершины в истории цивилизации древнего Шу. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2010. 154 с. (на кит. яз.)

- Синьяо Чжунго: Саньсиндуй Цзиньша гу Шу вэньмин [星耀中国：三星堆·金沙古蜀文明]. Звезды над Китаем: древнешуская цивилизация Саньсиндуя-Цзиньша. В 2 т. Шанхай: Шанхай шухуа, 2024, 438 p. (на кит. яз.)
- Цзиньша [金沙]. Цзиньша. Пекин: Учжоу чуаньбо чубаньшэ, 2005. 136 с. (на кит. яз.)
- Чжунго тунци цюаньци [中国铜器全集]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1994. Т. 13: Ба-Шу. 32, 180, 54 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Дэань.** Саньсиндуй: гу шу вангодэ шэнди [陈德安。三星堆：古蜀王国的圣地]. Саньсиндуй: священная земля древнего царства Шу. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2000. 124 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань.** Гуанхань Саньсиндуй ичжи ихао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао [陈德安, 陈显丹。广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报]. Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 1 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // Вэньу. 1987. № 10. С. 1–15. (на кит. яз.)
- Шэньми дэ гу Шу ванго: Саньсиндуй Цзиньша вэньу чжэньбао [神秘的古蜀王国：三星堆·金沙文物珍宝]. Загадочное царство древнее Шу: сокровища культуры из Саньсиндуя и Цзиньша. Пекин: Вэньу, 2009. 220 с. (на кит. яз.)
- Юань Цзинь.** Чжунго гудай цзяян дуньбу дэ дуньбу каогусюэ яньцзю [袁靖。中国古代家养动物的动物考古学研究//第四纪研究]. Зооархеологическое исследование домашнего разведения животных в Древнем Китае // Quaternary Sciences. 2010. Т. 30, № 2. С. 298–306. (на кит. яз.)

Список источников

- Xu W.** Sanxingdui exhibition to use rich content to lure visitors // China Daily, September 20, 2023. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/352109> (дата обращения 18.12.2025).

References

- Ancient Sichuan: Treasures from a Lost Civilization. Seattle and Princeton, Seattle Art Museum in association with Princeton Uni. Press, 2001, 360 p.
- Ba-Shu Qingtongqi [巴蜀青铜器]. Ba Shu Bronze Ware. Chengdu, Chengdu Publishing House, Macau, Sinobrothers & Publications Ltd., 1992, 252 p. (in Chin.)
- Chen Dean.** Sanxingdui: gu Shu wangguode shengdi [陈德安。三星堆：古蜀王国的圣地]. Sanxingdui: The Sacred Land of Ancient Shu Kingdom. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 2000, 124 p. (in Chin.)
- Chen Dean, Chen Xiandan.** Guanghai Sanxingdui yizhi yihao jisikeng fajue jianbao [陈德安, 陈显丹。广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报]. A Brief Report on the Excavations of Sacrificial Pit Number One at Sanxingdui Site, Guanghai. *Wenwu*, 1987, no. 10, pp. 1–15. (in Chin.)
- Cheng Te-k'un.** Archaeology in China. Cambridge, W. Heffer & Sons Ltd., 1960, vol. 2: Shang China, 368 p.
- Chine, l'enigme de l'homme de bronze: Archeologie du Sichuan (XII–III siecle av. j.-c.). Paris, Paris-Musees, 2003, 288 p.
- Golygina K. I.** Novella srednevekovogo Kitaya: istoki suzhetov i ikh evolutsiya (VIII–XIV vv.) [Short Story of Medieval China: Sources of Plots and their evolution (8th – 14th cent.)]. Moscow, GRVL, 1980, 328 p. (in Russ.)
- Gazing at Sanxingdui: New Archaeological Discoveries in Sichuan. Shanghai, Shanghai shuhua Publ., 2023, 200 p.
- Jinsha [金沙]. Jinsha. Beijing, China International Press, 2005, 136 p. (in Chin.)

- Lander B., Brunson K.** Wild Mammals of Ancient North China. *Zhongguo li shi xue kan* [中國歷史學刊]. *Journal of Chinese History*, 2018, Special issue 2: Perspectives on Environmental History in China, pp. 291–312. DOI 10.1017/jch.2017.45
- Marx K.** K kritike politicheskoi ekonomii [On the critique of political economy] In: Marx K., Engels F. Coll. of Works, 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury, 1959, vol. 13, 771 p. (in Russ.)
- Ningshi Sanxingdui: Sichuan kaogu xin faxian [凝視三星堆: 四川考古新發現]. Gazing at Sanxingdui: New Archaeological Discoveries in Sichuan. Shanghai, Shanghai shuhua chubanshe, 2023, 192 p. (in Chin.)
- Poeziya i proza Drevnego Vostoka [Poetry and Prose of the Ancient Orient]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1973, 736 p. (in Russ.) (Biblioteka Vsemirnoi Literatury [Library of the World Literature]. The First Series, vol. 1)
- Sanxingdui jisikeng [三星堆祭祀坑]. Excavation of the Sacrificial Pits at Sanxingdui. Beijing, Wenwu publishers, 1999, 628 p. (in Chin.)
- The Sanxingdui Site. Mystical Mask on Ancient Shu Kingdom. Beijing, China International Press, 2006, 134 p.
- Sanxingdui yu Jinsha: gu Shu wenming shi shang de liangci gaofeng [三星堆与金沙: 古蜀文明史上的两次高峰]. Sanxingdui and Jinsha: Two Peaks in the History of Ancient Shu Civilization. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 2010, 154 p. (in Chin.)
- Sanxingdui yu Nansilu: Zhongguo xinan diqu de qingtong wenhua [三星堆与南丝路: 中国西南地区的青铜文化]. Sanxingdui and Southern Silk Road: Bronze Culture of South-Western Regions of China. Beijing, Wenwu Publ., 2007, 140 p. (in Chin.)
- Shenmi de gu Shu wangguo: Sanxingdui Jinsha wenwu zhenbao [神秘的古蜀王国: 三星堆·金沙文物珍宝]. The Mysterious Ancient State of Shu: Cultural Relics from Sanxingdui and Jinsha. Beijing, Wenwu Publ., 2009, 220 p. (in Chin.)
- Shijing. Kniga pesen I gimnov [Book of Songs (Book of Odes)]. Transl. by A. A. Stukin. 2nd ed. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1987, 352 p. (in Russ.)
- Varenov A. V.** Rekonstruktsiya inskogo zaschitnogo vooruzheniya i taktiki armii po dannym oruzheinykh kladov [Reconstruction of Yin Armour and Army Tactics Based on Weapons Hoards]. In: Kitai v epokhu drevnosti [China in Antiquity]. Novosibirsk, Nauka, 1990, pp. 56–72. (in Russ.)
- Varenov A. V.** Bronze Spoked Wheels from Sanxingdui and Ancient Indian Myths about Garuda. *The Volga River Region Archaeology*, 2024, no. 4 (50), pp. 43–55. (in Russ.) DOI 10.24852/pa2024.4.50.43.55
- Varenov A. V.** Chinese Book Publications and Studies of 1989–2009 on Ritual Bronzes of Sanxingdui. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 4: Oriental Studies, pp. 114–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-4-114-126
- Varenov A. V.** Book Publications and Studies on Ritual Bronzes of Sanxingdui in European and Japanese Languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 10: Oriental Studies, pp. 65–75. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-10-65-75
- Varenov A. V., Girchenko E. A.** Bronze Heads from the Sacrificial Pits of Sanxingdui and the Reconstruction of the interior details of Ancient Temples. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*. 2012, vol. 11, no. 4: Oriental Studies, pp. 10–19. (in Russ.)
- Varenov A. V., Nesterkina A. L.** Bronze Statue of “Garuda” from Sanxingdui: Old Finds and New Discoveries. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2024, vol. 30, pp. 424–430. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2024.30.0424-0430
- Vigne J.-D., Evin A., Cucchi T., Dai Lingling, Yu Chong, Hu Songmei, Soulages N., Wang Weilin, Sun Zhouyong, Gao Jiangtao, Dobney K., Yuan Jing.** Earliest “Domestic” Cats in

- China Identified as Leopard Cat (*Prionailurus bengalensis*). *PLoS (Public Library of Science) ONE*, 2016, no. 11 (1), pp. 1–11. DOI 10.1371/journal.pone.0147295
- Webb R., Francis S., Telfer P., Guillemont A.** Chinese Mountain Cat and Pallas's Cat Co-existing on the Tibetan Plateau in Sichuan. *Cat News*, 2016, no. 63, pp. 31–33.
- Xingyao Zhongguo: Sanxingdui-Jinsha Gu Shu wenming [星耀中国：三星堆·金沙古蜀文明]. Stars over China: The Ancient Shu Civilization of Sanxingdui and Jinsha. In 2 vols. Shanghai, Shanghai Shuhua Publ., 2024, 438 p. (in Chin.)
- Yuan Jing.** Zhongguo gudai jiyang dongwu de dongwu kaoguxue yanjiu [袁靖。中国古代家养动物的动物考古学研究//第四纪研究]. Zooarchaeological Study on the Domestic Animals in Ancient China. *Quaternary Sciences*, 2010, vol. 30, no. 2, pp. 298–306. (in Chin.)
- Zhongguo tongqi quanji [中国铜器全集。第13卷。巴蜀]. The Complete Collection of Chinese Bronzes. Beijing, Wenwu Publ., 1994, vol. 13: Ba-Shu, 32, 180, 54 p. (in Chin.)

List of Sources

- Xu W.** Sanxingdui exhibition to use rich content to lure visitors // China Daily, September 20, 2023. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/352109> (accessed: 18.12.2025).

Информация об авторе

Андрей Васильевич Варенов, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57189442974
WoS Researcher ID IST-6876-2023
RSCI Author ID 556744
SPIN 3690-2300

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57189442974
WoS Researcher ID IST-6876-2023
RSCI Author ID 556744
SPIN 3690-2300

*Статья поступила в редакцию 24.11.2025;
одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 08.12.2025
The article was submitted on 24.11.2025;
approved after reviewing on 03.12.2025; accepted for publication on 08.12.2025*

Научная статья

УДК 94(315)

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-119-132

Население пограничного региона Цзюйянь в эпоху Западной Хань по данным эпиграфических источников

Екатерина Александровна Гирченко

Институт археологии и этнографии

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

ekaterina.girchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>

Аннотация

Статья представляет собой комплексное исследование структуры населения пограничного региона Цзюйянь (совр. Внутренняя Монголия / Ганьсу) в эпоху Западной Хань (II–I вв. до н. э.) на основе данных эпиграфических источников – деревянных и бамбуковых плашек *ханьцзяней*, обнаруженных при раскопках военных гарнизонов, застав и сторожевых вышек вдоль коридора Хэси. Цель работы – реконструировать демографический и социальный ландшафт стратегически важного региона на северо-западе империи, граничащего с кочевым миром. Основное внимание уделяется анализу различных категорий населения, зафиксированных в документах: военнослужащих и их семей; мигрантов из сельскохозяйственных районов, чье целенаправленное переселение фиксируется документально, а также беженцев; представителей неханьского населения, проживающего на границе и состоящего на службе у Хань; каторжников, сосланных на границу для отбывания наказания; иных категорий лиц, включая слуг и рабов. На основе анализа текстов плашек автор выявляет некоторые социально-экономические механизмы функционирования границы: принципы комплектования гарнизонов, систему использования подневольного труда, государственное регулирование миграций, а также степень мобильности в регионе, что позволяет выделить социальные роли и повседневные практики людей, формировавших основу населения северо-запада Ханьской империи на рубеже эр.

Ключевые слова

коридор Хэси, район Цзюйянь, Западная Хань, *ханьцзяни*, миграции, освоение территорий, сюнну, цяны

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 22-78-10121-П «Связи между культурами Сибири и Северного Китая в эпоху древности и раннего средневековья по данным археологии», <https://rscf.ru/project/22-78-10121-П/>

Для цитирования

Гирченко Е. А. Население пограничного округа Цзюйянь в эпоху Западной Хань по данным эпиграфических источников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 119–132. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-119-132

The Population of the Juyan Frontier Region during the Western Han Dynasty Based on Epigraphic Sources

Ekaterina A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ekaterina.girchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>

Abstract

The article presents a comprehensive study of the population structure in the Juyan frontier region (modern Inner Mongolia/Gansu) during the Western Han dynasty (2nd – 1st cent. BCE), based on data from epigraphic sources – Han wooden and bamboo slips *hanjian* discovered during excavations of military garrisons, frontier passes, and watchtowers along the Hexi Corridor. The aim of the work is to reconstruct the demographic and social landscape of this strategically vital northwestern region of the empire, which bordered the nomadic world. Primary attention is devoted to analyzing the various population categories documented in these records: military personnel and their families, migrants from agricultural regions, whose state-sponsored resettlement is documented, refugees, non-Han populations living on the frontier and serving the Han, convicts exiled to the frontier to serve their sentences, and other categories, including servants and slaves. Throughout the analysis of the slip texts, the author identifies some socio-economic mechanisms of frontier functioning: principles of garrison recruitment, systems of forced labour, state regulation of migration, as well as degrees of social mobility. This approach makes it possible to delineate the social roles and everyday practices of the people who formed the demographic structure of the Han Empire's frontiers at the turn of the era.

Keywords

Hexi corridor, Juyan region, Western Han, *hanjian*, migration, territorial development, Xiongnu, Qiang people

Acknowledgements

This study is a part of the Russian Scientific Foundation, project no. 22-78-10121-П “Connections between the cultures of Siberia and Northern China in the Antiquity and Early Middle Ages (based on the archaeological data)”, <https://rscf.ru/project/22-78-10121-П/>

For citation

Girchenko E. A. The Population of the Juyan Frontier Region during the Western Han Dynasty Based on Epigraphic Sources. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 119–132. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-119-132

Под регионом Цзюйянь (кит. 居延地區), когда мы говорим о времени правления династии Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.), как правило, подразумевается одноименный уезд в округе Чжанье на северо-западе империи¹, где была возведена система сигнальных башен и укреплений против сюнну. Исторический Цзюйянь, согласно современному административному делению, соответствует территории от волости Динсинь в уезде Цзиньта городского округа Цзюцюань (кит. 酒泉市金塔县鼎新镇) провинции Ганьсу до хошуна Эдзин в аймаке Алашань автономного района Внутренняя Монголия. Здесь было обнаружено более 60 000 бамбуковых и деревянных плашек, *ханьцзяней* (кит. 漢簡), содержащих богатые сведения обо всех процессах, связанных с военными столкновениями и охраной границ, торговыми операциями, административными делами и т. д., происходящими в уезде. Целью настоящей работы является характеристика населения региона Цзюйянь в период Западной Хань на основе комплексного анализа и систематизации эпиграфических источников. В основу исследования легла коллекция *ханьцзяней*², находящаяся в Институте истории и филологии Академии

¹ Чжанье (кит. 張掖郡) – один из четырех округов, устроенных императором У-ди в коридоре Хэси после изгнания оттуда сюнну.

² Первые находки бамбуковых или деревянных плашек были обнаружены М. А. Стейном в ходе трех экспедиций 1900–1901, 1906–1908 и 1913–1915 гг. Коллекция хранилась в Пекинском университете, но в 1937 г. японцы заняли кампус Пекинского университета, *ханьцзяни* и некоторые другие ценности тайно выносились научными

Синика (г. Тайбэй)³ и доступных исследователям в электронной базе данных по соответствующим регистрационным номерам, а также и материалы экспозиции Музея деревянных и бамбуковых плашек в г. Ланьчжоу, Ганьсу (кит. 甘肃简牍博物馆).

Итак, седьмой император династии Хань У-ди (武帝; личное имя Лю Чэ, кит. 劉徹, 156–87 гг. до н. э.) на второй год правления под девизом Юаньшоу⁴ после окончательной победы в длительном противостоянии с сюнну официально включил в состав империи так называемый коридор Хэси, горный проход, образованный цепочкой сжатых горами речных долин и тянущийся на 1 000 км от верховьев р. Хуанхэ вдоль северо-восточных предгорий хребта Циляншань. Ранее эта территория принадлежала кочевникам, и поэтому приоритетной задачей стало заселение региона ханьцами с целью укрепления обороны северо-западных рубежей от набегов. В первую очередь на северо-запад отправлялись солдаты, призванные на срочную службу, они и выступали в качестве воинов, строителей, земледельцев и носителей китайской культуры на окраинах ойкумены, где до недавних пор обитали преимущественно кочевники. В период Западной Хань каждый мужчина в возрасте от 23 до 56 лет был обязан отбыть двухлетнюю службу: первый год – в своей провинции, второй год – на границе, однако на практике отслужившего год солдата, приобретшего ценный опыт жизни на рубежах империи, могли не отпустить домой, если не прибыло достаточное количество сменщиков. Освободившимся солдатам предлагали остаться, обещая земельные наделы в регионе.

Солдат, отбывающих воинскую повинность, было очевидно недостаточно для таких обширных территорий, поэтому было принято стратегическое решение о переселении в Хэси людей из внутренних районов, славившихся своим земледелием, для развития земледелия и животноводства. Новые округа находились слишком далеко от центра и были уязвимы перед угрозой нападения кочевников, поэтому переход на самообеспечение являлся приоритетной задачей [Wai Kit Wicky Tse, 2012, p. 94]. Согласно историческим записям, крупномасштабное переселение жителей из центральных районов в коридор Хэси осуществлялось в 120, 119, 118 и 111 гг. до н. э. [Чжан Хунвэй, 2018]. В разделе «Трактат о сбалансированности [хозяйства] (кит. 平準書; Пинчжунь шу) сочинения Сыма Цяня «Ши цзи» говорится, что в 112 г. до н. э. «впервые учредили области Чжанье⁵ и Цзюцюань, а в областях Шанцзюнь, Шофан, Сихэ и Хэси создали управления по разработке земель и использовали 600 тысяч солдат из гарнизонов для охраны границ и обработки здесь полей...» [Сыма Цянь, 1986, с. 219].

В главе «Описание Дайюани (кит. 大宛列傳; Дайюань ле чжуань)» хроники «Ши цзи» также есть указание о массовых переселениях населения на северо-запад: «На севере [областей] Цзюцюань и Чжанье основали [уезды] Цзюйянь и Сючу, чтобы защищать Цзюцюань [от сюнну]. Собрали со всей Поднебесной семь категорий лиц, подлежащих мобилизации⁶... Повозки, толпы людей, следуя друг за другом, непрерывно прибывали в Дуньхуан» [Сыма Цянь, 2010, с. 213].

И далее уже после успешного похода на Дайюань: «...в Луньтоу поселили несколько сот солдат-землепашцев⁷, поэтому туда были назначены уполномоченные для охраны полей

сотрудниками в головных уборах. Так, большая часть коллекции была вывезена сначала в Тяньцзинь, затем в Шанхай и Гонконг силами сотрудников швейцарской компании Berle & Co. (иностранцев проверяли не так тщательно, как китайцев). Впоследствии материалы были вывезены в США, а в 1965 г. переданы на Тайвань в Академию Синика. В современной исследовательской литературе значатся как «старая цзюйяньская коллекция».

³ Шинюйсо цан Цзюйянь ханьцзянь цзыляо ку [史語所藏居延漢簡資料庫]. База данных цзюйяньских ханьцзяней Института истории и филологии. (на кит. яз.) URL: <https://wcd-ihp.ascdc.sinica.edu.tw/woodslip/index.php> (дата обращения 10.12.2025).

⁴ 121 г. до н. э.

⁵ Упоминание Чжанье здесь является несколько преждевременным, так как этот округ, скорее всего, появился не ранее 104 г. до н. э. [Сыма Цянь, 1986, с. 335].

⁶ Т. е. чиновники, совершившие незначительный проступок; беглые; зятья, принятые в дом жены (примаки); торговцы; те, кто в прошлом входил в торговое сословие; их дети; их внуки [Сыма Цянь, 2010, с. 460].

⁷ Так называемых *тяньцзу*, кит. 田卒.

и заготовки зерна, чтобы снабжать отправляемые в иноземные страны [посольства]» [Сыма Цянь, 2010, с. 216].

По мнению исследователей, на северо-запад в первые годы после учреждения округов было переселено от 400 до 600 тыс. человек [Цзян Цинцзи, 2008, с. 203]. Район Цзюйянь, будучи стратегически важной территорией для обороны от северных сюнну, принял значительное количество переселенцев.

Специальные чиновники сопровождали мигрантов на протяжении всего пути из внутренних районов, а уезды, через которые проходили караваны, обязаны были предоставлять сопровождающим переселенцев лицам транспортные средства и достаточное продовольствие. Ответственные сопровождающие распределяли зерно между группами мигрантов в регламентированном объеме. Одна из найденных плашек является немного более поздней по дорожной грамотой, но содержит информацию о сопровождении переселенцев на пути в Дуньхуан (плашка № IDXT0210①:6): «Второй год [эры правления] Цзяньши⁸, третий месяц, [начавшийся в день] *у-цзы*, [составлено] в день *и-сы* [восемнадцатый день месяца]. Янь Шоу, глава уезда Дичи⁹, передает через пропускной пункт [следующее распоряжение]: направляю помощника начальника почтовой станции Пу в качестве официального сопровождения переселенцев в округ Дуньхуан во исполнение [императорского] указа. [Выделяется] одна легкая одноосная повозка, одна лошадь. Надлежит предоставлять ночлег на почтовых станциях. Всем сопровождающим действовать как [предписано] законами и указами. Старший чиновник¹⁰ Чжан, писарь Линь, [младший] помощник Гуан (кит. 建始二年三月戊子朔乙巳氏池長延壽移過所¹¹遣傳舍佐普就, 為詔送徒<徙>民敦煌郡乘輶車一乘, 馬一匹當舍傳舍, 從者如律令掾長, 令史臨, 佐光)».

Далее следует отметка о прохождении пограничного контроля: «[В] четвертом месяце, в день *и-хай*, проследовали [через заставу] на запад (кит. 四月己亥過西)».

Другой пример (плашка №73EJT37:1099A): «Второй год [эры] Уфэн¹², пятый месяц, первый день месяца *жэнь-цзы*, [составлено в] день *синь-сы* [тридцатый день]. [Офицер по имени] Дэ, левый комендант [уезда] Уань¹³, откомандированный округом, [направлен] для сопровождения солдат гарнизона и военных земледельцев в округ Чжанье (кит. 五鳳二年五月壬子朔辛巳武安左尉德調為郡送戍田卒張掖郡)».

Эта плашка была обнаружена на месте заставы Цзиньгуань в Цзяньшуге (кит. 肩水金關) и, вероятно, представляет собой запись о прохождении данной группы людей через пограничную заставу. Солдаты для занятия земледелием и охраны границ (*шутяньцзу*, кит. 戍田卒) из уезда Уань округа Вэйцзюнь направлялись в район военно-земледельческих поселений местности Цзюйянь.

Когда отправившиеся в Хэси люди достигали места назначения, они прежде всего должны были зарегистрироваться в гарнизонных списках в соответствующем уезде, после чего, в соответствии с государственной политикой, мигрантам выделяли определенное количество земли и распределяли в уже построенное жилье, выдавали сельскохозяйственные орудия, а также во временное пользование – волов и быков (для пахоты), ослов (для транспорта)

⁸ Второй год эры правления под девизом Цзяньши (императора Чэн-ди, кит. 成帝, личное имя Лю Ао, кит. 劉鷲, 51–7 гг. до н. э.), что соответствует 31 году до н. э.

⁹ Дичи – уезд, входящий в ханьский округ Чжанье.

¹⁰ В системе ханьской бюрократии старший из младших чиновников – «юань» (кит. 掾), ниже него по должности – «ши» (кит. 史), еще ниже – «шу» (кит. 屬).

¹¹ Термин «госо» (кит. 過所) изначально означал проходимое / проезжаемое место, а позднее стал специальным названием проездного документа.

¹² 56 г. до н. э., время правления императора Сюань-ди (宣帝; личное имя Лю Бинъи, кит. 劉病已, 91–49 гг. до н. э.).

¹³ Уань был уездом, подчиненным ханьскому округу Вэйцзюнь.

и семена. Переселенцы должны были уплачивать налоги местным властям и регулярно нести трудовые повинности.

Однако не все мигранты в Хэси отбывали военную повинность или были вынужденными переселенцами из традиционных земледельческих регионов, на северо-запад прибывало также немало людей, которые по собственному желанию отправлялись туда из внутренних округов. Причины были различны: одни покидали родные места в надежде на процветание на новых необжитых территориях, другие отправлялись на пограничные рубежи к родственникам, третьи уходили в далекие пограничные земли, чтобы избежать последствий каких-либо правонарушений.

Что касается неханьского населения, то ко времени правления Западной Хань, в районе Хэси проживало множество различных кочевых народов. Согласно имеющимся данным, в разные времена здесь жили цяны, жуны¹⁴, поочередно кочевали усунь, юэчжи, сюнну. «Цяны¹⁵» в данном случае представляют особый интерес, так как в периоды Шан и Западная Чжоу (примерно с середины II тыс. до н. э. по VIII в. н. э.) они занимали большую часть территории к западу от коридора Хэси и в основном занимались кочевым скотоводством, совмещая его с земледелием. В начале I тыс. до н. э. северо-западный регион пережил длительный период похолодания, продолжавшийся несколько сотен лет. Поскольку температурные условия уже не позволяли получать достаточные объемы основной сельскохозяйственной культуры того времени – проса, обитатели Хэси мигрировали в относительно более теплые регионы, предположительно в район современной пров. Сычуань, а потом, вероятно, в Тибет [Ян Цяньжу, 2016].

В периоды Чуньцю и Чжаньго (770–221 гг. до н. э.) «географический вакуум» в Хэсийском коридоре был окончательно заполнен юэчжами и усунями, ираноязычными кочевниками-скотоводами, которые, воспользовавшись ситуацией, постепенно переселились в Хэси, радикально изменив основной состав населения региона. Юэчжи кочевали в районах будущих округов Цзюцюань, Чжаньэ и Увэй, а усунь – к западу от Юймэня вплоть до Дуньхуана и Гуачжоу [Сунь Чжаньао, 2014, с. 100–104]. В «Ши цзи», в главе «Описание Дайюани», говорится, что юэчжи были «кочевники, они перемещаются, следуя за скотом, обычаи такие же, как у сюнну. Лучников примерно сто-двести тысяч» [Сыма Цянь, 2010, с. 201]. По сравнению с юэчжами, численность усуней была меньше, «несколько десятков тысяч», и они тоже «следуют за скотом» [Там же]. В первые годы эпохи Цинь юэчжи убили усуньского царя Наньдоуми. Усунь переселились на запад, подчинившись сюнну, а юэчжи заняли весь Хэсийский коридор. Примерно в 203 г. до н. э. юэчжи были разбиты сюнну, и большая их часть переселилась в район Тянь-Шаня. В 174 г. до н. э. сюнну напали и убили царя юэчжи, после чего юэчжи ушли на запад, в Центральную Азию. Меньшая часть юэчжи, оставшаяся жить в районе хребта Циляншань в Чжаньэ и Цзюцюане, подчинилась цянам и в истории они известны как *сяо юэчжи* (кит. 小月氏, «малые юэчжи»). Позднее большинство *сяо юэчжи* переселилось в район Хэуан (кит. 河湟, долины рек Хуанхэ и Хуаншуй¹⁶); меньшая часть осталась в районе Чжаньэ, подчинившись династии Хань, их называли «*ицун ху*» (кит. 義從胡, букв. «ху (варвары), следующие приличиям»). Они постепенно ассимилировались с цянами, ханьцами и другими народами [Чжан Хунвэй, 2018]. После миграции юэчжи на запад сюнну заняли весь Хэсийский коридор и в течение многих лет использовали этот горный проход для набегов на Ханьскую империю. Только при императоре У-ди стратегические военные

¹⁴ Это не самоназвания этносов в современном понимании, а экзонимы (названия, данные им китайскими летописцами). В эпоху Шан-Чжоу (XVI–III вв. до н. э.) под этими терминами понимали «варварские» племена, живущие к западу и северо-западу от центра империи; по данным археологии, предположительно, носители культуры Сыва (寺洼文化, примерно 1400–700 гг. до н. э.).

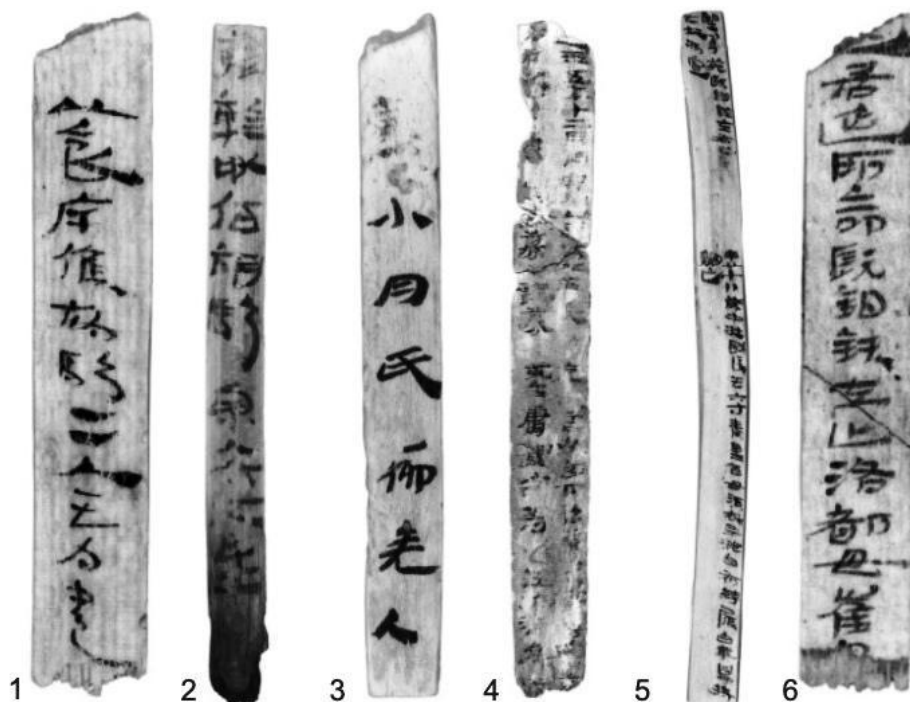
¹⁵ Или народ, условно обозначенный китайскими летописцами как «цяны», так как нет никаких доказательств, что «цяны» эпохи Шан генетически связаны с цянами эпохи Хань.

¹⁶ Сейчас это восточная часть провинции Цинхай, на стыке с провинцией Ганьсу.

кампании (примерно с 133 до 119 гг. до н. э., с ключевыми событиями в 121–119 гг. до н. э.), направленные на завоевание и военную колонизацию этого региона, возымели успех.

После присоединения коридора Хэси к империи Хань, некоторые племена сюнну, хотя их основная часть покинула этот регион, по-прежнему кочевали на окраинах, где были богатые водой и травой пастбища. Отдельные набеги сюнну регулярно фиксировались на *ханьцзянях* в отчетах сторожевых маяков. Кроме того, *ханьцзяни* упоминают представителей не китайских народов среди служивших на хэсийских укрепленных рубежах солдат. Например, в *ханьцзянях* встречается: «[Донесение из] уезда Пуян, общины Или: [свидетель] Тянь Пин видел / явился [по поводу] иноземного солдата гарнизона (ху) Чжоу Чжэна, который отсутствует / не явился (кит. 濮陽邑里田平見胡戌卒周正無). Сюй Шоу из деревни Цинмали... темный облик, высокий и крепкий, умеет писать, как указано в документе. Осмеливаюсь доложить [об этом] (кит. 青馬里徐壽□□□□黑狀長粗能書如牒。敢言之)» (плашка № 822).

Эта плашка найдена в Мацюаньвань (кит. 馬圈灣) в Дуньхуане, и, несмотря на отрывочность, здесь есть фрагмент, указывающий, что некий Чжоу Чжэн был из ху, т. е. «варваром», служившим в районе Дуньхуана. Другой пример: «Выдать провиант двум конным разведчикам из ху на период до конца пятого месяца... (кит. 以食斥候胡騎二人五月盡.....)» (плашка № 182.007) (см. рисунок, 1).

Документы на бамбуковых плашках ханьцзянях, хранящиеся в базе данных цзюйяньских ханьцзяней

Института археологии и филологии Академии Синика:

1 – № 182.007; 2 – № 187.015; 3 – № 387.001; 4 – № 224.18+137.3; 5 – № 040.001; 6 – № 117.032.

По: Шиюсо кан Цзюйянь ханьцзянь цзыляо ку

Documents on Hanjian bamboo slips from the Juyan Hanjian database
of the Institute of Archaeology and Philology of the Academia Sinica:

1 – no. 182.007; 2 – no. 187.015; 3 – no. 387.001; 4 – no. 224.18+137.3; 5 – no. 040.001; 6 – no. 117.032.

As per: Shiyusuo kang Juyan hanjian ziliao ku

Эта плашка представляет собой запись о выдаче продовольствия (казенного пайка) ху-ским всадникам на период по конец пятого месяца, что подтверждает тот факт, что хуци получали казенное довольствие наравне с ханьскими солдатами и были интегрированы в регу-

лярную военную систему как профессиональные воины, служившие в гарнизонах Цзюйяня в подчинении у местного дувэя в Цзяньшуй (кит. 肩水都尉府). Плашка была найдена непосредственно в Цзюйяне на месте раскопок памятника Давань (кит. 大湾遗址), в месте расположения управы дувэя Цзяньшуй в 9 км к юго-западу от заставы Цзиньгуань (координаты: 40°31'56" с. ш., 99°50'53" в. д.). В эпоху Хань здесь располагались укрепленное городище и могильник. Управа дувэя Цзяньшуй контролировала важный водный путь (река Жошуй / Эдзин-Гол), который вел на север, в земли сюнну, также это был перевалочный пункт для войск и торговцев, направлявшихся дальше на запад, в Среднюю Азию. В 1930 г. Ф. Бергман нашел здесь более 1 500 ханьских бамбуковых плашек, в том числе и данный образец.

Упоминания о всадниках ху встречаются также в следующих текстах на плашках:

«...[Доставил] официальный документ. Хуский сотник [по имени] Цюань проехал шесть ли (кит. 口輪狀佰胡騎泉行六里)» (плашка №187.015) (см. рисунок, 2);

«Младших чиновников 11 человек, простолудинов 4 человека, ссыльных каторжников 5 человек, арестантов 10 человек, хуских всадников... легкая повозка... (кит. 吏十一人、民四人、徒五人、囚 十人、胡騎……輶車口)» (плашка № 72EJC:156);

«Хуский всадник [из рода / по фамилии] Юань (кит. 胡騎苑氏)» (плашка № 73EJT37:979).

Эти три плашки найдены в районе заставы Цзиньгуань в Цзяньшуйе. Последняя плашка не содержит другой информации и, видимо, является подорожной грамотой для хуского воина, проходящего через заставу.

На цзюйяньских *ханьцзянях* также встречаются упоминания конкретных не китайских народностей. Например: «...малые юэджи, люские цяны (кит. 口小月氏柳羌人)» (плашка № 387.001) (см. рисунок, 3). Эта плашка найдена на памятнике Дивань (кит. 地湾遗址) в 500 м к югу от заставы Цзиньгуань (координаты 40°35'1" с. ш., 99°55'47" в. д.). В 1930 г. Ф. Бергман раскопал здесь более 2 000 ханьских бамбуковых плашек. В 1986 г. при раскопках, проведенных Институтом культурных реликвий и археологии провинции Ганьсу (кит. 甘肅省考古文物研究所), были обнаружены еще более 700 ханьских документов. Упомянутые на плашке лица, представители одной из ветвей народа цян и оставшиеся потомки юэджи, обитавшие в горах Циляншань на территории коридора Хэси, скорее всего, находились в юрисдикции дувэя Цзяньшуй.

Другой народ, встречаемый на *ханьцзянях*, – это лушуйские ху (кит. 盧水胡), кочевой народ, чей этногенез, по предположениям китайских археологов, представлял собой смешение различных компонентов, включая сюнну, юэджи, цзе, ди и цянов, вплоть до западных жунов эпохи Шан (племя луфан, кит. 盧方). Ареал их обитания охватывал бассейны рек Цзиншуй и Вэйхэ, коридор Хэси, а также долину Хэхуан (регион слияния рек Хуанхэ и Хуаншуй). Река Лушуй (кит. 盧水) – это древнее название бассейна р. Жошуй (кит. 弱水, также Эдзин-Гол). Ее приблизительное местоположение соответствует среднему течению р. Жошуй, протекающей по территории равнины Чжань [Ма Сюин, 2016; Ян Жунчунь, 2018]. Лушуйские ху нередко встречаются на *ханьцзянях* из Цзюйяня, особенно на местах раскопок заставы Цзиньгуань, например: «Управление участка Цзяцзюй докладывает, что среди чиновников [нашего] подразделения нет таких, кто использовал бы [в принудительном порядке] для работ воинов или простолудинов из зависимых земель, [а именно] циньских ху¹⁷ или лушуйцев (кит. 甲渠言部吏毋作使屬國秦胡盧水土民者)» (плашка № EPF22:696).

Большая часть ханьцзяней представляет собой списки военнотружеников из внутренних районов, прибывших на границу для прохождения службы. Обычно это перечисление имен

¹⁷ Данный этноним является крайне дискуссионным. По одной версии, это предки лиянцев, малого народа современной Ганьсу, потомков цянов, ханьцев, жунов и народов Средней Азии; по другой версии, это политико-административный термин, обозначающий представителей разных кочевых народов, живших на землях, входивших в империю Цинь; по третьей версии, это представители смешанного населения из потомков циньских переселенцев и местных ху [Ли Е, 2012; Ху Сяопэн, Чжэн Сюйчжо, 2017].

солдат, прошедших через пропускные пункты и зарегистрированных для дальнейшей службы, но иногда встречаются упоминания *юнцзу* (кит. 庸卒), бедняков, нанятых для отбывания воинской повинности вместо других, более обеспеченных военнообязанных, как записано на следующей плашке: «В округе Шандан¹⁸, четвертый год [эры правления] Уфэн¹⁹, призывник на срочную службу Янь Бэй из селения Сючэн уезда Хугуань²⁰, нанял для службы [вместо себя] Хань Мэйчжуна из того же уезда и того же селения. [Выдать] мешок с казенной одеждой (кит. 上黨郡五鳳四年, 戍卒壺關修成里閻備, 庸同縣同里韓眉中。縣官衣囊)» (плашка № 1068).

Эта плашка была обнаружена в Мацюаньвань, Дуньхуан. Данной биркой сопровождалась отправляемая партия казенной одежды, которую власти распределяли среди военнослужащих, направлявшихся на пограничную службу. Одежда была упакована в специальные мешки (*ито*, кит. 衣囊). Система найма «заместителей» для отбывания воинской повинности действительно практиковалась в ханьское время и была легальна. При реализации системы «*цзяньгэн*» (кит. 踐更, найм [бедняка] для несения своей караульной службы на границе) нанимаемые лица для замены обычно были выходцами из того же округа или уезда. Существовала также система «*гогэн*» (кит. 過更), предполагавшая откуп (в казну) взамен несения службы на границе [Се Цзунтао, 1956].

На укреплениях Цзюйяня также служили лица, поступившие на пограничную службу по найму добровольно (*инму ши*, кит. 應募士). В «Ханьшу», в биографии Су У²¹ (кит. 蘇武) записано, что в начале эры правления Тяньхань при императоре У-ди «[Су] У вместе с заместителем начальника императорской стражи Чжан Шэном, временным чиновником Чан Хуэем и другими, наняли более ста человек для разведки и вместе выступили [в поход] (кит. 武與副中郎將張勝及假吏常惠等募士斥候百餘人俱)»²².

В текстах *ханьцзяней* также периодически встречается данная категория лиц: «Пятый год [эры правления] Цзяньпин²³, двенадцатый месяц, первый день [месяца] – *бин-инь*, [составлено в] день *и-хай*. Начальник северного дозорного участка Чун... докладывает... учреждение, получив императорский указ... [о] вербовке. Тщательно выбрал военнослужащих, наемников Вэй (?)... и других... имена... (...建平五年十二月丙寅朔乙亥, 誠北候長充□言□官下詔……募謹募戍卒庸魏□等□□□□名□□)» (плашка № 224.18+137.3) (см. рисунок, 4).

Данный текст происходит из архива заставы Цзяцюй. Фрагмент составлен из двух поврежденных частей бамбуковых планок, соединенных вместе. Часть текста на планках стерта и не поддается однозначному прочтению. Текст является донесением, представленным начальником северного участка заставы Цзяцюй Чуном. В документе упоминаются «наемные солдаты гарнизона», что доказывает, что в конце эпохи Западная Хань в регионе Цзюйянь по-прежнему практиковались разные формы нахождения на государственной военной службе.

Таким образом, на *ханьцзянях* фиксируются разные категории солдат: солдаты-земледельцы (кит. 田卒, *тянь цзу*), призываемые на службу из внутренних земледельческих регионов по системе *туньтянь* (кит. 屯田²⁴), в ханьских документах они также именуется

¹⁸ Крупная административная единица на севере Китая (на территории современной провинции Шаньси).

¹⁹ 54 г. до н. э.

²⁰ Уезд, входивший в округ Шандан, его административный центр находился к северу от современного Чанчжи, провинция Шаньси.

²¹ Китайский дипломат и государственный деятель эпохи Хань, посол к сюнну.

²² *Бань Гу*. Хань шу – Су У чжуань [班固. 漢書 - 蘇武傳 // 古文島]. Книга Ранней Хань – Жизнеописание Су У // Гувэнь дао. (на кит. яз.) URL: https://www.gushiwen.cn/shiwen_1a715a287bed.aspx (дата обращения 27.01.2026).

²³ I г. до н. э.

²⁴ Под *туньтянь* подразумевается военно-экономическая система, введенная императором У-ди. Ее суть заключалась в организации государственных военно-земледельческих поселений на пограничных территориях с целью обеспечения армии продовольствием и закрепления контроля над новыми землями без необходимости дорогостоящих перевозок зерна из центра. Солдаты обязаны были обрабатывать землю в свободное от службы

«солдаты пограничного гарнизона – земледельцы» (кит. 戍田卒, *шу тянь цзу*); солдаты, служащие на пограничных укреплениях Хэси, называются *шу цзу* (кит. 戍卒), солдаты сигнальных маяков *суй цзу* (кит. 隧卒) или солдаты дозорной службы *хоу ван цзу* (кит. 候望卒). Судя по записям на ханьских бамбуковых плашках, чиновники и солдаты, служившие в гарнизонах и на военных поселениях на пограничных укреплениях Хэси, набирались из различных округов и уделов, при этом среди них преобладало местное население, происходящее из округов Дуньхуан и Чжанье.

Судя по записям в реестрах довольствия для чиновников, офицеров и солдат, а также по подорожным грамотам для прохождения через заставы, на военное поселение нередко прибывали и члены семей. Это могли быть жены, дети, родители, братья и сестры, а также другие родственники. Они также составляли важный источник формирования населения на северо-западе империи, их присутствие даже считалось желательным, так как предполагалось, что у военнослужащих так быстрее формировалось восприятие этого региона как дома [Лай Хуамин, 1996, с. 78]. Примером могут служить следующие записи на *ханьцзянях*:

«Чэн Бао, начальник сигнальной вышки Тунван в уезде Тото, третий год под девизом правления Цзяньпин ²⁵ пятый месяц, семейный реестр. Жена, взрослая женщина из уезда Дуньдэ, деревня Данфу, Чэн Юй, возраст 26 лет; дочь, малолетняя Хоу, возраст 1 год; невестка (жена младшего брата) Мэн Цзюнь, возраст 15 лет; невестка (жена младшего брата) Цзюнь Ши, возраст 24 года; племянница, малолетняя Ху Юнь, возраст 2 года; невестка (жена младшего брата) Цзюнь Ци, возраст 22 года (кит. 曩他通望隧長成衰建平三年 五月家屬符。妻大女馱得當富里成虞年 廿六，子小女侯年一歲，弟婦孟君年十 五，弟婦君始年廿四，小女護惓年二歲，弟婦君給年廿二)» (плашка №73EJT3:89);

«Цзин Линь, начальник сигнальной вышки Юнши в уезде Тото, первый год девиза правления Цзяньпин ²⁶, семейный реестр. Жена старшего брата, Цзин Цзюньжэнь из деревни Ичжун уезда Улань, возраст 21 год; ее сын, малолетний Си, возраст 7 лет; жена старшего брата Цзюнь Чжи, возраст 23 года; ее сын, взрослый мальчик по имени И, возраст 10 лет; сын, малолетний Фэн, возраст 1 год. Одна повозка, использовано... (кит. 曩他勇士隧長并臨建平元年家屬符。兄妻屋蘭宜眾里井君任年廿一，子小男習年七歲，兄妻君之年廿三，子大男義年十，子小男馱一歲。車一兩，用□)» (плашка №73 EJT6:42).

В гарнизонах Хэси также жили личные слуги и помощники различных уровней (*сы цунчжэ*, кит. 私從者). Большинство из них происходило из простого населения пограничных округов Хэси, они нанимались чиновниками, членами их семей и офицерами пограничных гарнизонов для выполнения подсобных работ. Такие служащие обладали определенной экономической самостоятельностью и свободой, в основном занимались сопровождением, исполнением личных поручений или управлением личным транспортом. Согласно записям на ханьских бамбуковых плашках, личных слуг имели при себе воины (кит. 士), писари (кит. 書吏), конники (кит. 騎士), чиновники, отвечавшие за внешние укрепления (кит. 外塞吏), командиры, отвечавшие за участок границы (кит. 候長), и др. Продовольствие, снаряжение и другие средства к существованию для личных слуг или подсобных рабочих обычно обеспечивал сам наниматель. Помимо работы на своего хозяина, слуги также могли привлекаться властями к сельскохозяйственным работам и различным подсобным трудам, за что власти выплачивали им определенное вознаграждение, чаще всего зерном.

время, а мобилизованные крестьяне, чаще всего безземельные бедняки, получали надел, инвентарь, скот в долг у государства и должны были отдавать часть урожая (обычно 50–60 %) в казну. Государство взамен получало зерно для армии и снижение нагрузки на бюджет, но отвечало за ирригацию, охрану, снабжение инвентарем и т. д. Тем не менее, урожайность, учитывая климат, была довольно низкой, что не снижало требований администрации. *Ханьцзяни* фиксируют и случаи голода, разорения и побегов крестьян из гарнизонов [Лю Гуанхуа, 1988; Хэ Шихай, 2002].

²⁵ 4 г. до н. э.

²⁶ 6 г. до н. э.

«Наемный слуга Чэн Цы, [уроженец] деревни Шичан, имеющий ранг *гуншиэн*, возраст тридцать восемь лет, рост семь чи и четыре цуня²⁷... (кит. 募從者始昌里公乘成次, 年卅八, 長七尺四寸□)» (плашка № 73EJT37:695).

Данная плашка происходит из раскопок заставы Цзиньгуань в Цзяньшуге.

Помимо направляемых на границу военнотружеников, в пограничных гарнизонах Цзюйяня также было большое количество каторжников, которые были переселены на границу для отбывания наказания. По прибытии в пограничные районы арестанты регистрировались и распределялись по различным учреждениям и сигнальным вышкам, где выполняли подсобные работы. Ханьские деревянные плашки региона Хэси рассказывают о следующих категориях:

«Осужденный на обривание головы и шейную колодку из Цзюйяня, взрослый мужчина Ван Вай [?].» (кит. 居延髡鉗徒大男王外)» (плашка № 73EJT37:260);

«Осужденный на обривание головы и шейную колодку, с кандалами на обеих ногах²⁸, старший раб Фэн Сюань из Вансиньюань, возраст 27–28 лет, среднего телосложения, крепкий, волосы длиной 5–6 цуней²⁹, седо-черные, без бороды и усов, одет в халат из холста цвета неочищенного проса, обут в белые кожаные башмаки, вооружен мечом, бежал (кит. 望幸苑髡鉗左右止大奴馮宣, 年廿七八歲, 中壯, 髮長五六寸, 青黑色, 毋須, 衣衾袍白布, 履白革舄, 持劍, 亡)» (плашка № 040.001) (см. рисунок, 5);

«...приговоренный в Цзюйяне к обриванию головы и железной шейной колодке с кандалами на левой ноге, [уроженец] Лоду, У Цуй... (кит. □居延所命髡鉗左止洛都田崔□□)» (плашка № 117.032) (см. рисунок, 6);

«...в день *у-суй*, приказано [осужденным] складывать тростник, восемь человек, [они] не подвергались телесным наказаниям³⁰, работают на каторжных работах на городских стенах³¹ (кит. □□□□戊戌, 令積蒲, 八人, 完為城旦)» (плашка № 1812);

«Осужденный на обривание головы, шейную колодку и работы на городских стенах или толчение зерна³², [отрабатывает] девятьсот даней [зерна], стоимостью в шестьдесят тысяч монет³³ (髡鉗城旦舂九百石, 直錢六萬)» (плашка № EPT56:37);

«Осужденный на работы по заготовке дров для духов³⁴ из Цзюйяня, взрослый мужчина Ван У, выбыл [через заставу] в день *жэнь-суй* добавочного месяца *жунь-юэ* високосного года (кит. 居延鬼新徒大男王武, 閏月壬戌出)» (плашка № 037.001);

«Осужденный на работы по заготовке дров для духов Сяо Дэн, ранее занимавший должность исполняющего обязанности начальника заставы Цзяцуй. Был осужден за то, что при исполнении официальных обязанностей избил и подверг телесному наказанию солдата гарнизона Шан Бо. Был понижен в статусе. Приговор вынесен в день *дин-хай* одиннадцатого

²⁷ Примерно 171 см.

²⁸ Обривание головы и шейная колодка (кит. 髡鉗) – один из видов наказания в эпоху Хань, обычно сроком на пять лет, а именно сочетание позорного клейма (брита голова) и физического ограничения / боли (в виде железной колодки на шею).

²⁹ От 11,5 до 14 см.

³⁰ Т. е. не были покалечены физически (клейма, кандалы, отрубание пальцев), осуждены только на принудительные работы.

³¹ Мужское наказание на 4 года (3 года на каторжных работах + 1 год в качестве раба), обычно связанное с тяжелым физическим трудом на строительстве городских стен и укреплений.

³² «Толчение зерна» означает перемалывание зерна, сроком на пять лет, чаще для женщин.

³³ Этот пример показывает монетарную оценку труда каторжника. 900 даней (кит. 石) зерна – это огромный объем работы (1 дань ≈ 29,5 кг, итого 26,5 т). Отработка этой нормы оценивается в 60 000 монет. Это может быть записью о выкупе, долге или государственной оценке объема работ для осужденного.

³⁴ Заготовка дров для духов или храма предков (кит. 鬼薪, пишется также как 鬼薪) является наказанием для мужчин. Они должны рубить деревья и собирать хворост в горах для жертвоприношений духам и предкам. Так как это относительно легкое наказание, оно применялось для незначительных преступлений или использовалось в последний, четвертый, год срока принудительных работ. В данном случае показательно, что осужденный при наличии специального документа мог покинуть пределы гарнизона для сбора хвороста.

месяца второго года [эры под девизом правления] Юаньнянь³⁵. Выходец из деревни Аньхань уезда Дуньдэ. Прибыл [через заставу] в день *син-ю* первого месяца (кит. 鬼新蕭登故為甲渠守尉。坐以縣官事歐笞戍卒尚勃，爵減。元延二十一月丁亥論。故駙得安漢里，正月辛酉入)» (плашка № 73EJT3:53).

Все эти бамбуковые плашки происходят из раскопок заставы Цзиньгуань в Цзяньшуге.

Записи в исторических хрониках и на ханьских бамбуковых плашках свидетельствуют, что правители династии Хань не препятствовали притоку беженцев из внутренних районов в регион Хэси, политика в отношении приграничного северо-запада была достаточно привлекательной для беженцев, несмотря на опасную близость кочевников. Например, в «Анналах императора Пин-ди»³⁶ (кит. 平帝紀) хроники «Хань шу» записано:

«На второй год [деви́за правления] Юаньши³⁷ на месте охотничьих угодий Хучжи в округе Аньдин создали уезд Аньминь, возвели административные здания, рынки и кварталы, собрали и переселили бедняков, обеспечивая их по пути следования продовольствием. По прибытии на место им даровали поля, жилища, утварь и орудия труда, предоставляли в пользование плуги, волов, семена и еду»³⁸;

«...донесение, что беженцы третьего числа третьего месяца выступили из уезда Дуньдэ и прибыли в уезд Бяо[ши]³⁹... (кит. □言流民三月三日發駙得至表□)» (плашка № EPT59:623).

Данная планка происходит из раскопок заставы Цзяцуй в Цзюйяне. Верхний и нижний концы плашки повреждены, конкретный период неясен. Исходя из ее содержания, можно предположить, что некое учреждение из округа Чжанье командировало чиновника, ответственного за отправку беженцев, в уезд Дуньдэ округа Чжанье для сопровождения группы беженцев, переезжающих в уезд Бяоши округа Цзюцюань.

«...Помощник [уездного начальника? (прим. – повреждено)] Сюй Тань занимался приемом беженцев в Цзюцюане... и подчиненный [по фамилии] У, писарь Лян... выбыли [через заставу] в день *синь-чоу* [такого-то] месяца (кит. □□佐徐譚收流民酒泉…… □兼屬武、書佐良□月辛丑出)» (плашка № 73EJT23:7A/B);

«[Составлено] в день *бин-цзы* третьего месяца, первый день которого *синь-ю*... осмеливается доложить: отправили помощника [старосты] Западной волости по имени Си... принять беженцев в округах Чжанье, Цзиньчэн и Лунси, с сопровождающим [из] деревни Чан... (кит. ... 三月辛酉朔丙子。□□敢言之，遣西鄉佐憲收流民張掖、金城、隴西郡中，與從者昌里)» (плашка № 73EJT37:935).

Эти плашки происходят из раскопок заставы Цзиньгуань в Цзяньшуге.

В заключение нужно сказать, что корпус ханьских плашек *ханьцзяней*, в большом количестве находимых на раскопках четырех северо-западных ханьских округов, сформирует новую эпиграфическую основу для изучения истории династии Хань. Эти документы, будучи синхронными описываемым событиям, предоставляют ученым инструмент для некоторого «микроисторического» анализа, компенсируя лаконичность и тенденциозность официальных династийных хроник. Будущие исследования, сочетающие палеографический, исторический и статистический методы, позволят не только уточнить демографические модели, но и глубже понять менталитет, стратегии выживания и механизмы интеграции разнородного населения в единое пространство на самой окраине империи на рубеже эр.

³⁵ 10 г. до н. э.

³⁶ 平帝; личное имя Лю Цзицзы, кит. 劉箕子, впоследствии Лю Кань, кит. 劉衍, 9 г. до н. э. – 6 г. н. э.

³⁷ 2 г. н. э.

³⁸ Хань шу – Пин-ди цзи [汉书 – 平帝纪 // 怀才古诗词网]. Книга Ранней Хань. Анналы императора Пин-ди // Хуай цай гуши цы ван. (на кит. яз.) URL: <https://www.ahhd.cn/gujidetail/2536.html> (дата обращения 15.10.2025).

³⁹ Уезд Дуньдэ находился в округе Чжанье, а уезд Бяоши – немного западнее, в округе Цзюцюань.

Список литературы

- Лай Хуамин.** Лунь цинь хань иминь чжэнцэ цзи ци лиши цзоюн [赖华明. 论秦汉移民政策及其历史作用 // 四川师范大学学报. 社会科学版]. Об иммиграционной политике династий Цинь и Хань и ее исторической роли // Сычуань шифань дасюэ сюэбао. Шэхуэй кэсюэ бань. 1996. № 23 (4). С. 77–79. (на кит. яз.)
- Ли Е.** «Циньху» беши [李焯. “秦胡”别释 // 内江师范学院学报]. Другая интерпретация термина «циньху» // Нэйцзян шифань сюэюань сюэбао. 2012. Т. 27, № 5. С. 63–66. (на кит. яз.)
- Лю Гуанхуа.** Гуаньюй Ханьдай туньтянь дэ цизгэ вэньти [刘光华. 关于汉代屯田的几个问题 // 兰州大学学报: 社会科学版]. Несколько вопросов о системе туньтянь ханьского времени // Ланьчжоу дасюэ сюэбао: Шэхуэй кэсюэ бань. 1988. № 3. С. 84–90. (на кит. яз.)
- Ма Сюин.** Бэй Лян Цзюйцюй шэцзу юань каобянь [马秀英. 北凉沮渠氏族源考辨 // 西夏研究]. Исследование и дискуссия о происхождении рода Цзюйцюй в государстве Северная Лян // Сися яньцзю. 2016. № 3. С. 97–103. (на кит. яз.)
- Се Цзунтао.** Гуаньюй Ханьдай дэ цзяньгэн, цзугэн и гогэн [谢宗陶. 关于汉代的践更、卒更和过更 // 历史教学]. К вопросу о терминах «цзяньгэн», «цзугэн» и «гогэн» в ханьской системе повинностей // Лиши цзясюэ. 1956. № 12. С. 13. (на кит. яз.)
- Сунь Чжаньао.** Лунь Чуньцю Чжаньго шици Хэси нунье чжуаньсин дэ юаньбинь [孙占鳌. 论春秋战国时期河西农业转型的成因 // 西北民族大学学报]. О причинах сельскохозяйственной трансформации в Хэси в периоды Чуньцю и Чжаньго // Сибэй миньцзу дасюэ сюэбао. 2014. № 6. С. 101–104. (на кит. яз.)
- Сыма Цянь.** Исторические записки: Ши цзи: В 9 т. / Пер. с кит., коммент. под ред. Р. В. Вяткина. М.: Вост. лит., 1986. Т. 4. 454 с.; 2010. Т. 9. 623 с.
- Ху Сяопэн, Чжэн Сюйчжо.** Бяньцзян фалюй шиэ ся дэ циньху шэньфэнь [胡小鹏、郑煦卓. 边疆法律视野下的秦胡身份 // 社会科学战线]. Циньху в контексте пограничного права: проблема статуса // Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь. 2017. № 6. С. 135–142. (на кит. яз.)
- Хэ Шихай.** Ханьдай туньтянь дуй сибэй нунье фачжань дэ инсян [何诗海. 汉代屯田对西北农业发展的影响 // 青海社会科学]. Влияние системы туньтянь на развитие земледелия на северо-западе // Цинхай шэхуэй кэсюэ. 2002. № 4. С. 85–87. (на кит. яз.)
- Цзян Циньцзи.** Хэси лидай жэнькоу яньцзю [姜清基. 河西历代人口研究. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社]. Исследование численности населения коридора Хэси на протяжении истории. Хух-Хото: Нэй Мэнгу жэньминь чубаньшэ, 2008. 229 с. (на кит. яз.)
- Чжан Хунвэй.** Ханьцзянь соцзянь Цзюйянь дицюй дэ жэнькоу гоучэн [张宏伟. 汉简所见居延地区的人口构成 // 甘肃广播电视大学学报]. Структура населения региона Цзюйянь по материалам ханьцзяней // Ганьсу гуанбо дяньши дасюэ сюэбао. 2018. Т. 28, № 2. С. 1–8. (на кит. яз.)
- Ян Жунчунь.** Цун Лушуйху цюхао дао Лян ван --- Цзюйцюй Мэнсюнь чэн ван шицзи шулюэ [杨荣春. 从卢水胡酋豪到凉王 --- 沮渠蒙逊称王史迹述略 // 宁夏师范学院学报]. От вождя племени Лушуйху до правителя Лян: краткий обзор истории провозглашения Цзюйцюй Мэнсюнем царского титула // Нинся шифань сюэюань сюэбао. 2018. Т. 39, № 6. С. 51–57. (на кит. яз.)
- Ян Цяньжу.** Хань сюн сиюй чжаньлюэ чэнбай дэ юаньбинь [杨倩如. 汉匈西域战略成败的原因 // 国际政治科学]. Причины успеха и неудач стратегии покорения западного региона у Хань и сюнну // Гоцзи чжэнчжи кэсюэ. 2016. № 1 (3). С. 53–90. (на кит. яз.)
- Wai Kit Wicky Tse.** Dynamics of Disintegration: The Later Han Empire (25–220 CE) & Its Northwestern Frontier: Diss. of Doctor of Philosophy. Philadelphia: Uni. of Pennsylvania Press, 2012. 352 p.

Список источников

Шиюйсо цан Цзюйянь ханьцзянь цзыляо ку [史語所藏居延漢簡資料庫]. База данных цзюйяньских ханьцзяней Института истории и филологии. (на кит. яз.) URL: <https://wcd-ihp.ascdc.sinica.edu.tw/woodslip/index.php> (дата обращения 10.12.2025).

References

- He Shihai.** Handai tuntian dui xibei nongye fazhan de yingxiang [何诗海。汉代屯田对西北农业发展的影响 // 青海社会科学]. Tuntian system influence on the development of agriculture in the north-west. *Qinghai shehui kexue*, 2002, no. 4, pp. 85–87. (in Chin.)
- Hu Xiaopeng, Zheng Xuzhuo.** Bianjiang falü shiye xia de qinhu shenfen [胡小鹏、郑煦卓。边疆法律视野下的秦胡身份 // 社会科学战线]. The identity of Qinhu from the perspective of frontier law. *Shehui kexue zhanxian*, 2017, no. 6, pp. 135–142. (in Chin.)
- Jiang Qingji.** Hexi lidai renkou yanjiu [姜清基。河西历代人口研究。呼和浩特：内蒙古人民出版社]. A Study on the Population of Hexi Corridor Throughout History. Hohhot, Nei Menggu renmin chubanshe, 2008, 229 p. (in Chin.)
- Lai Huaming.** Lun Qin-Han yimin zhengce ji qi lishi zuoyong [赖华明。论秦汉移民政策及其历史作用 // 四川师范大学学报. 社会科学版]. On the immigration policy of the Qin and Han dynasties and its historical role. *Sichuan shifan daxue xuebao. Shehui kexueban*, 1996, no. 23 (4), pp. 77–79. (in Chin.)
- Li Ye.** “Qinhu” bieshi [李焯。“秦胡”别释 // 内江师范学院学报]. Different interpretation of “Qinhu” term. *Neijiang shifan xueyuan xuebao*, 2012, vol. 27, no. 5, pp. 63–66. (in Chin.)
- Liu Guanghua.** Guanyu Handai tuntian de jige wenti [刘光华。关于汉代屯田的几个问题 // 兰州大学学报：社会科学版]. Some issues on tuntian system of Han period. *Lanzhou daxue xuebao: Shehui kexue ban*, 1988, no. 3, pp. 84–90. (in Chin.)
- Ma Xiuying.** Bei Liang Juqu shezu yuan kaobian [马秀英。北凉沮渠氏族源考辨 // 西夏研究]. Beiliang Juqu Clan Source Textual Criticism. *Xixia yanjiu*, 2016, no. 3, pp. 97–103. (in Chin.)
- Sima Qian.** Istoricheskie zapiski: Shi ji. In 9 vols. Transl. and comm. ed. by A. R. Vyatkin. Moscow, Vostochnaya literatura, 1986, vol. 4, 454 p.; 2010, vol. 9, 623 p. (in Russ.)
- Sun Zhan’ao.** Lun Qunqiu Zhanguo shiqi Hexi nongye zhuanxing de yuanyin [孙占鳌。论春秋战国时期河西农业转型的成因 // 西北民族大学学报]. The causes of agricultural transformation in Hexi during the Spring and Autumn and Warring States periods. *Xibei minzu daxue xuebao*, 2014, no. 6, pp. 101–104. (in Chin.)
- Wai Kit Wicky Tse.** Dynamics of Disintegration: The Later Han Empire (25–220 CE) & Its Northwestern Frontier: Diss. of Doctor of Philosophy. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 2012, 352 p.
- Zhang Hongwei.** Hanjian suojian Juyan diqu de renkou goucheng [张宏伟。汉简所见居延地区的人口构成 // 甘肃广播电视大学学报]. Population of Juyan region as seen in Han Dynasty bamboo slips. *Gansu guangbo dianshi daxue xuebao*, 2018, vol. 28, no. 2, pp. 1–8. (in Chin.)
- Xie Zongtao.** Guanyu Handai de jiangeng, zugeng he guogeng [谢宗陶。关于汉代的践更、卒更和过更 // 历史教学]. On the Terms Jian'geng, Zu'geng, and Guo'geng in the Han Dynasty Corvée Labor System. *Lishi jiaoxue*, 1956, no. 12, p. 13. (in Chin.)
- Yang Rongchun.** Cong Lushuihu qiuhao dao Liangwang --- Juqu Mengxun cheng wang shiji shulüe [杨荣春。从卢水胡酋豪到凉王 --- 沮渠蒙逊称王史迹述略 // 宁夏师范学院学报]. From the leader of Lushuihu to the ruler of Liang: a brief outline of the history of the rise of Juqu Mengxun and his proclamation of the royal title. *Ningxia shifan xueyuan xuebao*, 2018, vol. 39, no. 6, pp. 51–57. (in Chin.)

Yang Qianzhu. Han xiong xiyu zhanlüe chengbai de yuanyin [杨倩如。汉匈西域战略成败的原因 // 国际政治科学]. Reasons for the Success and Failure of the Han and Xiongnu Strategy of Conquering the Western Region. *Guoji zhengzhi kexue*, 2016, no. 1 (3), pp. 53–90. (in Chin.)

List of Sources

Shiyusuo cang Juyan hanjian ziliao ku [史語所藏居延漢簡資料庫]. Database of Juyan Hanjians of the Institute of Archeology and Philology. (in Chin.) URL: <https://wcd-ihp.ascdc.sinica.edu.tw/woodslip/index.php> (accessed: 10.12.2025).

Информация об авторе

Екатерина Александровна Гирченко, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57224809685
WoS Researcher ID ITR-9951-2023
RSCI Author ID 821099
SPIN 3321-4579

Information about the Author

Ekaterina A. Girchenko, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57224809685
WoS Researcher ID ITR-9951-2023
RSCI Author ID 821099
SPIN 3321-4579

*Статья поступила в редакцию 17.01.2026;
одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted on 17.01.2026;
approved after reviewing on 03.02.2026; accepted for publication on 10.02.2026*

Научная статья

УДК 904(515,7)+94(=512.3)

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-133-145

Высокогорные маршруты Великого шелкового пути: новые данные по могильникам Жэшуй, провинция Цинхай, Китай

Сергей Александрович Комиссаров¹
Александр Иванович Соловьев²

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Аннотация

Представлена общая ситуация с исследованием уникального памятника эпохи раннего и развитого Средневековья – группы (кластера) могильников Жэшуй в пров. Цинхай. В тот период местность населяли сяньбэйские *туйюхунь*, находившиеся в вассальной зависимости от раннетибетского государства Тубо. Могилы вырезаны в каменистой поверхности Цайдамской котловины, на высоте 3 400–3 500 м над уровнем моря. Такая обстановка дает возможность исследовать полученные материалы с точки зрения хозяйственной адаптации населения к высокогорным условиям, в частности налаживания новых маршрутов Великого шелкового пути. Несмотря на то, что могилы Жэшуй неоднократно грабили, они сохранили богатый погребальный инвентарь. Большое количество в его составе шелковых тканей с рисунками и надписями, может служить указанием на основной экспортно-импортный товар, а обилие изделий из золота, серебра, бирюзы и т. п. – на исключительную выгоду такой торговли. На основании этих находок можно предположить, что проложенный через высокогорье «цинхайский коридор» Шелкового пути функционировал на постоянной основе, дополняя главное хэсуйское направление, а не только спорадически, когда маршрут через Ганьсу перекрывали кочевники.

Ключевые слова

Великий шелковый путь, Тубо (государство), *туйюхунь*, могильники Жэшуй, золотые украшения, бирюза

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121-П «Связи между культурами Сибири и Северного Китая в эпоху древности и раннего средневековья по данным археологии», <https://rscf.ru/project/22-78-10121-П>

Для цитирования

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Высокогорные маршруты Великого шелкового пути: новые данные по могильникам Жэшуй, провинция Цинхай, Китай // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 133–145. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-133-145

High-Altitude Routes of the Great Silk Road: New Data on the Reshui Burial Grounds, Qinghai Province, China

Sergei A. Komissarov¹, Aleksandr I. Solovyev²

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Abstract

The article presents a study of the general situation of a unique site of the first half of the Middle Ages – the group (cluster) of the Reshui burial grounds in Qinghai Province, China. At that time, the area was inhabited by the Xianbei Tuyuhun tribes, who had come there from Manchuria at the beginning of 4th century AD, and then, in 7th century were conquered and controlled by the early Tibetan state of Tubo. The graves were carved into the rocky surface of the Tsaidam (Chaidamu) Basin, at an altitude of 3,400–3,500 metres above sea level. This setting provides an opportunity to explore the materials from the perspective of the population's adaptation to high-altitude conditions, particularly the establishment of new routes along the Great Silk Road. Despite the fact that Reshui graves were repeatedly robbed, nevertheless, they preserved a rich burial inventory. Large graves were accompanied by pits and trenches with dozens of sacrificed domestic animals, mostly horses. The large number of silk fabrics with drawings of different styles and inscriptions in many languages may indicate the main export–import goods (textile), while the abundance of gold, silver, turquoise, and other precious items may indicate the exceptional benefits of such trade. Based on these findings, it can be assumed that the “Qinghai Corridor” of the Silk Road, which ran through the highlands, was a permanent route that supplemented the main “Hexi route”, rather than being used sporadically when the way through Gansu was blocked by nomadic peoples.

Keywords

The Great Silk Road, Tubo (state), *Tuyuhun*, Reshui Burial Grounds, golden ornaments, turquoise

Acknowledgements

This study was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation (RSF), grant no. 22-78-10121-П “Connections between the cultures of Siberia and Northern China in the Antiquity and Early Middle Ages (based on the archaeological data)”, <https://rscf.ru/project/22-78-10121-П>

For citation

Komissarov S. A., Solovyev A. I. High-Altitude Routes of the Great Silk Road: New Data on the Reshui Burial Grounds, Qinghai Province, China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 133–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-133-145

Могильник или, точнее, кластер могильников Жэшуй на Цайдамском плато получил название по наименованию волости (Жэшуй можно перевести на русский язык как Горячегорск) в составе уезда Дулань, Хайси-Монгол-Тибетского автономного округа, пров. Цинхай (КНР). Он расположен на обоих берегах р. Чаган-Ус (Цаган-Ус) на высоте 3 400–3 500 м над уровнем моря и состоит из примерно 160 могил на северном берегу и ок. 30 – на южном [Тун Тао, 2012, с. 467]), датированных в рамках широкого периода раннего Средневековья (VI–VIII вв.), когда данная местность контролировалась Тибетским государством (Тубо). Исследования показали, что как минимум часть могил принадлежала представителям народа *туйхуней*¹. Согласно историко-географическим данным письменных и эпиграфических источников, присутствие данного этноса в районе Кукунора можно разделить на три больших этапа: создание в 329 г. собственного государства, проводившего независимую и весьма

¹ *Ни Жуньань*. Цинхай дулань жэшуй муцзюнь [倪润安. 青海都兰热水墓群 // 北京大学考古文博学院]. Могильники Жэшуй, у. Дулань, пров. Цинхай // Сайт Шк. археологии и музееведения Пекинского ун-та. (на кит. яз.) URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/info/1030/3490.htm> (дата обращения 01.01.2026).

агрессивную политику; поражение от *тубосцев* в 635 г. и переход в статус вассала Тибетской империи; окончательный разгром этого государства тибетцами в 663 г., когда часть *туйюхуней* бежала на север под защиту Великой Тан, но многие осталась на прежнем месте, сохранив тесные связи и даже частичный вассалитет еще на некоторое время (точная дата обсуждается, но она определенно не ранее середины VIII в.) [Чэн Цицзюнь, 2003]. Вследствие культурной и исторической близости двух народов детальная атрибуция археологических находок района Жэшуй часто носит дискуссионный характер. Но, перед тем как обратиться к их представлению и анализу, мы считаем необходимым уточнить наиболее адекватное, на наш взгляд, произношение и, соответственно, транскрипцию двух этнополитических названий: *тубо* и *туйюхунь*, – которые занимают исключительное место в описании событий в обозначенный выше период.

Термином *тубо* (吐蕃) в научной литературе обозначают племена тибетцев периода поздней Древности и Средневековья, которые в конце VI – начале VII в. создали централизованное государство Тубо во главе с правителями-цэмо; таким образом, этноним стал еще и политонимом. Но иероглиф 蕃 имеет второе чтение (*фань*), вероятно, более раннее. Поэтому во многих китайских и большинстве западных исследований использовался вариант произношения / транскрипции *туфань*. В отечественной литературе этот термин утвердился с легкой руки о. Иакинфа (Бичурина) (см.: [История Тибета..., 1833, с. 124 и далее]), ему следовали многие российские ученые, включая и авторов данных строк. На карте исторической Азии, изданной Карлом фон Спрунером в 1865 г., Тибет значится как Reich der Tufan, хотя ниже указано также название Tobba². Однако в последние десятилетия большинство китайских, а с их подачи – и западных ученых отказались от варианта *туфань*, поскольку пришли к выводу, что второй вариант лучше соответствует самоназванию тибетцев *бод-на* (люди Бод). По этому поводу прошло обсуждение, особенно оживленное в Интернете³. Однако к настоящему времени дискуссии закончились, и чтение этнонима / политонима как *тубо* закрепилось в словарях и энциклопедиях [Ван Фужэнь, 1986], в том числе электронных⁴. Несколькими десятилетиями раньше подобная процедура была осуществлена в китайской историографии с транскрипцией иероглифов 鲜卑 (отказ от чтения *сяньби* в пользу *сяньбэй*) [Цзя Цзиньянь, 1986]⁵.

Далее мы обозначим свою позицию по поводу *сяньбэйских туйюхуней*. В своей монографии Б. А. Илюшин приводит реконструкции филологов, дающие основание для произношения *тузухунь*, которое он предполагает использовать в качестве дополнительного [Илюшин, 2023, с. 4]. Никким образом не ставя под сомнение такую возможность, мы все же далее будем использовать наиболее распространенный в современной литературе термин *туйюхунь*, поскольку его выбрали китайские ученые и закрепили данную транскрипцию в авторитетных

² Spruner v. Merz K. Asien vom VI^{ten} bis in die erste Haelfte des IX^{ten} Jahrhundert's. Zeit der grössten Ausdehnung des Kalifen Reiches; des Reiches Tufan oder Tübet und der Chang Dynastie in China // Site of Wikimedia Commons. 16.03.2011. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:1855_Spruner_Map_of_Asia_During_Chang_Dynasty_China_\(Tufan_Tibet\)_-_Geographicus_-_AsienVIXI-spruneri-1855.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:1855_Spruner_Map_of_Asia_During_Chang_Dynasty_China_(Tufan_Tibet)_-_Geographicus_-_AsienVIXI-spruneri-1855.jpg) (дата обращения 01.01.2026).

³ Тубо даоди ши нянь «бо» хайши «фань» [吐蕃到底是念“bo”还是“fan” // 百度知道]. В конце концов, [иероглифы] 吐蕃 читаются «бо» или «фань»? // Форум «Байду» (эл. энцикл.). 04.06.2018. (на кит. яз.) URL: <https://zhidao.baidu.com/question/374319119054300884.html> (дата обращения 01.01.2026).

⁴ Тубо [吐蕃 // 百度百科]. [Государство] Тубо // Байду байкэ (эл. энцикл.). 09.09.2025. (на кит. яз.) URL: <https://baike.baidu.com/item/吐蕃/618622>; Тубожэнь [吐蕃人 // 百度百科]. *Тубосцы* // Байду байкэ (эл. энцикл.). 20.06.2025. (на кит. яз.) URL: <https://baike.baidu.com/item/吐蕃人/2259877?fr=aladdin> (дата обращения 01.01.2026).

⁵ В данном случае могу сослаться на собственный опыт. В 1987 г., в ходе долгосрочной командировки в Китай, мне довелось в Институте археологии АОН КНР обсудить целый ряд вопросов с выдающимися учеными Ян Хуном и У Энем. Мы обменялись мнениями по поводу использования боевых колесниц, находок карасукских кинжалов в Байфу, особенностей вооружения терракотовой армии и т. д. Однако когда я, исходя из отечественной традиции, задал вопрос о новых памятниках *сяньби*, то возникла заминка. И только когда мы смогли выяснить, что речь идет о *сяньбэй*, то после того, как хозяева отсмеялись, разговор был продолжен. И кому-то нужно повторение такой ситуации? – С. К.

энциклопедиях [Цянь Ичжи, 1986]⁶ и словарях⁷. А в профессиональном диалоге использование устаревших терминов, как уже говорилось, может привести к изрядной путанице.

Определившись с названиями этнокультурных групп, мы можем перейти к представлению созданных ими памятников. Следует отметить, что ввиду огромных размеров могильника, а также трудных бытовых условий и сложностей в проведении работ исследования в Жэшуй проводились с большими перерывами и на сравнительно небольших площадях. До сих пор нет единого плана и маркировки раскопок, что создает немалые сложности для интерпретации полученных данных. В то же время сам материал настолько богат и информативен, что позволяет сформулировать целый ряд важных выводов и предварительных гипотез.

Первые обследования были проведены еще в 1982 г. – год официального открытия памятника, обнаруженного благодаря информации от местных пастухов. В последующие три года были организованы первые раскопки верхней части «большой могилы № 1» и прилегающих к ней малых могил и жертвенных ям⁸. Высота насыпи с обозначенными уступами на ее склонах достигает 35 м; внутри устроен прямоугольный карман, выложенный камнем и перекрытый жердями, с остатками ок. 70 костяков принесенных в жертву животных (КРС, баранов, собак, лошадей). Рядом с могилой находится еще пять траншей с выложенными в ряд скелетами 87 лошадей, 13 ям с головами и копытами быков, восемь – с целыми костяками собак и т. п. [Тун Тао, 2012, с. 469]⁹. В составе инвентаря выделяются до 350 фрагментов текстильных изделий, покрытых сложным рисунком (рис. 1, 5)¹⁰. Интересно отметить, что кайма ткани, подобная найденной в «большой могиле», украшает наряд тубоского посла на картине, запечатлевшей «приношение дани» танскому императору в 634 г. [Линь Мэйцунь, 2017, с. 239–240]. Для найденных серебряных позолоченных пластин наборного пояса (рис. 1, 2) китайские археологи указали аналоги среди находок в могиле Доу Цзяо (дата 646 г.), кузена танского императора Тай-цзуна, и в собрании Бостонского музея искусств (дата конец VI – начало VII в.). А фигура всадника, преследующего оленя (рис. 1, 1), найденная в грабительском выбросе из центральной камеры могилы, стала одним из узнаваемых символов памятника Жэшуй в целом. Хронологию могилы уточнил Тун Тао [2012, с. 473]. Отталкиваясь от дат 611–784 гг. по скорректированной дендрохронологической шкале, полученных в 2000 г. для семи образцов из сопредельных могил [Ван Шучжи, 2004], он сопоставил (в основном по рисункам на ткани) некоторые фрагменты шелка из «Большой могилы № 1» с образцами из хорошо датированных захоронений Цинхая и Синьцзяна, получив в итоге даты в промежутке с 589 по 610 г., но для большей части находок – вторую половину VII в.

Дальнейшие дендрохронологические изыскания позволили фактически поставить точку в спорах о хронологии объекта. Для анализа были отобраны 16 образцов, взятых из деревянных жердей перекрытия могилы (вытесанных из древесины можжевельника Пржевальского,

⁶ *Theobald U.* Tuyuhun // ChinaKnowledge.de – An Encyclopaedia of Chinese History, Literature and Art. 09.02.2013 [see: Sources]. URL: <http://www.chinaknowledge.de/History/Alteratuyuhun.html> (дата обращения 01.01.2026); Туюйхунь [吐谷浑 [tu yu hun] // 百度百科]. *Туюйхунь* // Байду байкэ (эл. энцикл.). 23.09.2025. (на кит. яз.) URL: <https://baike.baidu.com/item/吐谷浑/17331> (дата обращения 01.01.2026).

⁷ Туюйхунь [吐谷浑 // 汉典]. *Туюйхунь* // Хань дянь [Классический словарь китайского языка]. (на кит. яз.) URL: <https://www.zdic.net/hans/吐谷浑> (дата обращения 01.01.2026).

⁸ Памятник не был полностью раскопан, поэтому полный отчет о раскопках не опубликован. В настоящее время ведутся масштабные работы по его до-обследованию. См.: [Хань Цзяньхуа и др., 2024].

⁹ Ю цинхай тань гуму: Дулань жэшуй муцюнь (и) – жэшуй ихао даму [游青海探古墓 | 都兰热水墓群 (一) — 热水一号大墓]. Путешествуя по Цинхаю, изучать древние могилы: Могильники Жэшуй в у. Дулань (1) – Большая могила № 1 в Жэшуй // Подготовлено Музеем пров. Цинхай; на платформе «Вэйсинь». 25.02.2023. (на кит. яз.) URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI2NDk2MTUyMQ==&mid=2247560462&idx=1&sn=f271416de3f80b9eafe1f375afc69490&chksm=eaa70190ddd0888673001b33945a1ad1f19f583c7e88ea67b2ad83af92cbccc58d6a1db8cfc5&cur_album_id=2118163342652407811&scene=189#wechat_redirect (дата обращения 01.01.2026).

¹⁰ Находкам текстильных материалов в Жэшуй будет посвящена отдельная статья.

Рис. 1. Погребальный инвентарь могилы 2018DRXM1 и «большой могилы № 1» (отмечен знаком #):

1 – серебряные фигурки конного охотника и оленя, обклеенные золотой фольгой; 2 – вверху наборный пояс (#), внизу – аналогии (см. текст статьи); 3 – золотая накладка на переднюю луку седла; 4 – серебряная бляха, покрытая золотой фольгой, с фигурой оленя; 5 – образцы текстиля (#); 6 – золотая 8-гранная бляха с вензелем; 7 – печать из электра и ее оттиск. По: [Хань Цзяньхуа и др., 2021, с. 64, 63, 63, 60–61; Жэшуй муцюнь, 2026].

Здесь и далее: рисунки подготовлены к печати А. И. Соловьевым по материалам китайской научной периодики и сетевых ресурсов

Fig. 1. Burial inventory from the grave 2018DRXM1 and “large grave no. 1” (marked with a sign #):

1 – silver figurines of a mounted hunter and a deer, covered with gold foil; 2 – at the top belt set (#) is presented, with analogies at the bottom (see the text of the article); 3 – gold patch on the front saddlebow; 4 – silver plaque, covered with gold foil, with the figure of a deer; 5 – textile samples (#); 6 – gold 8-faceted plaque with a monogram; 7 – electrum seal and its imprint. As per: [Han Jianhua et al., 2021, pp. 64, 63, 63, 60–61; Reshui muqun, 2026].

Here and below, all the drawings were prepared for publication by A. I. Solovyev based on materials from Chinese scientific journals and online resources

Juniperus przewalskii Kom.), которые соотнесли с хорошо откалиброванной шкалой для исследуемого региона, в результате чего установили, что деревья (кусты), использованные в строительстве, были срублены в конце 715 г.; соответственно, могила построена немногим позднее. Но хотя гробница датирована временем после официального упразднения вассального государства, это не исключает того, что в ней был захоронен представитель туюйхуньской аристократии, руководивший областью под прямым контролем тибетских (тубоских) правителей [Li Mingqi et al., 2015].

Следующие раскопки были организованы только в 1999 г. для аварийного изучения четырех могил, сильно разрушенных грабителями. Среди находок – деревянные элементы конструкции и расписные планки гробов и саркофагов. Дошедший до нас погребальный инвентарь довольно обилен, несмотря на грабеж, и содержит серебряные пластины и бляхи, позолоченные или покрытые золотой фольгой, бронзовые пряжки и крючки, бирюзовые бусы, лаковые чашки, деревянные раскрашенные фигурки всадников (один из них – в чешуйчатом доспехе), фрагменты шелковой ткани, кожаные сапоги и пояса, керамику. К наиболее важным находкам относятся деревянные дощечки и каменные блоки с тибетскими письменами, в которых содержатся указания на титулы и высокую (в ранге министра) должность погребенных. Из трех могил удалось получить образцы для анализа митохондриальной ДНК; по этому показателю погребенные оказались наиболее близки современным тибетцам. Соответственно, делается вывод о том, что раскопанные в сезон 1999 г. могилы принадлежали представителям тубоской знати середины VIII в. [Дулань тубо му, 2005].

Палеогенетические исследования были продолжены в 2020-х гг. Данные по девяти образцам из могил в Жэшуй, с погребальными конструкциями разного типа, выявили наибольшую близость генотипа населения Цайдама того периода¹¹ к современным тибетцам как центральной части автономного района, так и горским этническим группам юго-западных Гималаев (Мустанг и т. д.), с возможными контактами с тюрко-монгольским населением Центральной Азии [Zhu Kongyang et al., 2022]. Релевантность полученных выводов несколько снижает, на наш взгляд, тот факт, что образцы для анализа взяты из недостаточно изученных могил, а также явная оглядка авторов публикации на историческую канву, известную по письменным источникам.

Отдельные наблюдения проводились на памятнике в 2014 г. А в 2018 г. в рамках очередного «спасательного» сезона на территории высокогорного пастбища Сюэвэй вскрыли наиболее богатое и, в целом, хорошо опубликованное захоронение со сложным названием «могила № 1 в Сюэвэй, [сезон] 2018 г.» (код 2018DRXM1), которую следует отличать от «большой могилы № 1». Именно на этом памятнике получены наиболее эффектные артефакты [Хань Цзяньхуа и др., 2021; Хань Цзяньхуа, 2022]. Конструкция погребального комплекса сильно повреждена грабительскими лазами, но им не удалось полностью разрушить ее мощную основу. Подземный основной склеп и четыре боковых камеры, соединенные коридорами, демонстрируют ханьское влияние (рис. 2, 2), высокая земляная насыпь и деревянные перекрытия (рис. 2, 1) берут начало в погребальной архитектуре центральноазиатских кочевников, а каменные кладки напоминают о гробницах ярлунгских *цэнно*. В состав единого комплекса входит также яма для жертвоприношений с останками лошадей, коров, антилоп и яков (рис. 2, 3).

Внутри могилы обнаружено свыше 1 000 артефактов: золотые, серебряные, бронзовые и железные изделия, лакированные предметы из дерева, стеклянные бусы (среднеазиатского происхождения)¹², а также кожаные, нефритовые, и текстильные изделия. Многочисленные фрагменты шелка покрыты рисунками в позднем эллинистическом стиле, а также надписями на китайском, тибетском, персидском и арабском языках. Золото представлено как в виде литых сосудов (рис. 3, 1, 7)¹³, так и в виде листочков фольги, которыми оклеивали бронзовую или серебряную основу (рис. 1, 4; 2, 4). Для инкрустации и вставок широко использовалась бирюза (рис. 3, 2–4, 6). Судя по цвету, она могла поступать из сравнительно близкого месторождения Хэйшаньлин в Синьцзяне, где разработки этого минерала велись уже в эпоху Чжоу¹⁴. В оформлении ажурных пластин, блях и подвесок прослеживается влияние разных культурных традиций: условно говоря, от «степных» (рис. 1, 4, 2, 4, 6) и ханьских (рис. 1, 3, 3, 5) до среднеазиатских (рис. 1, 6), иранских (сасанидских) (рис. 2, 5) и, возможно, даже индийских (рис. 2, 7). Особое внимание привлекает печать из электра с фигурой верблюда и тибетской надписью, которая гласит: «племянник ачайского вана» (рис. 1, 7). Вероятно, могила 2018DRXM1 принадлежала туюйхуньскому наместнику, вассальному по отношению к государству Тубо, получившему печать как знак инвеституры (ср.: [Komissarov et al., 2025]). Упомянутый в надписи «племянник» – термин не родства, а подчинения, этноним «ачай» (*ачайлу*) – одно из названий для *туюйхуней* в китайских летописях (например, в «Цзинь шу») (см.: [Хань Цзяньхуа, 2022, с. 86]). Изображение верблюда, признанного символа караванной торговли [Комиссаров, Соловьев, 2022], могло служить указанием на главную хозяйственную функцию данного владения.

¹¹ Для взятых образцов проведены AMS-датировки, которые после калибровки объединены в рамках периода 1308–1130 л. н.

¹² Бусы были изготовлены в районе Памира, а затем по южной ветке Великого шелкового пути попали в Цинхай [Du Xingyu et al., 2025].

¹³ Кувшин (кумган) и чаша с ручкой, вероятно, согдийского происхождения [Фу Чэнчжан, 2024]. Аналогичные чаши с ручкой из драгоценных металлов согдийского производства были найдены на танских памятниках в районе современного г. Сианя, дата изготовления вторая половина VII – начало VIII в. [Ци Дунфан, 1998, с. 155–156].

¹⁴ 2,200-yr-old turquoise mining site unearthed in Xinjiang // ИА Синьхуа; на сайте Интернет-центра при Госсовете КНР. 09.02.2019. URL: http://www.china.org.cn/arts/2019-02/09/content_74449544.htm (дата обращения 01.01.2026).

Рис. 2. Погребальные конструкции и инвентарь в могиле 2018DRXM1:

1 – детали конструкции склепа; 2 – проход из основной камеры в северное боковое хранилище № 2; 3 – траншея с костяками принесенных в жертву лошадей; 4 – серебряная фигурка всадника, покрытая золотой фольгой; 5 – золотая, с бирюзовыми вставками, фигурка слона; 6 – золотая ажурная пластина с изображением горного козла; 7 – серебряная ажурная пластина с изображением феникса. По: [Хань Цзяньхуа и др., 2021, с. 51, 57, 54, 63, 64, 63, 65]

Fig. 2. Funeral structures and inventory in the grave 2018DRXM1:

1 – details of the sepulcher's construction; 2 – passage from the main chamber to the northern side vault no. 2; 3 – trench with the skeletons of sacrificed horses; 4 – a silver figure of a rider covered with gold foil; 5 – a gold figure of an elephant with turquoise inlays; 6 – a gold openwork plate depicting a mountain goat; 7 – a silver openwork plate depicting a phoenix. As per: [Han Jianhua et al., 2021, pp. 51, 57, 54, 63, 64, 63, 65]

В 2023 г. начаты раскопки могилы № 37 (называемой также «могилой в овчарне»). По предварительным оценкам, это самое большое захоронение в составе могильника. В настоящее время работы продолжаются¹⁵. Их результаты, равно как и итоги дообследования «большой могилы № 1», будут представлены нами в специальном докладе.

Подводя предварительные итоги по вынужденно краткому обзору, подчеркнем, что в сложном, многокомпонентном характере культуры *туяйхуней* отразилась не только их насыщенная этнополитическая история [Escher, 2019, p. 56–57], но и характеристика одного из главных источников их богатства. Многочисленные свидетельства взаимодействия разных культур (тибетской, ханьской, иранской и др.) в едином комплексе, указывающие на контакты между отдаленными регионами, позволили сделать вывод о том, что в районе Дулань начиная с периода Северных и Южных династий и до династии Тан включительно (возможно, что и на столетия позднее) находился важный транзитный центр на Великом шелковом пути. Большое количество шелковых тканей с рисунками и надписями может служить указанием на основной экспортно-импортный товар, а обилие драгоценных металлов – на исключительную выгоду такой торговли. Некоторые археологи и, особенно, журналисты даже

¹⁵ Байма Янцзо, Гэн Хуйхуан. Цинхай дулань жэшуй муцзюнь фасянь муцянь линъюань гуймо цзуйда муцзан [白玛央措、耿辉凰. 海都兰热水墓群发现目前陵园规模最大墓葬 // 新华网]. На могильниках Жэшуй, у. Далань, пров. Цинхай найдено самое масштабное на сегодняшний день погребение в составе некрополя // ИА Синьхуа; обществ. депозитарий текстов «Байцзяхао». 25.02.2024. (на кит. яз.) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1791853744680750826&wfr=baik> (дата обращения 01.01.2026).

Рис. 3. Погребальный инвентарь могилы 2018DRXM1:

1 – золотой кувшин; 2 – золотая брошь, инкрустированная бирюзой и аметистами; 3 – золотая заколка с инкрустацией бирюзой; 4 – агатовые бусы с бирюзовой вставкой; 5 – золотой кулон в форме «листа абрикосового дерева»; 6 – золотые детали (нос, рот) лицевой маски, инкрустированные бирюзой; 7 – золотая чаша с ручкой. По: [Хань Цзяньхуа и др., 2021, с. 61–62, 62, 62, 68, 64, 64–65, 60–62]

Fig. 3. Burial inventory of grave 2018DRXM1:

1 – gold jug; 2 – gold brooch inlaid with turquoise and amethysts; 3 – gold pin with turquoise inlay; 4 – agate beads with one turquoise insert; 5 – gold pendant in the shape of “apricot tree leaf”; 6 – gold details (nose, mouth) of the face mask inlaid with turquoise; 7 – gold cup with a handle. As per: [Han Jianhua et al., 2021, pp. 61–62, 62, 62, 68, 64, 64–65, 60–62]

стали утверждать, что «цинхайский коридор» на этом пути играл «никак не меньшую роль», чем «хэсийский»¹⁶. Это, конечно, преувеличение. И многочисленные упоминания в исторических документах, и обилие археологических находок свидетельствуют в пользу приоритетного направления Шелкового пути в Западный край через Хэси («ганьсуский коридор»), тем более что отдельные ценности могли попасть к тибетским племенам не только через торговлю, но и в качестве дани или военных трофеев. Ведь период VII–VIII вв. – эпоха Великого Тибета, войска которого ходили походами и на Кашгар, и на Чанъань [Кычанов, Мельниченко, 2005, с. 19–23; Илюшин, 2023, с. 210–214]. То, что можно уверенно констатировать на основании имеющихся находок, включающих импортные изделия на протяжении всего периода образования могильника, – это функционирование «цинхайского коридора» на постоянной основе, дополняющего основное хэсийское направление, а не только спорадически, когда Ганьсуский коридор перекрывался кочевниками (см.: [Сюй Синьго, 2006, с. 142–147]). Эту магистраль дополняли пути, крест-накрест связывавшие северные и южные регионы владения *туйхуней* и окрестные территории [Го Шэнбо, Су Ян, 2020].

В целом, памятник Жэшуй, собрав в себе целую сокровищницу роскошного материала, параллели которому как в сюжетах, так и в стилистике (наряду с массовым закланием различных животных), можно сказать, веером уведат исследователя в сторону культурного на-

¹⁶ Байма Янцзо, Гэн Хуйхуан. Цинхай дулань жэшуй муцунь: цзайсянь сычжоу чжи лу дунсифан вэньхуа цзяолю шэнцзин [白玛央措、耿辉凰. 青海都兰热水墓群：再现丝绸之路东西方文化交流盛景 // 新华网]. Могильники Жэшуй, у. Дулань, Цинхай: Воссоздание замечательной картины культурного обмена между Востоком и Западом по Великому шелковому пути // ИА Синьхуа онлайн. 04.03.2024. (на кит. яз.) URL: <https://www.xinhuanet.com/local/20240304/0808f680a1de4796ba0d03f22b7450e8/c.html> (дата обращения 01.01.2026).

следея исторически разных групп населения как близких, так и отдаленных территорий. Это дает как бы мгновенный слепок сложной мультикультурной и даже эклектичной обстановки в регионе, пронизанной перипетиями военных походов и маршрутов торговых путей, который в русле известного определения можно назвать «златокипящим». Вместе с тем ряд находок и воплощенные на них образы и сюжетные построения могут послужить стимулом для переоценки некоторых композиционных решений в реконструкциях конского убранства, существующих еще с 1950-х гг., и внести коррективы во взгляды на корни происхождения и принадлежность ряда предметов торовтики скотоводческого населения Южной Сибири.

Список литературы

- Илюшин Б. А.** История Тогона (кукунорских сянбийцев Тууйхунь). Новосибирск: НГУ, 2023. 312 с.
- История Тибета и Кукунора с 2282 года до Р. Х. до 1227 года по Р. Х. / Пер. с кит. монаха Иакинфа Бичурина. СПб.: При Имп. Академии наук, 1833. Ч. 1. 258 с.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** След золотого верблюда близ Мавзолея Цинь Шихуанди // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 50–61. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-50-61
- Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.** История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Линь Мэйцунь.** 15 лекций об археологии Великого шелкового пути / Пер. с кит. А. А. Перловой. М.: Шанс, 2017. 375 с.
- Du Xingyu, Han Jianhua, Wang Qianqian, Cui Jianfeng.** Ancient glass on the silk road's Qinghai route: scientific analysis of glass beads unearthed from Xuewei tomb no. 1 at the Reshui cemetery in 2018 // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2025. Vol. 17, no. 7. Article 149. 17 p.
- Escher J.** New Information on the Degree of “Sinicization” of the Tuyuhun Clan during Tang Times through Their Marriage Alliances: A Case Study Based on the Epitaphs of Two Chinese Princesses // *Journal of Asian History*. 2019. Vol. 53, no. 1. P. 55–96.
- Komissarov S. A., Solovyev A. I., Solovyeva E. A.** A Sealed History // *SCIENCE First Hand*. 2025. № 2. P. 114–131.
- Li Mingqi, Shao Xiaomei, Yin Zhi-Yong, Xu Xinguo.** Tree Ring Dating of the Reshui-1 Tomb in Dulan County, Qinghai Province, North-West China // *PLoS ONE*. 2015. 10 (8). e0133438. 16 p. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0133438> (дата обращения 01.01.2026).
- Zhu Kongyang, Du Panxin, Li Jiuyan, Zhang Jianlin, Hu Xiaojun, Meng Hailiang, Chen Liang, Zhou Boyan, Yang Xiaomin, Xiong Jianxue, Allen E., Ren Xiaoying, Ding Yi, Xu Yiran, Chang Xin, Dong Guanghui, Wang Chuan-Chao, Wen Shaoqing.** Cultural and demic co-diffusion of Tubo Empire on Tibetan Plateau // *iSCIENCE*. 2022. Vol. 25, iss. 12. Article 1066.
- Ван Фужэнь.** Тубо [王辅仁。吐蕃 // 中国大百科全书: 民族 / 包尔汉主编]. *Тубо* // Чжунго дабайкэ цюаньшу [Большая Кит. энцикл.: Этносы] / Гл. ред. Бао Эрхань. Пекин; Шанхай: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1986. С. 437–459. (на кит. яз.)
- Ван Шучжи.** Цинхай дулань дицюй гунцянь 515 нянь илай шуму няньлуньбяодэ цзяньли юй иньюн [王树芝。青海都兰地区公前 515 年以来树木年轮表的建立及应用 // 考古与文物]. Создание и применение дендрохронологической таблицы, начиная с 515 г., для округа Дулань, пров. Цинхай // *Каогу юй вэньу*. 2004. № 4. С. 45–50. (на кит. яз.)
- Го Шэнбо, Су Ян.** Тууйхунь цзяотун гэцзюй синьлунь [郭声波、苏阳。吐谷浑交通格局新论 // 黑龙江社会科学]. Новые суждения о планировке путей сообщения [владения] Тууйхунь // *Хэйлунцзян шэхуй кэсюэ*. 2020. № 5. С. 134–146. (на кит. яз.)

- Дулань тубо му [都兰吐蕃墓]. Тубоские могилы в у. Дулань. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2005. VIII, 171 с. (на кит. яз.)
- Сюй Синьго.** Сичуй чжи ди юй дунсифан вэньмин [许新国. 西陲之地与东西方文明]. Земли Западных окраин и цивилизации Востока и Запада. Пекин: Бэйцзин яньшань чубаньшэ, 2006. 388 с. (на кит. яз.)
- Тун Тао.** Цинхай дулань жэшуй ихао дамудэ синчжи, няндай цзи му чжужэнь шэньфэнь таньтао [仝涛. 青海都兰热水一号大墓的形制、年代及墓主人身份探讨 // 考古学报]. Обсуждение структуры, датировки, а также общественного положения погребенного для большой могилы № 1 в Жэшуй, у. Дулань, пров. Цинхай // Каогу сюэбао. 2012. № 4. С. 467–488. (на кит. яз.)
- Фу Чэнчжан.** Цинхай дулань жэшуй муцюнь 2018 сюэвэй ихао му чуту паньчжи цзинь бэй као – цзяньтань туюйхунь юй сутэдэ шанмао гуаньси [付承章. 青海都兰热水墓群 2018 血渭一号墓出土鍍指金杯考 – 兼谈吐谷浑与粟特的商贸关系 // 故宫博物院院刊]. Изучение золотой чаши с рукоятью, найденной в могиле № 1 в Сюэвэй [в сезон] 2018 г., могильники Жэшуй, у. Дулань, пров. Цинхай – с параллельным обсуждением торговых связей *туюйхуней* и согдийцев // Гугун боюань юанькань. 2024. № 1. С. 43–52, 166. (на кит. яз.)
- Хань Цзяньхуа.** Цинхай дулань жэшуй муцюнь 2018 сюэвэй ихао му мучжу као [韩建华. 青海都兰热水墓群 2018 血渭一号墓墓主考 // 中原文物]. Разыскание о «хозяине» могилы № 1 в Сюэвэй, [сезон] 2018 г. на могильниках Жэшуй, у. Дулань, пров. Цинхай // Чжуньюань вэнь. 2022. № 1. С. 83–90. (на кит. яз.)
- Хань Цзяньхуа, Бай Вэньлун, Чжоу Цзин, Цай Жуйчжэнь, Чэнь Цзунжуй, Ши Цзин, Чжан Гаогуан.** Цинхай дулань жэшуй муцюнь сюэвэй ихао му 2021–2022 нянь цинли цзяньбао [韩建华、白文龙、周静、蔡瑞珍、陈宗瑞、石晶、张杲光. 青海都兰热水墓群血渭一号墓2021~2022年清理简报 // 考古与文物]. Краткий отчет об исследовании в 2021–2022 гг. могилы № 1 в Сюэвэй, волость Жэшуй, у. Дулань, пров. Цинхай // Каогу юй вэнь. 2024. № 4. С. 31–44. (на кит. яз.)
- Хань Цзяньхуа, Бай Вэньлун, Чжэнь Цян, Ши Цзин, Чжан Гаогуан.** Цинхай дуланьсянь жэшуй муцюнь 2018 сюэвэй ихао му [韩建华、白文龙、甄强、石晶、张杲光. 青海都兰县热水墓群 2018 血渭一号墓 // 考古]. Могила № 1 в Сюэвэй, [сезон] 2018 г. на могильниках Жэшуй, у. Дулань, пров. Цинхай // Каогу. 2021. № 8. С. 45–70. (на кит. яз.)
- Цзя Цзиньянь.** Сяньбэй [贾敬颜. 鲜卑 // 中国大百科全书: 民族 / 包尔汉主编]. *Сяньбэй* // Чжунго дабайкэ цюаньшу [Большая Кит. энцикл.: Этносы] / Гл. ред. Бао Эрхань. Пекин; Шанхай: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1986. С. 477–478. (на кит. яз.)
- Ци Дунфан.** Тандай сутэши цзинь инь ци яньцзо [齐东方. 唐代粟特式金银器研究 // 考古学报]. Изучение золотых и серебряных изделий согдийского типа периода Тан // Каогу сюэбао. 1998. № 2. С. 153–170. (на кит. яз.)
- Цянь Ичжи.** Туюйхунь [芊一之. 吐谷浑 // 中国大百科全书: 民族 / 包尔汉主编]. *Туюйхунь* // Чжунго дабайкэ цюаньшу: Миньцзу [Большая Кит. энцикл.: Этносы] / Гл. ред. Бао Эрхань. Пекин; Шанхай: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1986. С. 459. (на кит. яз.)
- Чэн Цицзюнь.** Тубо чжисядэ «туюйхунь банго» чутань [程起骏. 吐蕃治下的“吐谷浑邦国”初探 // 中国藏学]. Предварительное обсуждение «вассального государства *туюйхуней*» под управлением Тубо // Чжунго цзансюэ. 2003. № 3. С. 67–70, 114. (на кит. яз.)

Список источников

- Жэшуй муцюнь [热水墓群 // 百度百科]. Могильники в Жэшуй // Байду байкэ (эл. энцикл.). 05.02.2026. (на кит. яз.) URL: <https://baike.baidu.com/item/热水墓群/8218807> (дата обращения 06.02.2026).

References

- Cheng Qijun.** Tubo zhixiade “tuyuhun bangguo” chutan [程起骏。吐蕃治下的“吐谷浑邦国”初探 // 中国藏学]. Preliminary discussion on the problem of “*Tuyuhun* vassal state” controlled by Tubo. *Zhongguo zangxue*, 2003, no. 3, pp. 67–70, 114. (in Chin.)
- Dulan tubo mu [都兰吐蕃墓]. Tubo Tombs at Dulan. Beijing, Kexue chubanshe, 2005, VIII, 171 p. (in Chin.)
- Du Xingyu, Han Jianhua, Wang Qianqian, Cui Jianfeng.** Ancient glass on the silk road’s Qinghai route: scientific analysis of glass beads unearthed from Xuewei tomb no. 1 at the Reshui cemetery in 2018. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2025, vol. 17, no. 7, article 149. 17 p.
- Escher J.** New Information on the Degree of “Sinicization” of the Tuyuhun Clan during Tang Times through Their Marriage Alliances: A Case Study Based on the Epitaphs of Two Chinese Princesses. *Journal of Asian History*, 2019, Vol. 53, no. 1, pp. 55–96.
- Fu Chengzhang.** Qinghai dulan reshui muqun 2018 xuewei yihao mu chutu panzhi jin bei kao – jiantan tuyuhun yu sutede shangmao guanxi [付承章。青海都兰热水墓群 2018 血渭一号墓出土鍍指金杯考 – 兼谈吐谷浑与粟特的商贸关系 // 故宫博物院院刊]. A study of a golden cup with a handle found in Grave no. 1 in Xuewei [in the season of] 2018, in the cluster of graves of Reshui, Dulan County, Qinghai Province – with a parallel discussion of trade relations between Tuyuhun and Sogdians. *Gugong bowuyuan yuankan*, 2024, no. 1, pp. 43–52, 166. (in Chin.)
- Guo Shengbao, Su Yang.** Tuyuhun jiaotong geju xin lun [郭声波、苏阳。吐谷浑交通格局新论 // 黑龙江社会科学]. New opinions on the planning of the transportation routes of [state structure] Tuyuhun. *Heilongjiang shehui kexue*, 2020, no. 5, pp. 134–146. (in Chin.)
- Han Jianhua.** Qinghai dulanxian reshui muqun 2018 xuewei yihao mu [韩建华。青海都兰热水墓群 2018 血渭一号墓墓主考 // 中原文物]. Investigation about the “owner” of grave no. 1 of Xuewei, season 2018, at Reshui graveyards, Dulan County, Qinghai Province. *Zhongyuan wenwu*, 2022, no. 1, pp. 83–90. (in Chin.)
- Han Jianhua, Bai Wenlong, Zhen Qiang, Shi Jing, Zhang Gaoguang.** Qinghai dulanxian reshui muqun 2018 xuewei yihao mu [韩建华、白文龙、甄强、石晶、张杲光。青海都兰县热水墓群 2018 血渭一号墓 // 考古]. Grave no. 1 of Xuewei, season 2018, at Reshui graveyards, Dulan County, Qinghai Province. *Kaogu*, 2021, no. 8, pp. 45–70. (in Chin.)
- Han Jianhua, Bai Wenlong, Zhou Jing, Cai Ruizhen, Chen Zongrui, Shi Jing, Zhang Gaoguang.** Qinghai dulan reshui muqun xuewei yihao mu 2021–2022 nian qingli jianbao [韩建华、白文龙、周静、蔡瑞珍、陈宗瑞、石晶、张杲光。青海都兰热水墓群血渭一号墓 2021~2022 年清理简报 // 考古与文物]. A brief report on the 2021–2022 study of Grave no. 1 in Xuewei, Reshui Township, Dulan County, Qinghai Province. *Kaogu yu wenwu*, 2024, no. 4, pp. 31–44. (in Chin.)
- Ilyushin B. A.** Istoriya Togona (kukunorskih syan'bijcev Tuyujhun') [A History of Togon]. Novosibirsk, NSU Press, 2023, 312 p. (in Russ.)
- Istoriya Tibeta i Kukunora s 2282 goda do R. H. do 1227 goda po R. H. [A History of Tibet and Kukunor from 2282 BC to 1237 AD]. Transl. from Chinese by monk Hyacinth Bichurin. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1833, pt. 1, 258 p. (in Russ.)
- Jia Jingyan.** Xianbei [贾敬颜。鲜卑 // 中国大百科全书：民族 / 包尔汉主编]. Xianbei. In: *Zhongguo dabaiké quanshu: Minzu* [Big Chinese encyclopedia: Ethnic groups]. Ed.-in-chief Bao Er'ren. Beijing, Shanghai, Zhongguo dabaiké quanshu chubanshe, 1986, pp. 477–478. (in Chin.)

- Komissarov S. A., Solovyev A. I.** Footprints of a Golden Camel Near Qin Shihuangdi's Mausoleum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 50–61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-50-61
- Komissarov S. A., Solovyev A. I., Solovyeva E. A.** A Sealed History. *SCIENCE First Hand*, 2025, no. 2, pp. 114–131. (in Russ.)
- Kychanov E. I., Melnichenko B. N.** Istoriya Tibeta s drevneishikh vremen do nashikh dnei [A history of Tibet from the most ancient times up to our days]. Moscow, Vost. lit., 2005, 351 p. (in Russ.)
- Li Mingqi, Shao Xiaomei, Yin Zhi-Yong, Xu Xinguo.** Tree Ring Dating of the Reshui-1 Tomb in Dulan County, Qinghai Province, North-West China. *PLoS ONE*, 2015, 10 (8), e0133438, 16 p. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0133438> (accessed 01.01.2026).
- Lin Meicun.** 15 lekciy ob arheologii Velikogo shelkovogo puti [15 lectures on the archaeology of the Great Silk Road]. Transl. from Chinese by A. A. Perlova. Moscow, Int. Publishing Co. "Chance", 2017, 375 p. (in Russ.)
- Qi Dongfang.** Tangdai suteshi jin yin qi yanjiu [齐东方。唐代粟特式金银器研究 // 考古学报]. A study of the Sogdian type of gold and silver wares of the Tang period. *Kaogu xuebao*, 1998, no. 2, pp. 153–170. (in Chin.)
- Qian Yizhi.** Tuyuhun [芊一之。吐谷浑 // 中国大百科全书: 民族 / 包尔汉主编]. Tuyuhun. In: *Zhongguo dabaiké quanshu: Minzu* [Big Chinese encyclopedia: Ethnic groups]. Ed.-in-chief Bao Er'ren. Beijing, Shanghai, Zhongguo dabaiké quanshu chubanshe, 1986, p. 459. (in Chin.)
- Tong Tao.** Qinghai dulan reshui yihao damude xingzhi, niandai ji mu zhuren shenfen tantao [仝涛。青海都兰热水一号大墓的形制、年代及墓主人身份探讨 // 考古学报]. Discussion on the structure, date and social status of the occupant of the Big Tomb № 1 at Reshui, Dulan County, Qinghai. *Kaogu xuebao*, 2012, no. 4, pp. 467–488. (in Chin.)
- Wang Furen.** Tubo [王辅仁。吐蕃 // 中国大百科全书: 民族 / 包尔汉主编]. Tubo. In: *Zhongguo dabaiké quanshu: Minzu* [Big Chinese encyclopedia: Ethnic groups]. Ed.-in-chief Bao Er'ren. Beijing, Shanghai, Zhongguo dabaiké quanshu chubanshe, 1986, pp. 437–459. (in Chin.)
- Wang Shuzhi.** Qinghai dulan diqu gongqian 515 nian yilai shumu nianlunbiaode jianli yu yingyong [王树芝。青海都兰地区公元前 515 年以来树木年轮表的建立及应用 // 考古与文物]. Construction and application of a tree ring chronology backed 515 BC for Dulan County Qinghai Province. *Kaogu yu wenwu*, 2004, no. 4, pp. 45–50. (in Chin.)
- Xu Xinguo.** Xichui zhi di xidongfang wenming [许新国。西陲之地与东西方文明]. Lands of Western territories and civilizations of East and West. Beijing, Beijing yanshan chubanshe, 2006. 388 p. (in Chin.)
- Zhu Kongyang, Du Panxin, Li Jiyuan, Zhang Jianlin, Hu Xiaojun, Meng Hailiang, Chen Liang, Zhou Boyan, Yang Xiaomin, Xiong Jianxue, Allen E., Ren Xiaoying, Ding Yi, Xu Yiran, Chang Xin, Dong Guanghui, Wang Chuan-Chao, Wen Shaoqing.** Cultural and demic co-diffusion of Tubo Empire on Tibetan Plateau. *iScience*, 2022, vol. 25, iss. 12, article 105636.

List of Sources

- Reshui muqun [热水墓群 // 百度百科]. Graveyards in Reshui. In: Baidu baike (electronic encyclopedia). 05.02.2026. (in Chin.) URL: <https://baike.baidu.com/item/热水墓群/8218807> (accessed 06.02.2026).

Информация об авторах

Сергей Александрович Комиссаров, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57195200866

RSCI Author ID 143809

SPIN 6832-0603

Александр Иванович Соловьев, доктор исторических наук

Scopus Author ID 18042706600

WoS Researcher ID ABA-6010-2020

RSCI Author ID 73827

SPIN 9782-2613

Information about the Authors

Sergey A. Komissarov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57195200866

RSCI Author ID 143809

SPIN 6832-0603

Aleksandr I. Solovyev, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 18042706600

WoS Researcher ID ABA-6010-2020

RSCI Author ID 73827

SPIN 9782-2613

*Статья поступила в редакцию 21.01.2026;
одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted on 21.01.2026;
approved after review on 30.01.2026; accepted for publication on 10.02.2026*

Научная статья

УДК 904(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-146-158

Изучение культуры кумоси в археологии Китая

Мария Андреевна Кудинова

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Аннотация

Рассматривается современное состояние изучения культуры кумоси (си) в археологии Китая. Собрана информация по важнейшим археологическим памятникам, которые китайские исследователи связывают с данной этнокультурной и этнополитической общностью. К их числу относятся городища Цяньнаньгоу и Гучэнчуань в городском округе Чэндэ пров. Хэбэй, погребение Сяо Сяочжуня в городском округе Хулудао пров. Ляонин, клад, найденный в волости Ханьцзядянь в округе Чэндэ. Атрибуция других поселенческих и погребальных комплексов периода Средневековья, открытых на территории пров. Хэбэй и г. Пекин, которые ряд китайских исследователей связывает с культурой кумоси (си), не представляется в достаточной мере обоснованной. Недостаток археологических материалов и их слабая изученность не позволяют в настоящее время выделить археологические маркеры культуры кумоси (си). Перспективы дальнейших исследований связаны с поиском новых памятников на севере пров. Хэбэй, в юго-западной части пров. Ляонин и на юге городского округа Чифэн Автономного района Внутренняя Монголия, а также с продолжением полевых и кабинетных исследований материалов уже известных средневековых памятников этого района. Новую информацию о культуре кумоси может дать также анализ эпиграфических и изобразительных материалов эпохи Ляо.

Ключевые слова

Северный и Северо-Восточный Китай, раннее Средневековье, кумоси (си), народы группы дунху

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 22-78-10121-П «Связи между культурами Сибири и Северного Китая в эпоху древности и раннего средневековья по данным археологии», <https://rscf.ru/project/22-78-10121-П/>.

Автор выражает сердечную благодарность преподавателю Института археологии и музееведения Пекинского университета д-ру Ли Юньхэ за помощь в поиске труднодоступных публикаций по теме исследования и консультации по вопросам перевода с классического китайского языка.

Для цитирования

Кудинова М. А. Изучение культуры кумоси в археологии Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 146–158. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-146-158

Study of Kumoxi Culture in Chinese Archaeology

Maria A. Kudinova

Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Abstract

The article examines the current state of research on the Kumoxi (Xi) culture in Chinese archaeology. The Kumoxi or Xi (Tatabi in ancient Turkic sources) are a medieval people who settled in the territory of modern northeast China, in

© Кудинова М. А., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 146–158

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 146–158

the Liaoxi region (southeast of the Inner Mongolia Autonomous Region, western part of Liaoning Province, northern Hebei Province), and played a significant role in the history of East and Central Asia. The article provides information on the most important archaeological sites that Chinese researchers associate with this ethnocultural and ethnopolitical community. These include the Qiannangou and Guchengchuan fortified settlements in Chengde, Hebei Province, the tomb of Xiao Xiaozhong (1090) in Huludao, Liaoning Province, and a hoard found in Hanjiadian Township, Chengde. The attribution of other medieval settlements and burial complexes discovered in Hebei Province and Beijing, which some Chinese researchers associate with the Kumoxi (Xi) culture, does not appear to be sufficiently substantiated. The main results of the study of the material traces of the Kumoxi culture are summarized in the monograph by Bi Deguang, as well as in a number of articles devoted primarily to the Kumoxi (Xi) archaeological complexes in the territory of the Chengde, Hebei Province. The lack of archaeological materials and their poor study currently preclude the identification of archaeological markers of the Kumoxi (Xi) culture. Future research prospects include the search for new sites in northern Hebei Province, southwestern Liaoning Province, and southern Chifeng City in the Inner Mongolia Autonomous Region, as well as continued field and desk research on discovered medieval sites in this region. Analysis of epigraphic and pictorial materials from the Liao epoch may also yield new information about the Kumoxi (Xi) culture.

Keywords

North and Northeastern China, early Middle Ages, Kumoxi (Xi), Donghu peoples

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-78-10121-II “Connections between the cultures of Siberia and Northern China in the Antiquity and Early Middle Ages (based on the archaeological data)”, <https://rscf.ru/project/22-78-10121-II/>.

The author expresses her sincere gratitude to Dr. Li Yunhe, a lecturer at the School of Archaeology and Museology at Peking University, for his assistance in finding hard-to-find publications on the research topic and for consultations on translation from classical Chinese.

For citation

Kudinova M. A. Study of Kumoxi Culture in Chinese Archaeology. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 146–158. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-146-158

Кумоси, или си (татабы в древнетюркских источниках), – средневековый народ, расселившийся на территории современного северо-востока КНР, в регионе Ляоси (юго-восток автономного района Внутренняя Монголия, западная часть пров. Ляонин, север пров. Хэбэй), и сыгравший значительную роль в истории Восточной и Центральной Азии. Впервые кумоси появляются на страницах «Истории Вэй» («Вэй шу»), составленной историком Вэй Шоу в 551–554 гг. при дворе Северной Ци. Наиболее ранние упоминания кумоси связаны с их поражением от сяньбэйских вождей – основателя Ранней Янь Мужун Юаньчжэня (297–348) и основателя Северной Вэй Тоба Гуя (371–409), предпринявшего против них карательный поход в 388 г. На протяжении нескольких столетий кумоси являются активной действующей силой в межкультурных контактах и международных отношениях в восточноазиатском регионе. В 1123 г. вождь си Сяо Вань даже основал собственное государство Великое Си (Да Си го 大奚国), просуществовавшее несколько месяцев. После покорения чжурчжэнями в XII в. кумоси постепенно ассимилируются и окончательно сходят с исторической арены.

В источниках, освещающих историю периода Северных и Южных династий, данный этнос упоминается под именем кумоси 库莫奚, а начиная с «Истории Суй» название сокращается до си 奚. Кроме того, в «Новой истории Тан» («Синь Тан шу») встречается еще одно наименование – кучжэньси 库真奚, представляющее, по-видимому, разнопись от кумоси. Культура кумоси как предмет специального научного изучения почти не привлекала внимания исследователей за пределами Китая. В качестве исключений можно назвать дипломную работу выпускника НГУ А. Е. Лаврова¹, а также докторскую диссертацию З. С. Херши [Hershey, 2021]. Цель данной статьи – обобщить и представить основные результаты изучения культуры кумоси в археологии Китая, достигнутые к настоящему времени.

Источники не сообщают ничего определенного относительно происхождения кумоси. Ряд сочинений («Вэй шу», «Цзю Тан шу», «Записи по истории Пяти династий») связывает их генезис с южными сюнну и родственными им юйвэнями, в других же («Суй шу», «Чжоу шу»),

¹ Лавров А. Е. Кумоси в истории Восточной Азии: Дипломная работа. Новосибирск, 1999. 85 с.

«Синь Тан шу») говорится о принадлежности предков кумоси к дунху и сяньбэй. В некоторых хрониках («Цзю Тан шу», «Синь Тан шу») отмечается сходство обычаев кумоси и тюрок, что объясняется включением кумоси в сферу политического влияния тюрок и даже их вхождением в состав Восточно-тюркского каганата в начале VIII в. В «Старой истории Тан» («Цзю Тан шу») отмечается также общность происхождения и чрезвычайная близость (в том числе наличие общего языка) кумоси и киданей, не исключавшие, впрочем, почти непрерывных военных конфликтов между двумя этими общностями. Таким образом, происхождение и этническая история кумоси остаются довольно запутанными. Согласно анализу В. С. Таскина, ранние кумоси входили в число сяньбэйских племен, находившихся под управлением рода Юйвэнь, и, следовательно, принадлежали к протомонгольской общности дунху [Материалы..., 1984, с. 51–52].

Письменные источники сохранили мало информации о хозяйстве, материальной и духовной культуре кумоси. Как и в случае с другими кочевыми народами, известными в Китае, говорится, что они «пасут скот, переходя с места на место в поисках воды и травы, не имея постоянного местожительства». Кумоси разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, выращивали просо, славились как искусные охотники и стрелки из лука. В дар императорам Северной Вэй они подносили «знаменитых лошадей и полосатые шкуры» («Вэй шу», цит. по: [Материалы..., 1984, с. 142]). В горах добывали мускус и женьшень («Записи по истории Пяти династий»). В более поздние времена, при Тан, Сун и Ляо, кумоси (си) были известны своими повозками, которые они подносили в том числе в дар императорам Ляо. Сведения об этом сохранились в «Истории Ляо» («Ляо ши») и множестве других источников (см.: [Би Дэгуан, 2016, с. 173–189]).

Кумоси жили в войлочных палатках, в пищу употребляли жидкую просяную кашу, которую варили в глиняных треножниках. Одежду украшали каймой из красной кожи. Женщины кумоси носили медные браслеты, на одежду нашивали маленькие медные колокольчики («Цзю Тан шу», см. [Материалы..., 1984, с. 367, примеч. 2]). Согласно данным «Суй шу» и «Чжоу шу», ранние кумоси практиковали обряд воздушного погребения: «трупы умерших обертывают тростником и вешают на деревья» (цит. по: [Материалы..., 1984, с. 143–144]). Впоследствии, по-видимому, в эпоху Тан, вероятно, под влиянием китайской и / или киданьской культуры, погребальный ритуал элиты кумоси претерпел определенные трансформации. Так, в «Записях по истории Пяти династий» Оуян Сю говорится, что второй правитель империи Ляо, Тай-цзун (Елюй Яогу, китайское имя – Елюй Дэгуан) (902–947, прав. 926–947), в 936 г. приказал раскопать могилы вождя западных си Саола и киданьского перебежчика Чжубулу, растолочь их кости и развеять прах по ветру [Материалы..., 1984, с. 153], что свидетельствует о совершении похорон по обряду ингумации.

Сведения о культуре кумоси могли бы быть дополнены данными археологии, однако выделение археологических материалов, связанных с этой этнической общностью, проблематично по ряду причин. Будучи кочевниками, кумоси практически не оставили следов стационарных поселений, а специфический погребальный обряд ранних кумоси, известный по письменным источникам, затрудняет поиск и атрибуцию их погребальных комплексов. Таким образом, перспективы выявления археологических объектов связаны в основном с поздним периодом истории кумоси – не ранее эпохи Тан. Кроме того, пестрота этнокультурной ситуации на северо-востоке Китая в период раннего Средневековья и отсутствие четких археологических маркеров этнокультурной принадлежности не позволяют уверенно разграничивать памятники материальной культуры, оставленные представителями разных этнокультурных и / или этнополитических образований. В связи с этим изучение истории и культуры кумоси в первую очередь строилось на данных письменных источников. Тем не менее, в последние десятилетия китайскими археологами был выделен ряд памятников, которые могут быть предварительно отнесены к этой общности на основании их расположения в районах, которые, согласно сведениям письменных источников, принадлежали к территории расселения кумоси (си) (рис. 1). Основные результаты изучения материальных следов культуры ку-

моси обобщены в монографии Би Дэгуана, подготовленной автором на основе его докторской диссертации, защищенной в Народном университете Китая (г. Пекин) в 2009 г., а также в ряде статей, посвященных, преимущественно, памятникам кумоси (си) на территории городского округа Чэндэ пров. Хэбэй [Би Дэгуан, 2016].

К числу важнейших поселенческих памятников кумоси, известных на данный момент, принадлежит городище Цяньнаньгоу 铅南沟, находящееся на территории пос. Яншулин в уезде Пинцюань городского округа Чэндэ пров. Хэбэй. Памятник был открыт и обследован в 2000 г., повторные обследования были предприняты в 2004–2007 гг., раскопки не проводились. Изучение памятника показало, что комплекс состоит из двух частей – остатки крепости на севере и городище в южной части, общая протяженность объекта с севера на юг составляет ок. 1 300 м, с запада на восток – ок. 500 м. На поверхности фиксируются следы построек, найдены различные архитектурные элементы – каменные блоки, базы колонн, каменная статуя льва, кирпичи, черепица, черепичные концевые диски с узорами в виде морды фантастического зверя, глазурированные украшения коньков крыш *чивэнь* («клюв совы»). Находки каменных строительных элементов сосредоточены главным образом в северной части памятника. Кроме того, собраны фрагменты керамических и фарфоровых сосудов, каменные жернова и ступки, бронзовые гири, большое количество медных монет, время выпуска которых охватывает период от Тан (618–907) до Юань (1271–1368). В юго-восточной части памятника обнаружены следы производства свинца: шлак и множественные фрагменты тиглей.

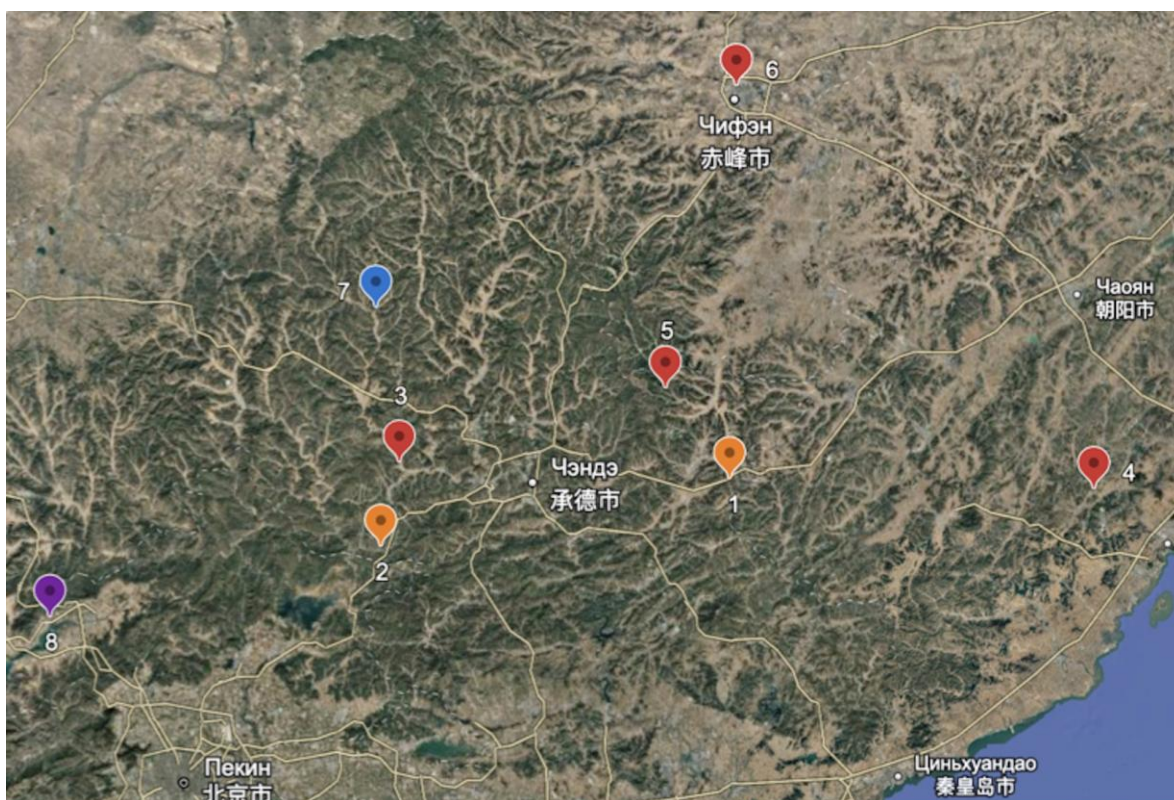

Рис. 1. Карта-схема расположения основных археологических памятников, относимых к кумоси:

1 – городище Цяньнаньгоу; 2 – городище Гучэнчуань; 3 – погребения у деревень Сяочэнцзы и Цинцзыгоу; 4 – погребение Сяо Сяочжуна; 5 – элитные погребения си у горы Маюйшань; 6 – погребения эпохи Ляо в окрестностях Чифэна; 7 – клад из Ханьцзядянь; 8 – пещерные постройки Гуяцзюй в Яньдине

Fig. 1. Schematic map showing the locations of the main archaeological sites classified as Kumoxi:

1 – Qiannangou fortified settlement; 2 – Guchengchuan fortified settlement; 3 – tombs near the villages of Xiaochengzi and Qingzigou; 4 – Xiao Xiaozhong's tomb; 5 – elite Xi tombs near Mount Mayushan; 6 – Liao tombs near Chifeng; 7 – Hanjiadian hoard; 8 – Guyaju cave site in Yanqing

Судя по находкам, памятник функционировал в периоды существования государств Ляо, Цзинь и Юань, т. е. в X–XIV вв. [Хуан Синь и др., 2008, с. 12–13; Чжан Сюфу и др., 2008, с. 260–261]. Все исследователи городища сходятся в его атрибуции как памятника, связанного с правителем (ваном) кумоси, при этом большинство специалистов отождествляют его с летней резиденцией [Чжан Сюфу и др., 2008, с. 263–264; Шэнь Цзюньшань и др., 2020, с. 40], в то время как Би Дэгуан полагает, что это могла быть основная резиденция правителя си в позднеляоский период [Би Дэгуан, 2016, с. 77–78].

Еще один памятник, который исследователи соотносят с деятельностью поздних кумоси (си) – городище Гучэнчуань 古城川, расположенное к востоку от д. Ситайцзыцунь пос. Ба-кэшиин в уезде Луаньпин городского округа Чэндэ. В ходе разведочных археологических работ 1982 г. здесь были обнаружены руины крепостной стены, сооруженной из земли и камней. Сохранилось два участка стены, каждый протяженностью ок. 60 м. Сохранившаяся ширина сооружений составляет на разных отрезках от 3 до 6 м, высота – ок. 2 м. Кроме того, сохранились остатки еще двух строений, предположительно, дозорных вышек, где были обнаружены фрагменты кирпичей и черепицы, детали доспехов и пр. Повторное обследование памятника в 2011 г. подтвердило, что данные сооружения представляют собой укрепленные стены. Непосредственно на территории памятника, а также в ближайших его окрестностях собраны фрагменты керамики и белого фарфора из мастерских Динчжоу, железные наконечники стрел, детали доспехов, железный чеснок. На основании находок, памятник был датирован эпохой Ляо (907–1125) и идентифицирован как упомянутая в письменных источниках застава си [Тянь Шухуа, 1997, с. 86–87; Би Дэгуан, 2016, с. 89]. Кроме того, на территории городского округа Чэндэ известно еще несколько городищ периодов Ляо и Цзинь, которые, по мнению отдельных исследователей, могут быть связаны с деятельностью си (см.: [Тянь Шухуа, 1997, с. 87–90; Би Дэгуан, 2016, с. 89–93; Шэнь Цзюньшань и др., 2020, с. 40–41]), но подтвердить или опровергнуть эти предположения невозможно до проведения археологических работ на памятниках.

В 1970-е гг. поблизости от деревень Сяочэнцзы и Цинцзыгоу в уезде Луаньпин городского округа Чэндэ было обнаружено 20 частично разрушенных погребений, семь из них были раскопаны. В 1976 г. исследованы четыре могилы к северо-западу от д. Сяочэнцзы. Это были погребения в грунтовых ямах неправильной формы, с каменными ящиками, внутрь которых помещались деревянные гробы. На поверхности сохранились земляные насыпи. Захоронения одиночные, по вторичному обряду. В раскопанных погребениях найден лишь один плоскодонный неорнаментированный керамический горшок. Схожий сосуд найден неподалеку (повидимому, он находился в одной из разрушенных могил) вместе с монетами *у-чжу* эпохи Суй (581–618). Еще одно погребение было раскопано в том же году же близ д. Цинцзыгоу. В могильной яме также имелись каменный ящик и остатки деревянного гроба (древесный тлен и железные гвозди). Обнаружены скелеты двух человек в скорченном положении. В 1978 г. раскопано еще два погребения в каменных ящиках у д. Цинцзыгоу. В них найдены кремнированные останки в керамических сосудах (по 3–4 урны в каждой могиле). Сопроводительный инвентарь представлен восточноханьскими монетами *у-чжу* и бронзовыми украшениями с лotosовым орнаментом. Некоторые исследователи датируют эти комплексы периодом Суй и соотносят их с переходным этапом в развитии погребального обряда кумоси – от воздушного погребения к ингумации [Тянь Шухуа, 1997, с. 88–89; Шэнь Цзюньшань и др., 2020, с. 37–38]. Однако, на наш взгляд, достаточные основания для атрибуции этих памятников как принадлежащих кумоси отсутствуют.

Для эпохи Ляо Би Дэгуан выделил 11 погребений на разных могильниках в юго-восточной части Внутренней Монголии, на севере пров. Хэбэй и юго-западе пров. Ляонин, которые, на его взгляд, могли бы принадлежать кумоси [Би Дэгуан, 2016, с. 112–128]. Основанием в большинстве случаев служат некоторые особенности, отличающие эти комплексы от синхронных захоронений ханьцев и киданей: ориентация костяка, состав сопроводительного инвентаря, сочетание внутри одного комплекса захоронений по обряду ингумации и кремации.

Причем эти 11 погребений также различаются между собой и по ориентации конструкций, и по погребальному обряду (присутствуют первичные и вторичные захоронения, труположения и кремации). Кроме того, на наш взгляд, вариации отдельных параметров не обязательно определяются этнической принадлежностью погребенных, а могут отражать их социальный, имущественный статус и т. д. И даже если принять в качестве объяснения существующих отличий версию иной этнокультурной атрибуции данных комплексов, то все равно нет никаких доказательств их принадлежности именно кумоси (си), а не представителям других этнических групп (например, бохайцев). Среди этих комплексов есть лишь один, на чью принадлежность к си указывают эпиграфические материалы – это могила Сяо Сяочжуна.

Данное погребение находилось близ д. Сигушаньцунь в уезде Цзиньси (в настоящее время это территория пос. Гантунь района Ляньшань городского округа Хулудао пров. Ляонин). Могила была разрушена в годы японской оккупации. В 1951 г. местные жители обнаружили здесь каменные плиты с эпитафией и керамическую вазу, покрытую желтой глазурью. В 1954 г. плиты с эпитафией были переданы в Музей пров. Ляоси. В ноябре 1957 г. памятник был обследован сотрудниками Северо-восточного музея, а в мае 1958 г. проведены раскопки. Могила представляет собой однокамерный кирпичный склеп, сооруженный внутри грунтовой ямы, длина которой составляла 6,5 м, ширина – 6 м, глубина – от 4 до 6 м. С юга в яму вел наклонный дромос длиной 6 м, шириной 1,6 м. Погребальная камера сложена из кирпича, округлой в плане формы, диаметр – 3,6 см, высота – 3,4 м. Пол также выложен кирпичом. Внутри помещалось погребальное ложе полукруглой формы, собранное из трех каменных плит и занимавшее почти половину общей площади погребальной камеры. Кроме того, вдоль стен и на ложе были обнаружены следы древесного тлена – по-видимому, остатки неких погребальных конструкций. В могиле найдены каменные плиты с эпитафией, фрагменты медной проволоки, серебряных украшений, шелковой ткани, керамические шашки (43 черных и 33 белых) с цветочным орнаментом, керамические глазурованные вазы, кувшины, блюда с пионовым узором и блюдо с узором в виде рыб и цветов, пара железных стремян. Плиты с эпитафией вытесаны из песчаника, в форме квадрата со стороной 67 см, толщиной 7,5 см. Верхняя плита с внешней стороны украшена растительным орнаментом, на внутренней стороне вырезана надпись на китайском языке, состоящая из 12 строк (рис. 2, 1). На нижней плите выгравирована надпись, выполненная большим киданьским письмом (18 строк) (рис. 2, 2) [Лю Цянь, 1956; Янь Юй, 1960; Янь Ваньчжан, 1957]. Из текста эпитафии известно имя погребенного – Сяо Сяочжуна 萧孝忠, главнокомандующего (*тайши*) военного округа Цяньнин², генерал-губернатора (*цзедуши*) военного округа Цзинцзян³, и дата похорон – 25-й день 12-го месяца пятого года правления под девизом *даань* (т. е. 8 января 1090 г.), а кроме того говорится, что он принадлежал к кочевью Салиби, его дед служил под началом восточного главнокомандующего-*тайши* при ставке сиского вана, отец был офицером кавалерии [Лю Фэнчжу, 2010, с. 31]. Как отмечает Би Дэгуан, в «Истории Ляо» («Ляо ши») указано, что *шиле*⁴ Салиби было одним из трех *шиле* кочевья Яоли – важнейшего из пяти племен кумоси в эпоху Ляо, находившегося под непосредственным управлением вана си [Би Дэгуан, 2016, с. 134].

Таким образом, вероятно, погребенный происходил из си, причем из его главного кочевья Яоли, носил ту же фамилию Сяо 萧, что и род ванов си⁵. Однако в конструкции могилы,

² На территории юго-восточной части пров. Хэбэй и юго-западной части г. Тяньцзинь.

³ На территории городского округа Гуйлинь в Гуанси-Чжуанском автономном районе. Данное назначение имело номинальный характер и не предполагало реального исполнения обязанностей.

⁴ 石烈 «лагерь» или «стоянка» – единица племенной организации и административно-территориального деления у киданей и си в период существования империи Ляо.

⁵ Эту же фамилию носили и представители одного из двух киданьских аристократических кланов, из которого правители Ляо, представители рода Елюй, выбирали себе жен, становившихся императрицами. Поэтому в ряде

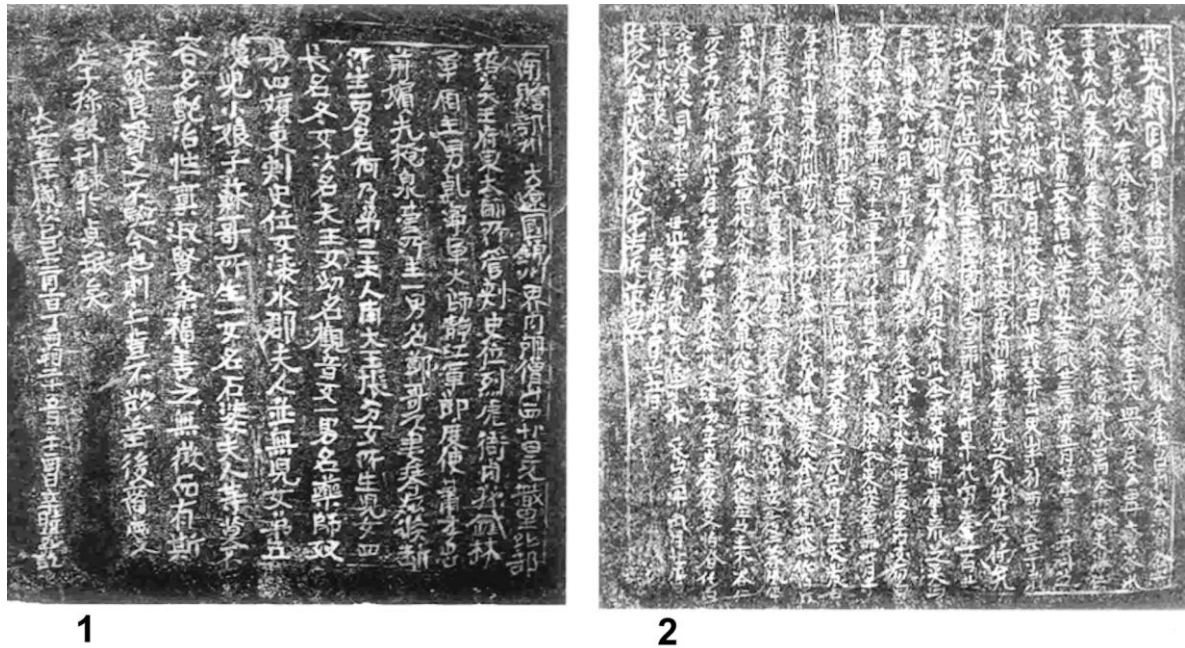

Рис. 2. Эпитафия Сяо Сяочжуна:
1 – надпись на китайском языке; 2 – надпись, выполненная киданьским большим письмом.
По: [Лю Фэнчжу, 2010, с. 45–46]

Fig. 2. Epitaph of Xiao Xiaozhong:
1 – inscription in Chinese; 2 – inscription in Khitan large script.
As per: [Liu Fengzhu, 2010, pp. 45–46]

сохранившихся следах погребального обряда и сопроводительного инвентаря не наблюдается каких-либо специфических черт, которые отличали бы этот памятник от синхронных ему погребений киданей и ханьцев. Данные эпитафии также свидетельствуют о высокой степени ассимиляции представителей элиты кумоси в китайско-киданьской среде. Покойный носил китайскую фамилию Сяо и имя Сяочжун, отражающее конфуцианские идеалы и дословно означающее «сыновняя почтительность и верность». Из пяти его жен одна имела китайское (ханьское) происхождение, еще две – киданьское, из рода Елюй. По-видимому, Сяо Сяочжун был приверженцем буддизма. Место его происхождения обозначено как «кочевье Салиби, находящееся в двадцати *ли* к западу от горы Хусэншань⁶, в пределах области Цзиньчжоу⁷ Великого государства Ляо на земле Джамбудвипы⁸». Его дети от третьей жены получили буддийские имена: двух дочерей звали Тяньванньюй 天王女 («дочь Небесного царя») и Гуаньиньнюй 观音女 («дочь Гуаньинь»), сына – Яошину 药师奴 («раб Будды медицины») [Лю Фэнчжу, 2010, с. 31, 36–43]. Буддийские образы (изображения цветков лотоса) прослеживаются и в декоре верхней плиты с эпитафией.

Кроме того, на юго-западном склоне горы Маюйшань в северной части городского уезда Пинцюань городского округа Чэндэ пров. Хэбэй в разное время были найдены каменные плиты с эпитафиями, происходившие из нескольких погребений знатных си – Сяо Фуяня (ум. 1070), Сяо Яньнина, Сяо Шаоцзуна и др. Поблизости также обнаружены погребения

работ говорится о киданьской национальной принадлежности Сяо Сяочжуна (см.: [Крадин, Ивлиев, 2014, с. 95]). Однако, на наш взгляд, его происхождение из одного из кочевий си доказано вполне убедительно.

⁶ Горный пик на территории городского округа Хулудао пров. Ляонин, современное название – Хунлошань.

⁷ Область в империи Ляо, учрежденная на территории юго-западной части пров. Ляонин.

⁸ Джамбудвипа (кит. Наньчжаньбучжоу 南瞻部洲) – в буддийской и джайнской космологиях остров или континент, расположенный к югу от горы Сумеру, местообитание обычных людей.

эпохи Ляо. По-видимому, здесь находилось родовое кладбище аристократии си [Шэнь Цзюньшань и др., 2020, с. 41–42]. Сян Чуньсун предварительно отнес к культуре си 18 погребений эпохи Ляо на 15 памятниках в окрестностях г. Чифэн во Внутренней Монголии на основании их расположения, оговариваясь при этом, что в данном районе помимо си проживали также кидани, ханьцы, когурёские мигранты и представители иных этнических групп, а археологические маркеры кумоси (си) пока не выделены [Сян Чуньсун, 1991].

В 1978 г. в волости Ханьцзядянь уезда Лунхуа городского округа Чэндэ был найден клад (возможно, разрушенное погребение), в составе которого обнаружены медная чаша, бронзовые колокольчики (комплект из 10 экз. 3,5 см высотой и два более крупных – 6,5 см высотой), плоские бронзовые бляшки в форме колокольчиков, а также бляшки других форм (круглые, сердцевидные и др.), иные бронзовые и железные украшения, бронзовый перстень с бриллиантом, агатовые и коралловые бусины, монеты *у-чжу* суйского времени [Тянь Шухуа, 1997, с. 89; Шэнь Цзюньшань и др., 2020, с. 38]. Учитывая сообщение «Старой истории Тан» («Цзю Тан шу») о том, что женщины кумоси украшали одежду маленькими медными колокольчиками, логичным представляется отнести клад из Ханьцзядянь к памятникам культуры кумоси.

Би Дэгуан относит к археологическим памятникам кумоси цепь почтовых станций на ляоском почтовом тракте, соединявшем Южную и Среднюю столицы Ляо [Би Дэгуан, 2016, с. 68–75]. По письменным источникам известно, что управление станциями и их обслуживание было поручено кумоси, поскольку данный участок тракта проходил через их земли. Рядом со станциями располагались поселения кумоси, занимавшихся земледелием, что подтверждается находками ляоских керамики и фарфора, а также железных сельскохозяйственных орудий. Однако нельзя исключать, что вдоль этого важного транспортного коридора могли селиться также ханьцы, кидани, переселенцы из Бохая и представители иных этнических групп.

Еще один вид памятников, который некоторые исследователи связывают с жизнедеятельностью поздних кумоси, – пещерные постройки в окрестностях Пекина, известные под общим наименованием Гуяцзюй (古崖居 – «древние скальные жилища»). Объекты располагаются на территории районов Яньцин и Миюнь Пекина и уезда Хуайлай городского округа Чжанцзякоу пров. Хэбэй, наибольшее их скопление наблюдается на территории пос. Чжаншаньин в северо-западной части района Яньцин, где известно несколько местонахождений, включающих не менее 174 пещер [Цзэн Цзян, 2012]. Пещерные постройки в Яньцине были обнаружены в 1984 г., в 1991 и 1997 гг. проводились обследования и раскопки наиболее крупного комплекса близ д. Дунмэньин.

Здесь известно ок. 120 пещер, общая площадь памятника составляет ок. 10 тыс. кв. м. Пещеры вырезаны в отвесной гранитной скале, состоят из одного или нескольких помещений. Площадь пещер варьирует от 3 до 44,4 кв. м, высота от пола до потолка – в пределах 1,60–2,46 м. В некоторых помещениях есть окна, стенные ниши, грунтовые платформы, имеются различные теплотехнические устройства: очаги, дымоходы, отопливаемые лежанки (каны) и т. д. Археологические находки представлены в основном горшками (некоторые из них с крышками) и мисками из серой керамики, обнаружено небольшое количество глазурованных керамических сосудов, а также узорные кирпичи. В настоящее время проблемы датировки, культурной принадлежности и функционального назначения этих рукотворных пещер до сих пор не решены, при этом выдвигаемые исследователями гипотезы весьма разнообразны.

Так, по мнению, археолога и историка архитектуры, советника ЮНЕСКО профессора Ян Хунсюня, памятник представляет собой руины сигнальной башни эпохи Хань (см.: [Ван Хайянь и др., 2006]). Согласно версии Цзун Чуньци, журналиста, специализирующегося на исторической и литературной тематике, в Гуяцзюй сохранились следы сигнальной башни и крепости минского времени [Цзун Чуньци, 2019; 2025]. Литературовед Хуан Чжэньюнь полагал, что памятник представляет собой скальные захоронения, принадлежавшие кидань-

ской элите, возможно, младшему брату императора Дао-цзуна (Елюй Хунцзи) – Елюй Хундао [Хуан Чжэньюнь, 2007]. Однако ни в одной из пещер не было обнаружено антропологического материала, погребальной утвари или типичного для киданьских погребений сопроводительного инвентаря, кроме того, привлеченные письменные источники недостаточно репрезентативны, поэтому данная трактовка встретила резкую критику со стороны специалистов-археологов [Цзин Ай, Вэнь Сяоминь, 2018, с. 190–191]. Высказывалась также версия, согласно которой пещеры были вырезаны в скалах в эпоху Тан как казенное зернохранилище для нужд местного военного гарнизона⁹.

Предположение о том, что пещеры Гуяцзюй могли быть созданы западными си в 1-й половине X в. впервые было выдвинуто крупным специалистом по средневековой археологии Северного Китая, бывшим директором Столичного музея (Пекин) Чжао Цичаном [2002]. Впоследствии эту версию развивали Би Дэгуан и Ван Цэ, предположившие что именно здесь находилась ставка вождя западных си [Би Дэгуан, 2016, с. 78–88; Би Дэгуан, Ван Цэ, 2017]. Однако все вышеперечисленные гипотезы опираются преимущественно на данные исторических и географических сочинений. Обнаруженные находки настолько скудны, что не позволяют методами археологии решить проблему датирования памятника и определения его функционального назначения. В связи с этим попытки атрибуции и сопоставления с данными письменных источников, на наш взгляд, представляются преждевременными. Вероятно, новые данные для решения этой проблемы могут быть получены лишь в случае возобновления полевых исследований комплекса Гуяцзюй.

Таким образом, к настоящему времени не выделено ни одного археологического памятника, связь которого с культурой кумоси (си) была бы надежно обоснована. Общепризнанной в китайской археологии считается идентификация городища Цяньнаньгоу в качестве поселения кумоси, однако на этом памятнике раскопки не проводились, что не позволяет подтвердить данное предположение. Погребение Сяо Сяочжуна (если согласиться с его атрибуцией как памятника си) не демонстрирует каких-либо отличий от других погребений эпохи государства Ляо, принадлежавших киданям или китайцам (ханьцам), что говорит о высокой степени ассимиляции поздних си. Кроме того, могила была разрушена, что также не позволяет в полной мере оценить особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря. В связи с этим пока не представляется возможным выделение на археологических материалах этнокультурных маркеров, характерных для общности кумоси. Перспективы дальнейших исследований связаны в первую очередь с детальным изучением материалов средневековых памятников с территории городского округа Чэндэ в пров. Хэбэй, городского округа Хулудао в пров. Ляонин и южной части городского округа Чифэн во Внутренней Монголии, а также с поиском новых памятников в этих районах. Кроме того, плодотворным может быть дальнейшее изучение эпиграфических материалов, связанных с кумоси (си), в сопоставлении с данными письменных исторических источников и привлечение для анализа изобразительных источников – настенных росписей из погребальных комплексов эпохи Ляо.

Список литературы

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука, Вост. лит., 2014. 351 с., ил.

⁹ Цяоби цзао байной дунсюэ ицзи чэн цяньгу чжи ми [峭壁凿百余洞穴 遗迹成千古之谜]. Более ста пещер, выдолбленных в скалах, – исторический памятник, ставший загадкой на тысячи лет // Бэйцзин ши Яньцин цюй жэньминь чжэньфу ванчжань [北京市延庆区人民政府网站]. Сайт Народного правительства района Яньцин г. Пекин. 17.05.2013. (на кит. яз.) URL: https://baike.baidu.com/reference/10187738/533aYdO6cr3_z3kATKGNzfWmNCuSPtuvv-XVBLRzzqIPOXOpX5nyFlo4-cZx-fhxWgjF_4FjbsccmO_IQgwRquhNNbdvXbQmm3_4UTPdkOCyqpEv2YkA_tY (дата обращения 30.01.2026).

- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М.: ГРВЛ, 1984. 486 с.
- Hershey Z. S.** The ecological, economic, and ethno-cultural frontiers of North China: state formation in the Eastern intermediate zone – a history of the Qai 奚. PhD Diss. Philadelphia, 2021. 458 p.
- Би Дэгуан.** Си цзу вэньхуа яньцзю [毕德广。奚族文化研究]. Исследование культуры народа си. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. 242 с., 12 цв. ил. (на кит. яз.)
- Би Дэгуан, Ван Цэ.** Яньцин Гуяцзюй ичжидэ няньдай юй цзушу [毕德广、王策。延庆古崖居遗址的年代与族属]. Датировка и этническая принадлежность памятника Гуяцзюй в Яньцине // Хуася каогу. 2017. № 1. С. 112–120. (на кит. яз.)
- Ван Хайянь, Чжоу Цзяньцян, У Гуанлу.** Яньцин Гуяцзюй ин вэй ханьдай фэнхотай [王海燕、周建强、吴广禄。延庆古崖居应为汉代烽火台]. Гуяцзюй в Яньцине это, должно быть, сигнальная башня эпохи Хань // Бэйцзин жибао. 2006. 28 марта. С. 7. (на кит. яз.)
- Лю Фэнчжу.** Цидань дацзы «Сяо Сяочжун мучжимин» каоши [刘凤翥。契丹大字《萧孝忠墓志铭》考释]. Исследование и комментирование «Эпитафии Сяо Сяочжуна», написанной киданьским большим письмом // Чжунго Пинцюань шоу цзе цидань вэньхуа яньтаохуэй луньвэньцзи [中国·平泉首届契丹文化研讨会论文集]. Сборник материалов первой конференции по культуре киданей в Пинцюане, Китай. Чанчунь: Цилинь дасюэ чубаньшэ, 2010. С. 30–46. (на кит. яз.)
- Лю Цянь.** Ляоси Цзиньси Сигушань чутудэ ляо му мучжи [刘谦。辽西锦西西孤山出土的辽墓墓志]. Эпитафия из ляоского погребения в Сигушань в Цзиньси, Ляоси // Каогу тунсюнь. 1956. № 2. С. 71. (на кит. яз.)
- Сян Чуньсун.** Чифэн ши цзяоцзюй фасяньдэ ляо му [项春松。赤峰市郊区发现的辽墓]. Ляоские погребения, обнаруженные в пригородах Чифэна // Бэйфан вэньбу. 1991. № 3. С. 33–39, 49. (на кит. яз.)
- Тянь Шухуа.** Ляо цзинь шици си цзу цзай Чэндэ дицзюй ходун шици тань као [田淑华。辽金时期奚族在承德地区活动史迹探考]. Поиск и изучение исторических памятников, связанных с деятельностью си в районе Чэндэ в периоды Ляо и Цзинь // Бэйфан вэньбу. 1997. № 4. С. 85–90. (на кит. яз.)
- Хуан Синь, Лян Лян, Чжан Шоуи, Чжан Чуньчан.** Чэндэ дицзюй ляо цзинь юань шици чэнчжи каньча баогао [黄信、梁亮、张守义、张春长。承德地区辽金元时期城址勘查报告]. Отчет об обследовании городищ периодов Ляо, Цзинь и Юань в районе Чэндэ // Вэньбу шицизе. 2008. № 5. С. 11–26. (на кит. яз.)
- Хуан Чжэньюнь.** Бэйцзин «Гуйчжоу Гуяцзюй» вэй цидань Янь-ван цзяцзу иньчжай као [黄震云。北京“妫州古崖居”为契丹燕王家族阴宅考]. Исследование памятника «Гуяцзюй в Гуйчжоу», Пекин, как родового кладбища киданьского Янь-вана // Ляо цзинь ши луньзи [辽金史论集]. Сборник статей по истории Ляо и Цзинь. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2007. Вып. 10. С. 86–90. (кит. яз.)
- Цзин Ай, Чэнь Сяоминь.** Ляо цзинь ши яньцзю чжун чусяньдэ пилоу [景爱、陈晓敏。辽金史研究中出现的纰漏]. Промахи, допущенные в изучении истории Ляо и Цзинь // Ляо Цзинь Си Ся яньцзю 2014–2015 [辽金西夏研究 2014–2015]. Исследования Ляо, Цзинь и Западной Ся в 2014–2015 гг. Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 2018. С. 183–196. (на кит. яз.)
- Цзун Чуньци.** Гуя шиши хэ жэнь цзюй? [宗春启。古崖石室何人居?]. Что за люди жили в древних скальных жилищах? // Бэйцзин жибао. 2019. 28 нояб. С. 15. (на кит. яз.)
- Цзун Чуньци.** Гуяцзюй шиши чжи ми [宗春启。古崖居石室之谜]. Загадка пещерных жилищ Гуяцзюй // Бэйцзин жибао. 2025. 6 февр. С. 11. (на кит. яз.)

- Цзэн Цзян.** Шэньми Гуяцзюй шэй чжи цзюйлоди [曾江. 神秘古崖居 谁之聚落地]. Таинственный памятник Гуяцзюй: чье это поселение? // Чжунго шэхуэй кэсюэ бао. 2012. 13 янв. С. А-02. (на кит. яз.)
- Чжан Сюфу, Лю Цзылун, Чжан Цуйжун.** Шило цянъяньдэ вэньмин – си ван бишу чжуан [张秀夫、刘子龙、张翠荣. 失落千年的文明——奚王避暑庄]. Цивилизация, утраченная на тысячелетия, – летняя резиденция сисского вана // Пинцюань ляо вэньхуа [平泉辽文化]. Культура Ляо в уезде Пинцюань. Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 2008. С. 260–265. (на кит. яз.)
- Чжао Цичан.** Бэйцзин Яньцин сянь Гуяцзюй – си си ичжи чжи таньтао [赵其昌. 北京延庆县古崖居——西奚遗址之探讨]. Гуяцзюй в уезде Яньцин в Пекине: исследование памятника западных си // Шоуду боугуань луныцун. 2002. № 16. С. 1–14. (на кит. яз.)
- Шэнь Цзюньшань, Ван Сяоцян, Тянь Шухуа.** Чэндэ си цзу шицзи као люэ [沈军山、王晓强、田淑华. 承德奚族史迹考略]. Краткий очерк исследования исторических памятников народа си в Чэндэ // Вэнь чуньцю. 2020. № 3. С. 34–44. (на кит. яз.)
- Янь Ваньчжан.** Цзиньси Сигушань чуту цидань вэнь мучжи яньцзю [阎万章. 锦西西孤山出土契丹文墓志研究]. Исследование эпитафии, написанной киданьским письмом, найденной в Сигушань, Цзиньси // Каогу сюэбао. 1957. № 2. С. 69–82. (на кит. яз.)
- Янь Юй.** Цзиньси Сигушань ляо Сяо Сяочжун му цинли цзяньбао [雁羽. 锦西西孤山辽萧孝忠墓清理简报]. Краткий отчет о раскопках могилы Сяо Сяочжуна эпохи Ляо в Сигушань, Цзиньси // Каогу. 1960. № 2. С. 34–35. (на кит. яз.)

References

- Bi Deguang.** Xi zu wenhua yanjiu [毕德广. 奚族文化研究]. Xi ethnic culture research. Beijing, Science Press, 2016, 242 p., 12 color pl. (in Chin.)
- Bi Deguang, Wang Ce.** Yanqing Guyaju yizhide niandai yu zushu [毕德广、王策. 延庆古崖居遗址的年代与族属]. The Date and Ethnic Affiliation of the Ancient Cliff Dwelling Sites in Yanqing. *Huaxia Archaeology*, 2017, no. 1, pp. 112–120. (in Chin.)
- Hershey Z. S.** The ecological, economic, and ethno-cultural frontiers of North China: state formation in the Eastern intermediate zone – a history of the Qai 奚. PhD Diss. Philadelphia, 2021, 458 p.
- Huang Xin, Liang Laing, Zhang Shouyi, Zhang Chunchang.** Chengde diqu liao jin yuan shiqi chengzhi kancha baogao [黄信、梁亮、张守义、张春长. 承德地区辽金元时期城址勘察报告]. Survey Report on Liao and Yuan Dynasty City Sites in Chengde Area. *Wenwu shijie*, 2008, no. 5, pp. 11–26. (in Chin.)
- Huang Zhenyun.** Beijing “Guizhou Guyaju” wei qidan Yan-wang jiazhu yinzhai kao [黄震云. 北京“妨州古崖居”为契丹燕王家族阴宅考]. A Study on the Guyaju of Guizhou in Beijing as the Burial Site of the Khitan Yan King Family. In: Liao jin shi lunji [辽金史论集]. Collection of Essays on Liao and Jin History. Beijing, China Social Sciences Press, 2007, iss. 10, pp. 86–90. (in Chin.)
- Jing Ai, Chen Xiaomin.** Liao jin shi yanjiu zhong chuxiande pilou [景爱、陈晓敏. 辽金史研究中出现纰漏]. Oversights in Liao and Jin History Research. In: Liao Jin Xi Xia yanjiu 2014–2015 [辽金西夏研究 2014–2015]. Studies on the Liao, Jin, and Western Xia Dynasties 2014–2015. Beijing, Chinese Literature and History Press, 2018, pp. 183–196. (in Chin.)
- Kradin N. N., Ivliev A. L.** Istoriya kidan'skoi imperii Lyao (907–1125) [History of the Khitan Liao Empire (907–1125)]. Moscow, Nauka, 2014, 351 p., pl. (in Russ.)
- Liu Fengzhu.** Qidan dazi “Xiao Xiaozhong muzhiming” kaoshi [刘凤翥. 契丹大字《萧孝忠墓志铭》考释]. An Interpretation of the Khitan Large Script «Epitaph of Xiao Xiaozhong». In:

Zhongguo Pingquan shou jie qidan wenhua yantaohui lunwenji [中国·平泉首届契丹文化研讨会论文集]. Proceedings of the First Symposium on Khitan Culture in Pingquan, China. Changchun, Jilin Uni. Press, 2010, pp. 30–46. (in Chin.)

- Liu Qian.** Liaoxi Jinxi Xigushan chutude liao mu muzhi [刘谦. 辽西锦西西孤山出土的辽墓墓志]. Epitaph of the Liao Dynasty tomb unearthed at Xigushan, Jinxi, Liaoxi. *Kaogu tongxun*, 1956, no. 2, p. 71. (in Chin.)
- Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group]. Moscow, Nauka, 1984, 486 p. (in Russ.)
- Shen Junshan, Wang Xiaoqiang, Tian Shuhua.** Chengde xi zu shiji kai lue [沈军山、王晓强、田淑华. 承德奚族史迹考略]. A Brief Study of the Historical Sites of the Xi People in Chengde. *Wenwu chunqiu*, 2020, no. 3, pp. 34–44. (in Chin.)
- Tian Shuhua.** Liao jin shiqi xi zu zai Chengde diqu huodong shiji tan kao [田淑华. 辽金时期奚族在承德地区活动史迹探索]. An Exploration of the Historical Sites of the Xi People in the Chengde Area during the Liao and Jin Dynasties. *Northern Cultural Relics*, 1997, no. 4, pp. 85–90. (in Chin.)
- Wang Haiyan, Zhou Jianqiang, Wu Guanglu.** Yanqing Guyaju ying wei handai fenghuotai [王海燕、周建强、吴广禄. 延庆古崖居应为汉代烽火台]. The ancient cliff dwellings in Yanqing must be beacon towers of the Han Dynasty. *Beijing Daily*, 28 March 2006, p. 7. (in Chin.)
- Xiang Chunsong.** Chifeng shi jiaoqu faxiande liao mu [项春松. 赤峰市郊区发现的辽墓]. Liao Dynasty tombs discovered in the suburbs of Chifeng City. *Northern Cultural Relics*, 1991, no. 3, pp. 33–39, 49. (in Chin.)
- Yan Wanzhang.** Jinxi Xigushan chutu qidan wen muzhi yanjiu [阎万章. 锦西西孤山出土契丹文墓志研究]. A Study of the Epitaph Written in Khitan Script Unearthed at the Xigushan in Jinxi. *Acta Archaeologica Sinica*, 1957, no. 2, pp. 69–82. (in Chin.)
- Yan Yu.** Jinxi Xigushan liao Xiao Xiaozhong mu qingli jianbao [雁羽. 锦西西孤山辽萧孝忠墓清理简报]. Brief report on the excavation of the Liao Xiao Xiaozhong Tomb at Xigushan, Jinxi. *Archaeology*, 1960, no. 2, pp. 34–35. (in Chin.)
- Zeng Jiang.** Shenmi Guyaju shei zhi juluodi [曾江. 神秘古崖居 谁之聚落地]. Mysterious Ancient Cliff Dwellings: Whose Settlement Is This? *Chinese Social Sciences Today*, 13 January 2012, p. A-02. (in Chin.)
- Zhang Xiufu, Liu Zilong, Zhang Cuirong.** Shiluo qianniande wenming – xi wang bishu zhuang [张秀夫、刘子龙、张翠荣. 失落千年的文明——奚王避暑庄]. A civilization lost for a thousand years – Xi King's Summer Resort. In: Pingquan liao wenhua [平泉辽文化]. Pingquan Liao Culture. Shenyang, Liaoning minzu chubanshe, 2008, pp. 260–265. (in Chin.)
- Zhao Qichang.** Beijing Yanqing xian Guyaju – xi xi yizhi zhi tantao [赵其昌. 北京延庆县古崖居——西奚遗址之探讨]. Ancient Cliff Dwellings of Yanqing County, Beijing, – A Study of the Western Xi Site. *A Collection of Essays about Capital Museum of China*, 2002, no. 16, pp. 1–14. (in Chin.)
- Zong Chunqi.** Guya shishi he ren ju? [宗春启. 古崖石室何人居?]. Who lived in the ancient cliffside stone chambers? *Beijing Daily*, 28 November 2019, p. 15. (in Chin.)
- Zong Chunqi.** Guyaju shishi zhi mi [宗春启. 古崖居石室之谜]. The mystery of the ancient cliff dwellings stone chambers. *Beijing Daily*, 6 February 2025, p. 11. (in Chin.)

Информация об авторе

Мария Андреевна Кудинова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57204361448

WoS Researcher ID IUN-1771-2023

RSCI Author ID 821099

SPIN 3321-4579

Information about the Author

Maria A. Kudinova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57204361448

WoS Researcher ID IUN-1771-2023

RSCI Author ID 821099

SPIN 3321-4579

*Статья поступила в редакцию 09.01.2026;
одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted on 09.01.2026;
approved after reviewing on 15.01.2026; accepted for publication on 10.02.2026*

Научная статья

УДК 951.04

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-159-167

О расселении первых мохэских племен по сведениям исторических хроник

Владимир Эрнстович Шавкунов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Владивосток, Россия

vshavkunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2439-1865>

Аннотация

В раннесредневековых китайских летописях нет прямых указаний на места первоначального расселения ранних мохэских племен. Четко в них указано только расположение племен относительно друг друга. Анализ второстепенных сведений из «Вэй шу» и «Бэй ши» дает основание считать, что на самом северо-западе ареала распространения уцзи-мохэ (по среднему течению р. Сунгари и по р. Муданьцзян) проживали *хэйшуй*. Севернее Когурё и восточнее Фуюй (в верхнем течении р. Муданьцзян) было племя *лимо*. По летописям, севернее *лимо*, а по карте, в среднем течении р. Муданьцзян проживали *боду*. К востоку от них находится долина верхнего и среднего течения р. Суйфун и здесь должны были находиться *фуне*. Еще восточнее, на территории Приморского края вплоть до моря проживали *хаоши*. К северо-востоку от территории *боду* находится оз. Ханка, на западном и, возможно, южном побережье которого обитали *аньчэгу*. К северо-западу от Ханки находится устье р. Муданьцзян, где, по летописям и приведенным расчетам, должны проживать *хэйшуй*. Юго-восточнее *лимо*, на востоке от горного массива Чанбайшань в долинах рек Туманган и Хуньчун обитало племя *байшань*.

Ключевые слова

племена мохэ, Северное Воцзюй, Когурё, Фуюй, *сушэни*, кроуновская культура

Для цитирования

Шавкунов В. Э. О расселении первых мохэских племен по сведениям исторических хроник // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 159–167. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-159-167

Location of the First Mokhe Tribes According to Historical Chronicles

Vladimir E. Shavkunov

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russian Federation

vshavkunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2439-1865>

Abstract

Forming of *mokhe* tribes refers to the second half of the V century. From the very beginning they started to play a big role in the history of the Far East people. One of the most relevant questions when studying *mokhe* tribes is the territory they lived on. Analyzing chronicle sources provides opportunity to clarify the places of locations of each one of the

© Шавкунов В. Э., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 4: Востоковедение. С. 159–167
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 159–167

seven *mokhe* tribes. “Bei-shi” has information about the way from Holun to *mokhe* and the time it took. Calculations show that *heishui* tribes lived in the region of the mouth of the Mudanjiang river. The *Limo* tribe, which, according to sources, lived on the northern border of Koguryo, could not be on the Fuyui territory. It should have lived in the basin of the upper flow of the Mudanjiang river. To the north, in the middle part of the Mudanjiang river, the *Boduo* tribe was located. To the east of *Boduo*, in the basin of the Suifun river, was the location of the Fonye tribe. To the east from it and to the beginning of the Sea of Japan (on the territories of Partizansky and Lazovsky districts of the Primorsky region) lived the *Haoshi* tribe. To the south-east of *Funie*, on the western bank of Lake Hanka, the *Anchegu* tribe was located. To the south-west from it, lived the *Heishui* tribe. On the geographical map there is a river mouth of the Mudanjiang river, where, according to calculations, the *Heishui* tribe should have been located. To the south-east of *Limo*, along the lower flow of the Tumenjiang river and in the valley of the Hunchun river, on the territory of the former Northern Wozui state, the *Baishan* tribe was located. *Funie*, *Anchegu* and *Haoshi* tribes, which used arrows with stone tips, were located on the territory of Krounovskaya archaeological culture. They primarily consisted of *Sushen* people.

Keywords

the tribes of *Mokhe*, Northern *Wozui*, Koguryo, Fuyui, *Sushen*, the Krounovskaya culture

For citation

Shavkunov V. E. Location of the First Mokhe Tribes According to Historical Chronicles. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 4: Oriental Studies, pp. 159–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-4-159-167

В V в. н. э. на юге современной Маньчжурии после подчинения государства Восточное Фуэй Когурё и бегства нескольких тысяч сяньбийцев из государства Северное Янь к родственному населению в северные пределы Когурё там образовалась общность, получившая название *уцзи* (*мохэ*). Центром консолидации *уцзи* являлась территория Восточного Фуэй. Изначально племена *уцзи* не являлись единым этническим сообществом. На это указывают несколько фактов. Во-первых, в процессе образования мохэских племен, участвовали различные народы группы *вэй*, а также *сушэни* и *сяньби* [Шавкунов, 2023]. Во-вторых, выделение *мохэ* произошло очень быстро. В китайских и корейских исторических сочинениях после 436 г. исчезают сведения о присутствии на севере Когурё потомков *сяньби*, а после 459 г. – и о *сушэнях*. А в скором времени там фиксируются *уцзи*, которые не могли максимум за два поколения сплотиться в единый этнос. В-третьих, часть из племен (*аньчэгу?*, *хэйшуй* и *байшань*) получили свои названия не по имени какого-нибудь рода, а по названию географического объекта, возле которого они проживали. В-четвертых, о разнородности состава *уцзи-мохэ* указывает и фраза из «Суй шу» о том, что племена имеют вождей, но не объединены [Сунь Хун, 2001, с. 80]. В-пятых, об этом же может свидетельствовать тот факт, что в танское время (по «Синь Тан шу») к *мохэ* стали относиться новые народы, проживающие на восток от *тюрок* и *шивэй* вплоть до Охотского моря и Сахалина [Сунь Цзиньцзи, 2001, с. 54]. Перечисленные данные должны свидетельствовать о том, что мохэское общество в целом и отдельные племена в частности не были этнически однородными. И этому не противоречит стоящий в записях о *мохэ* иероглиф «бу», который обычно переводят как племя, но, помимо прочего, имеющий еще и значение «область» (как административно-территориальная единица) [Полутов, 2016, с. 233]. Вполне возможно, именно в этом значении его и поместили в летописи. Но тогда первоначально перечисленные семь мохэских племен являлись главным образом территориальными объединениями и лишь со временем некоторые из них консолидировались в родоплеменные группы.

Свое обобщенное название (*уцзи-мохэ* по-китайски, *мульгиль-мальгаль* по-корейски) они получили от Северного Воцзюй (Чжиголоу-Мэголоу) [Шавкунов, 2023, с. 49], территория которого с 410 г. была подконтрольна Когурё. Из всего сказанного можно сделать два предположения. Во-первых, выделение мохэских племен началось на территории бывшего Северного Воцзюй (Мэголоу), завоеванного Когурё. Во-вторых, вождями основных семи племен были представители местной знати, являвшиеся подданными Когурё и, вполне возможно, получившие от государства инвестицию на правление. По крайней мере, подобные действия в Когурё практиковались, и есть сведения, о том, что ван Квангэтхо (391–413 гг.)

назначил некоего вождя Модуру наместником Северного Пуё (Фуую) [Пак Кюджин, 2015, с. 47].

Территориальный вопрос расселения мохэских племен является одним из краеугольных в дальневосточной археологии. Им занимались многие исследователи. Даже простое перечисление различных концепций, не говоря уже об их критике, – дело отдельной большой статьи. Задача данной работы – попытаться уточнить координаты размещения упомянутых в более ранних источниках семи племен *уцзи-мохэ*.

Точную территорию размещения отдельных племен вряд ли удастся установить – летописи такие вопросы не конкретизируют, а выделить археологические объекты, на которых фиксировался бы процесс сращивания разнокультурных элементов в единый комплекс, пока не удавалось. Кроме того, в мохэских племенах была разная доля населения со своими языковыми, хозяйственными и культурными отличиями. Поэтому говорить о сложившейся археологической культуре *мохэ* ранее VI в. нет достаточных оснований. А вот попробовать, хотя бы приблизительно, установить зафиксированную в летописях территорию, занимаемую в конце V – VI в. н. э. отдельными племенами *уцзи-мохэ*, можно. Для этого мы исходим из следующих соображений. Территория Северного Воцзюй в III в. н. э. располагалась по берегам р. Туманган недалеко от ее устья. Позже она вошла в состав Восточного Фуую, а потом стала частью Когурё. Земли Восточного Фуую простирались от Японского моря и, по-видимому, до среднего течения р. Муданьцзян (рис. 1).

Основными источниками по локализации мохэских племен являются «Вэй шу», «Бэй ши» и «Суй шу». Первая из этих летописей составлена в VI в. Содержащиеся в ней сведения об *уцзи* почти целиком были перенесены в «Бэй ши» [Полутов, 2016, с. 181] и, видимо, в «Суй шу», которые были составлены примерно в одно время (середина VII в.). Определенная информация о *мохэ* содержится в «Цзю тан шу» и в его исправленном варианте «Синь тан шу». Но в этой хронике имеются сведения из «не дошедших до нас источников», при этом касающихся не только *мохэ*. Вполне возможно, что наличие в ней недостоверной информации и стало причиной того, что сунский император Жэнь-цзун, недовольный содержанием «Цзю тан шу», приказал в середине XI в. составить «Новую историю Тан», которую все равно сделали на основе старой. Поэтому брать информацию из танских хроник следует с большой осторожностью.

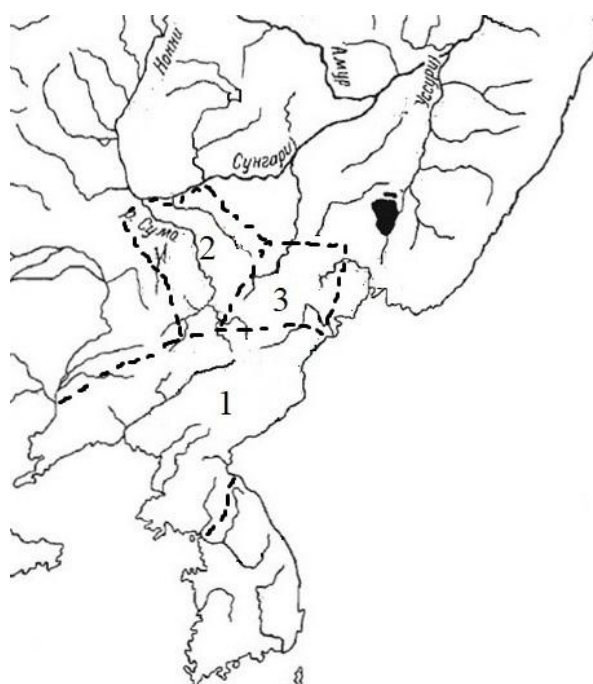

Рис. 1. Территории, ориентировочно занимаемые государствами Когурё (1), Фуую (2) и Восточное Фуую (3) в начале V в. н. э.

Fig. 1. Territories approximately occupied by the states of Koguryo (1), Fuyu (2) and Eastern Fuyu (3) in the early 5th century CE

Впервые о *мохэ* в Китае стало известно в 475 г., когда их посольство с дарами прибыло ко двору Северной Вэй. По всей видимости, это были представители племени *лимо*. Об этом можно судить исходя из обычной житейской логики. Расположение мохэских племен, по «Бэй ши» и «Суй шу», начинается именно с этого племени (вряд ли прибывшие издалека гости начали бы повествование не с себя, а со своих соседей). Также только о *лимо* и двух их непосредственных соседях (*боду* и *байшань*) известно точное количество войска (о более далеких от *лимо* племенах таких данных нет).

Племя *лимо* в «Самгук юса» названо *ливэй* [Ирён, 2018, с. 211]. В «Цзю тан шу» и более поздних источниках его называют *сумо*. Написание иероглифов «ли» и «су», а также «вэй» и «мо» в этих этнонимах очень похожи, и можно предположить, что разночтения в летописях объясняются ошибками переписчиков. В случае с «Самгук юса», скорее всего, так и было. А вот в отношении китайских династийных летописей, не все так однозначно. Ранние источники не сообщают о том, что племя *лимо* проживает по берегам р. Сумошуй. В «Вэй шу» и «Бэй ши» сказано только, что во владениях *уцзи* протекает такая река, в «Суй шу», в разделе об *уцзи*, она вообще не упоминается [Бичурин, 1950, с. 69, 91–93; Полутов, 2016, с. 186]. А вот уже танские летописи племя *лимо* «переименовывают» в *сумо* и «поселяют» по р. Сумошуй [Сунь Хун, 2001, с. 81]. К VII в. мохэсцы, несомненно, уже освоили берега верхнего отрезка Сунгари, и для составителей танских хроник было вполне логично поселить их там, а значит, и немного изменить написание иероглифа. Но изначально консолидация мохэских племен должна была происходить несколько восточнее Сунгари, там, где существовало Северное Воцзюй, а чуть позже – Восточное Фууюй [Шавкунов, 2023]. Надо учесть, что, по «Хоу Хань шу», к северу от Когурё находилось Фууюй [Бичурин, 1950, с. 21], которое, по мнению большинства исследователей, занимало территорию по берегам верхнего и правому берегу среднего течения Сунгари (см. рис. 1). Государство Фууюй просуществовало до 494 г., когда его последний правитель вместе со своим семейством перешел под покровительство вана Когурё [Ким Бусик, 1995, с. 89]. Причиной ликвидации Фууюй, по данным «Вэй шу», стало то, что *фууюйцы* были «вытеснены *уцзи*» [Бутин, 1984, с. 86]. Скорее всего, процесс этого «вытеснения» начался раньше 494 г., но он свидетельствует о том, что *уцзи-мохэ* формировались за пределами Фууюй. Происходить это могло только к востоку от него, а это опять нас выводит во владения бывшего Восточного Фууюй, по территории которого р. Сумошуй не протекала (см. рис. 1).

Тем не менее, сообщение «Бэй ши» о р. Сумошуй во владениях *мохэ* соответствует действительности. В источнике дано описание маршрута из *мохэ* в Китай. Представитель *мохэ* Иличжи плыл вверх по р. Нань на запад до р. Дали (в примечании по р. Нонь-Мурэнь до р. Тор-усу). Там он потопил судно и отправился дальше по суше. Переправившись через р. Лоху, прибыл по западной киданьской меже в Хо-лун [Бичурин, 1950, с. 71]. Здесь Нонь-Мурэнь – несомненно, современная р. Нонни, а Тор-усу – это ее крупный правый приток Таоэрхэ. В «Бэй ши» имеется и описание обратного пути. От Хо-луна в 200 ли на север есть хребет Шань-юй-шань. От него в 13 днях пути на север лежат горы Цици, а еще через 7 дней пути – р. Лосян, шириной около ли. Еще через 15 дней пути на север – р. Тайиолу, а через 18 дней пути на северо-восток находится главный город *уцзи* [Там же, с. 69]. Упомянутая р. Тайиолу – это та же Таоэрхэ, а р. Лосян должна быть р. Лоху. Так как других рек шириной около 1 ли между устьем Таоэрхэ и Холуном (современный город Чаоян) нет, то с уверенностью можно утверждать, что р. Лосян (Лоху) является р. Силяохэ. От устья Таоэрхэ путники двигались на северо-восток до главного города *уцзи* 18 дней. По «Бэй ши», Иличжи возвращался домой той же дорогой, которой добирался в Холун. У р. Таоэрхэ он вытащил из воды свое судно и поплыл на нем домой [Там же, с. 71]. Следует учесть, что под р. Нань в середине I тыс. н. э. считали реки Нонни, Сунгари после слияния с Нонни и Амур после слияния с Сунгари и до устья [Нестеров, 1998, с. 10]. При этом путь вниз по Нонни, а дальше по Сунгари в целом шел на северо-восток, и, видимо, Иличжи добирался домой по этим рекам.

Указанные выше цифры позволяют высчитать примерное место, где находился «главный город» *уцзи*. В «Бэй ши» есть четкое указание на то, что от начала Силяохэ (Лоху, Лосян) до устья Таоэрхэ 15 дней пути. По современным картам это расстояние напрямую составляет около 300 км. Добавим 20 % (60 км) на извилистость маршрута по несложной пересеченной местности и получаем 360 км пути за 15 дней, или около 24 км в день. Такое расстояние, даже пешком или на телеге, несложно пройти за 6 часов. Основное количество мохэских посольств в Китай приходилось на осенне-зимний период [Полутов, 2016, с. 192], когда световой день не превышал 12 часов. Поэтому, вполне реально, что именно 6 часов путники тратили непосредственно на передвижение, а остатки светлого времени уходили на сбор дров, приготовление завтрака, прием пищи, сворачивание временного лагеря утром и устройство лагеря и приготовление ужина вечером. Точно такие же действия были нужны и при передвижении по рекам. При скорости течения рек 3,5–4 км в час, сплавляясь по 6 часов в день, за 18 дней Иличжи должен был проплыть от устья Таоэрхэ вниз по Нонни и Сунгари приблизительно 400 км. Получается, что «главный город *уцзи*» находился на р. Сунгари где-то в промежутке между городами Харбин и Мулань, т. е., скорее всего, за восточной границей Фууй. Но это, если просто плыть по течению. Если же спутники Иличжи помогали движению лодок веслами или шестами (а, вероятно, так и было), то скорость сплава могла возрасти до 5 км в час. Тогда они вполне могли пройти за 18 дней до 550 км и оказаться в районе устья р. Муданьцзян, и, скорее всего, именно на р. Муданьцзян был «главный город *уцзи*» [Шавкунов, 2025]. Таким образом, племя, к которому принадлежал Иличжи, изначально проживало по р. Муданьцзян, по всей видимости, простираясь на запад до границы Фууй. И это были крайние северо-западные земли мест обитания 7-ми племен *мохэ*, а значит, там проживали *хэйшуй*. При этом не должно смущать то, что р. Муданьцзян в летописях не названа Хэйшуй (Черной речкой). На мой взгляд, искать речку, на которой проживали *хэйшуй*, по современному или древнему названию рискованно – «Черных» речек много. Река с таким названием есть в Санкт-Петербурге, Томске, Владивостоке, наверное, есть и в других городах и странах, в том числе и в Китае. По «Наглядно указующим планам», составленным сунским литератором Су Дунпо (Су Ши), по крайней мере две «черные» реки были в средневековой Корее [Ирён, 2018, с. 215]. Также неправомерно отождествлять мохэскую Черную речку с р. Черного дракона (Хэйлунцзян) или с маньчжурским названием Амура (Сахалиньула). А вот р. Муданьцзян в дотанское время вполне могла носить название Хэйшуй.

С достаточно большой долей уверенности можно локализовать и юго-западные пределы *мохэ*, где летописи поселяют племя *байшань*. В маньчжурском источнике «Циньдинманьчжоуянюаньлюкао» («Высочайшее утвержденное исследование о происхождении маньчжур») есть фраза о том, что династия Цин «по-прежнему [тяготела] к поколению Великой Цзинь... первоначально не выходя из границ *Бошань* и *Хэйшуй*» [Кюннер, 1961, с. 260]. И несколько ниже «По справке, имена *Бо* (*Бай*) *шань* (Белые горы) и *Хэйшуй* (черные воды, реки) впервые появляются в “Бэйши”, но прославились в истории Цзинь. Когда наша [маньчжурская] династия получила повеление неба и воспрянула, подобно дракону, эти [горы и реки] были местом, где красный плод обрел счастье» [Там же, с. 261]. Произведение явно, хотя и по-своему поэтично, намекает на формирование ядра маньчжурского этноса на бывшей территории проживания племен *байшань* и *хэйшуй*. Другие мохэские племена не упоминаются. В то же время разные маньчжурские источники сообщают о том, что царский род, правивший в государстве Цин, происходил из г. Одоли, находившегося к востоку от Чанбайшаня [Горский, 1909, с. 110–112]. По «Бэй ши», *хэйшуй* изначально находились на северо-западе мохэского ареала. На севере от Когурё (и от гор Чанбайшань), находилось *лимо*, а племя *байшань*, располагавшееся к юго-востоку от *лимо*, должно было находиться к востоку от гор Чанбайшань. Это полностью согласуется с данными маньчжурских источников о происхождении правящего рода из г. Одоли, находящегося к востоку от Чанбайшаня на бывших землях *байшань*. А это как раз те места, где, по расчетам, в III в. должно было находиться государственное

объединение Северное Воцзюй (Мэголоу), давшее название будущему этническому племени мохэ [Шавкунов, 2023, с. 49].

Таким образом, установлены примерные места формирования двух мохэских племен. По среднему течению р. Сунгари, по всей видимости, на восток и на запад от р. Муданьцзян проживали хэйшуй (рис. 2). Оно было «далеко сильнее прочих» [Бичурин, 1950, с. 70] и потому занимало довольно большую территорию. Племя байшань проживало по берегам нижнего течения р. Туманган, скорее всего, захватывая долину р. Хуньчунь. Также можно установить ареал проживания племени хаоши. Это было самое восточное из семи племен и являлось страной древних сушэней [Бичурин, 1950, с. 70, 92]. Сушэни уверенно отождествляются с кроуновской археологической культурой [Шавкунов, 2024], которая занимала территорию южной части Приморского края вплоть до моря. Самые восточные памятники кроуновцев-сушэней расположены в Лазовском и Партизанском районах и отделены от более западных земель массивом гор Пржевальского. Логично предположить, что там и должно находиться племя хаоши.

Теперь, когда установлены крайние восточные, юго-восточные и северо-западные области распространения ранних мохэцев, можно вычислить места локаций и других племен уцзи-мохэ. По «Бэй ши» и «Суй шу», к северо-западу от байшань, к северу от Когурё и гор Чанбайшань проживало племя лимо. При образовании мохэских племен еще существовало государство Фуюй, которое также находилось к северу от Когурё, занимая долину р. Сунгари. Лимо могло быть только восточнее Фуюй. Учитывая все сказанное, они с наибольшей долей вероятности должны были занимать территорию по верхнему – среднему течению р. Муданьцзян, а племя байшань действительно оказывалось к юго-востоку от него. К северу от лимо находилось племя боду. По логике оно должно было располагаться по среднему течению р. Муданьцзян. По летописям, к востоку от боду проживало племя фуне, а судя по географической карте, там находится долина р. Раздольной, практически доходящая до гор Пржевальского, восточнее которых находятся Партизанский и Лазовский районы Приморского края, а по летописям, там проживают хаоши, что в целом соответствует приведенным выше расчетам. Для племени аньчэгу, находящегося, по летописям, к северо-востоку от боду, в наибольшей степени подходит территория к западу от оз. Ханка. Земли, занимаемые,

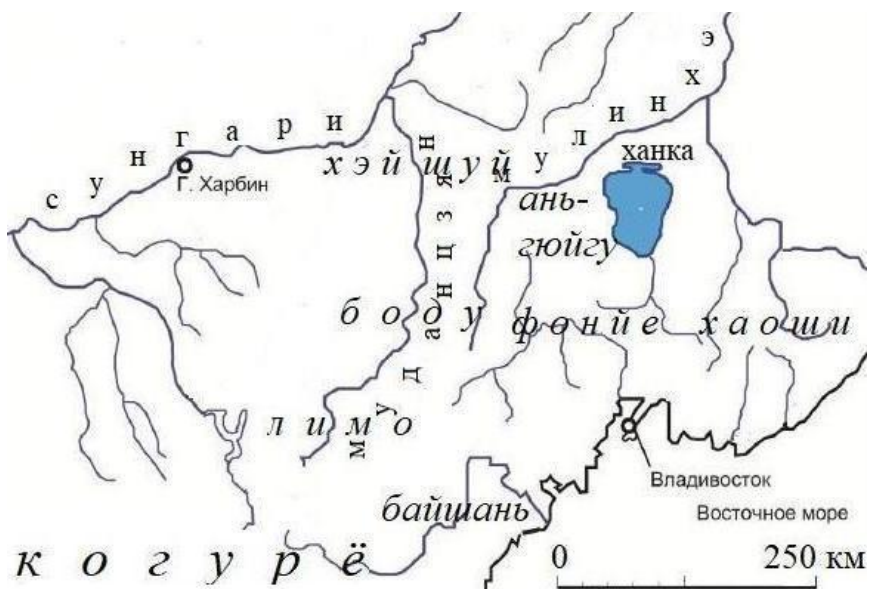

Рис. 2. Места расположения первых летописных племен уцзи-мохэ по «Бэй ши»
Fig. 2. Locations of the first chronicles Wuji-Mokhe tribes according to the "Bei Shi"

по приведенным расчетам, племенами *фуне* и *аньчэгу*, также были ареалом распространения кроуновской-гуаньцзе культуры, и можно предположить, что их основу также составляли *сушэни*. По такому расположению племен, *хэйшуй*, как записано в «Бэй ши» и «Суй шу», находились к северо-западу от *аньгюйгу*, т. е. они должны были располагаться по нижнему течению р. Муданьцзян и, возможно, еще дальше, по среднему течению р. Сунгари), куда они и были отнесены в данном исследовании. Фразу из «Бэй ши» о том, что на восток от Фонье население использует каменные наконечники стрел и что это древняя страна *сушэней* [Бичурин, 1950, с. 70, с. 92], вполне можно понимать как на восток от *фуне*, включая само это племя. Тогда никаких противоречий в записях из «Бэй ши» и «Суй шу», ареалом распространения кроуновской-гуаньцзе культуры и предложенной схемой расселения мохэских племен нет. А племена *фуне* и расположенные восточнее него *аньчэгу* и *хаоши*, на вооружении которых, по летописям, были каменные наконечники стрел, находились на территории распространения кроуновской-гуаньцзе культуры, и основу их составляли *сушэни*.

Анализ данных китайских и маньчжурских письменных источников позволяют довольно точно определить места расселения первоначальных семи племен уцзи-мохэ в V–VI вв. н. э. При условии, что зафиксированное в летописях расположение этих племен относительно соседних верно, локализация их на современной карте Восточной Маньчжурии и Приморского края будет следующей (см. рис. 2). Племя *лимо* (*сумо*), занимавшее территорию севернее Когурё, но не на землях Фуюй, располагалось по верхнему течению р. Муданьцзян. К северу от него, а значит, в среднем течении р. Муданьцзян, находилось племя *боду* (*гудо*). К востоку от *боду* – на географической карте это область верхнего и среднего течения р. Суйфун (Раздольная) – проживало племя *фуне*. На восток от него, вплоть до Японского моря (на территории Партизанского и Лазовского районов Приморского края), должны были проживать *хаоши*. К северо-востоку от *боду* находится оз. Ханка, на западном и, возможно, южном побережье которого проживали *аньчэгу*. К северо-западу от них летописи помещают *хэйшуй*, а на современных картах там находится долина нижнего течения р. Муданьцзян и правобережье р. Сунгари. Именно там, по приведенным выше расчетам, и должны были проживать *хэйшуй*. И, наконец, седьмое племя (*байшань*), отмеченное к юго-востоку от *лимо*, должно было располагаться в восточных предгорьях массива Чанбайшань, включая долины рек Туманцзян и Хуньчунь.

Список литературы

- Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 2. 336 с.
- Бутин Ю. М.** Корея: от Чосона к Трём Государствам (II в. до н. э. – IV в.). Новосибирск: Наука, 1984. 256 с.
- Горский В. В.** О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Пекин, Изд-во Пекинской духовной миссии, 1909. Т. 1. С. 108–140.
- Ирён.** Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса). / Пер. с ханмуна, вступ. ст, коммент. и указ. Ю. В. Болтач; Ин-т вост. рукописей РАН. СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.
- Ким Бусик.** Самгук саги. Т. 2. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Памятники литературы народов Востока / Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 1995. 770 с.
- Кюнёр Н. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 392 с.
- Нестеров С. П.** Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: СО РАН, 1998. 184 с.

- Пак Кюджин.** Археологические и письменные источники о носителях культуры раннего железного века фэнлинь на крайнем северо-востоке Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 10: Востоковедение. С. 40–53.
- Полутов А. В.** Уцзи-мохэ в китайских письменных памятниках «Вэй-шу», «Бэй-ши» и «Суй-шу» // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2016. Вып. 4. С. 180–243.
- Сунь Хун.** Мохэ, бохайцы, чжурчжэни // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 80–89.
- Сунь Цзиньци.** Древние народы Приморья и Приамурья в китайских письменных источниках // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 52–65.
- Шавкунов В. Э.** Происхождение мохэ по данным летописных источников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 46–55.
- Шавкунов В. Э.** Сушэни в археологии железного века Восточной Маньчжурии и Приморского края // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 1. С. 25–29.
- Шавкунов В. Э.** О локализации мохэского племени хэйшуй // Гуманитарные науки в Сибири. 2025. Т. 32, № 2. С. 5–10.

References

- Bichurin N. Ya.** *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow-Leningrad, Izd-vo akademii nauk SSSR, 1950, ch. 2, 336 p. (in Russ.)
- Butin Yu. M.** *Koreya: ot Chosona k Trem Gosudarstvam (II v. do n. e. – IV v.)* [Korea: from Joseon to Three States (II century BC – IV century)]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 256 p. (in Russ.)
- Gorsky V. V.** *O proiskhozhdenii rodonachal'nika nyne tszarstvuyushchei v Kitae dinastii Tsin i imeni naroda man'chzhu* [About the origin of the founder of the now reigning Qing Dynasty in China and the name of the Manchu people]. In: *Trudy chlenov rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine* [The works of the members of the Russian Religious Mission in Beijing]. Beijing, Beijing Religious Mission Press, 1909, vol. 1, pp. 108–140. (in Russ.)
- Iryeon.** *Ostavshiesya svedeniya [o] tryokh gosudarstvakh (Samguk yusa)* [The remaining information [about] the three states (Samguk yusa)]. Institut vostochnykh rukopisei RAN. St. Petersburg, Giperion, 2018, 894 p. (in Russ.)
- Kim Busik.** *Samguk sagi. Vol. 2. The Annals of Koguryo. The Annals of Baekye. Pamyatniki literaturny narodov Vostoka.* Moscow, Vostochnaya literatura, 1995, 770 p. (in Russ.)
- Kyuner N. V.** *Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentralnoi Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese information about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow, AS USSR Publ., 1961, 392 p. (in Russ.)
- Nesterov S. P.** *Narody Priamur'ya v epokhu rannego srednevekov'ya* [The peoples of the Amur region in the Early Middle Ages]. Novosibirsk, SB RAS, 1998, 184 p. (in Russ.)
- Park Kyujin.** *Arkheologicheskie i pis'mennye istochniki o nositelyakh kul'tury rannego zheleznogo veka fenlin na krainem severo-vostoke Kitaya* [Archaeological and written sources about the bearers of the Early Iron Age Fenglin culture in the far Northeast of China]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 10: Oriental Studies, pp. 40–53. (in Russ.)
- Polutov A. V.** *Uczi-moxe v kitaiskikh pis'mennykh pamyatnikakh "Vej-shu", "Bei-shi" i "Sui-shu"* [Wuji-mokhe in the Chinese written sources "Wei-shu", "Bei-shi" and "Sui-shu"]. In: *Srednevekovye drevnosti Primor'ya* [Medieval antiquities of Primorye]. Vladivostok, Dal'nauka, 2016, iss. 4, pp. 180–243. (in Russ.)
- Sun Hong.** *Mokhe, bokhaitsy, chzhurchzheni* [The Mokhe, Bohai and Jurchen]. In: *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoi Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhai*

[Ancient and medieval history of East Asia. On the 1300th anniversary of the formation of the State of Bohai]. Vladivostok, FEB RAS, 2001, pp. 80–89. (in Russ.)

Sun Jinzi. Drevnie narody Primor'ya i Priamur'ya v kitayskikh pis'mennykh istochnikakh [Ancient Peoples of Primorye and the Amur Region in Chinese Written Sources]. In: Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoi Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhai [Ancient and medieval history of East Asia. To the 1300th anniversary of the formation of the Bohai State]. Vladivostok, FEB RAS, 2001, pp. 52–65. (in Russ.)

Shavkunov V. E. Proiskhozhdenie mokhe po dannym letopisnykh istochnikov [The Origin of Mokhe According to Chronicle Sources]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 46–55. (in Russ.)

Shavkunov V. E. Susheni v arkheologii zheleznogo veka Vostochnoi Man'chzhurii i Primorskogo kraia [Sushen in the Archaeology of the Iron Age of Eastern Manchuria and Primorsky Region]. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2024, vol. 31, no. 1, pp. 25–29. (in Russ.)

Shavkunov V. E. O lokalizatsii mokheskogo plemeni kheishui [About the localization of the Heishui Mokhe tribe]. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2025, vol. 32, no. 2, pp. 5–10. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Эрнстович Шавкунов, кандидат исторических наук
RSCI Author ID 123292
SPIN 1186-4211

Information about the Author

Vladimir E. Shavkunov, Candidate of Sciences (History)
RSCI Author ID 123292
SPIN 1186-4211

*Статья поступила в редакцию 14.05.2024;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 08.12.2025
The article was submitted on 14.05.2024;
approved after reviewing on 02.10.2025; accepted for publication on 08.12.2025*

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора, его ID в базах данных.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240–270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

**Корейский полуостров и Японские острова:
сложение особенностей и заимствование культурных традиций**

Иван Иванович Иванов

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)

**Korean Peninsula and Japanese Islands:
Forming Features and Borrowing Cultural Traditions**

Ivan I. Ivanov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract
Keywords
Acknowledgements

Основной текст статьи
Список литературы
References
Информация об авторах
Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976, с. 2] или [Энциклопедия игр, 1989, т. 1, с. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

- Ким Бусик.** Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.
- Черемисина М. И.** Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
- Kakar H.** The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 195–214.
- Ан Чхольхва.** Маджак пэуги [마작 배우기. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)
- Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育]. Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)
- Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь.** Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)
- Сато Сэкико.** Гэндзи-моногатари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 一方便の思いに即して – // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моногатари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)
- Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань.** Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэньу. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)
- Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань.** Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古]. Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

- Voytishek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V.** Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, pp. 163–173. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥。现代文人的隐与痛。广州市，中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются статьи, соответствующие основным рубрикам журнала, а также рецензии, дискуссии, хроника.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: для китайского языка – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; для японского языка – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; для корейского языка – транскрипция по системе Л. Р. Концевича, шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохранят присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).